

ВОРОНЕЖСКИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

№ 4 (21). 2019

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор юридических наук
М. О. Баев

доктор юридических наук
Е. Каспшак
(г. Ольштын, Польша)

доктор юридических наук
В. А. Мещеряков

кандидат
юридических наук
Т. Э. Кукарникова
(ответственный
секретарь)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор):
Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации ПИ
№ ФС77-60396
от 29 декабря 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
Карагодин В. Н. Опередивший время.....	10
Комаров И. М. Профессор Олег Яковлевич Баев и его вклад в отечественную правовую науку	18
Хмелева А. В. Вопросы взаимодействия следователя и судебных экспертов в трудах профессора О. Я. Баева (проблемы и пути их решения)	22

КРИМИНАЛИСТИКА

Авакьян М. В. Тактические особенности верификации показаний подсудимого в ситуации их изменения	30
Баев М. О. Криминалистическая адвокатолия: место и роль в предмете криминалистики	36
Балко В. И., Сергеев С. А. К вопросу о классификации причинно-следственных связей в криминалистике	42
Галяшина Е. И. Становление частной теории судебной фоноскопической экспертизы.....	47
Горбова В. В. Личность преступника, совершающего грабежи и разбойные нападения на открытой местности.....	59
Комбарова Е. Л. О структуре тактико-криминалистической составляющей уголовно-процессуальной судебной деятельности	66
Краснова Л. Б. Особенности криминалистической характеристики мошенничества в сфере компьютерной информации	80
Передерий В. А., Голодный А. Н. Анализ ряда актуальных вопросов, связанных с применением норм права при расследовании преступлений по фактам невыплаты заработной платы	86
Россинская Е. Р. Частная теория информационно- компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: предмет, объекты, изучаемые закономерности	91

Адрес редакции:
394006 Воронеж,
пл. Ленина, 10а, к. 611

Ведущий редактор
издательской группы
А. Ю. Игнатова

Подписано в печать
08.08.2019.
Формат 70×100/16.
Усл. п. л. 15,1.
Уч.-изд. л. 15,8.
Тираж 300. Заказ 87

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж,
пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии
Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж,
ул. Пушкинская, 3

© Воронежский
государственный
университет, 2019
© Оформление,
оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2019

Саньков В. И. Актуальные вопросы проверки показаний на месте (по результатам анкетирования следователей СК России)..... 98

Светличный А. А. Криминалистическая характеристика личности потерпевшего убийства по найму..... 103

Стояновский М. В. Криминалистическая методика расследования преступлений: принципы построения и структурообразующие элементы..... 107

Суворова Л. А., Цуроев М. С. Проблемы предъявления для опознания по голосу и устной речи при расследовании преступлений..... 115

Цурлуй О. Ю. Использование криминалистических знаний в судебном разбирательстве и его место в системе криминалистики 124

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Баева К. М. Процессуальные санкции как способ противодействия и нейтрализации злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве России 130

Белкин А. Р. Принцип своевременности в уголовном процессе 136

Красноуцкая Т. А. Уголовно-процессуальная деятельность начальника подразделения дознания в стадии возбуждения уголовного дела: проблемы правовой регламентации..... 141

Кудрявцев Ю. С. Рецензия как один из методов оценки заключения эксперта..... 145

Кукарникова Т. Э. Электронные доказательства в уголовном процессе 150

Пучнин А. В. Судебное санкционирование оперативно-розыскных мероприятий..... 158

Россинский С. Б. Протокол задержания подозреваемого как больной зуб: лечить или удалять? 163

Савицкая И. Г. Участие педагога и психолога на стадии судебного разбирательства по уголовным делам с участием несовершеннолетнего..... 173

Торговченков В. И. Проблемы неотвратимости ответственности за совершение преступлений и правонарушений..... 178

Требования к материалам, направляемым в редакционную коллегию журнала для опубликования 183

VORONEZH CRIMINALISTIC READINGS

№ 4 (21). 2019

FEDERAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL JOURNAL

EDITORIAL BOARD:

doctor of legal sciences
M. O. Baev

doctor of legal sciences
E. Kaspshak
(Olsztyn, Poland)

doctor of legal sciences
V. A. Meshcheryakov

candidate of legal sciences
T. E. Kukarnikova
(executive secretary)

CONTENTS

Introduction.....	7
Karagodin V. N. Ahead of time.....	10
Komarov I. M. Professor Oleg Bayev and his contribution to the russian legal science	18
Khmeleva A. V. Interaction between the investigator and judicial experts in the writings of professor O. Ya. Baev (problems and ways of their solution)	22

CRIMINALISTICS

Avakyan M. V. Tactical features of verification the criminal defendant testimony in a situation if the testimony has been changed.....	30
Baev M. O. Science about defence lawyer in criminalistics: place and role in the subject of criminalistics.....	36
Balko V. I., Sergeev S. A. On the issue of the classification of cause-effect relationships in forensic science.....	42
Galyashina E. I. The formation of the special theory of forensic phonoscopic examination.....	47
Gorbova V. V. Judicial sanctioning of operational-search activities	59
Kombarova E. L. On the structure of tactical forensic component of the criminal procedure judicial activity.....	66
Krasnova L. B. Features of criminalistics characteristics of fraud in the sphere of computer information.....	80
Peredery V. A., Golodny A. N. Analysis of a number of topical issues related to the application of the law in the investigation of crimes on the facts of non-payment of wages.....	86
Rossinskaya E. R. The private criminalistic theory information and computer software of the criminalistic activities: subject, objects, investigated regularities.....	91

Editorial address:
394018 Russia, Voronezh,
Lenin Sq., 10a, r. 611

San'kov V. I. Topical issues of verification of evidence on the spot (based on the results of the survey of investigators of the IC of Russia)98

Svetlichny A. A. Forensic characterization of the identity of the victim of murder for hire 103

Stoyanovsky M. V. Criminalistic method of crime investigation: principles of construction and structural elements 107

Suvorova L. A., Tsuroev M. S. Problems of voice and speech identification during the identification parade..... 115

Tsurluy O. Yu. The use of criminalistics knowledge in court proceedings and its place in the system of criminalistics 124

CRIMINAL PROCESS

Baeva K. M. Procedural sanctions as a way to counter and neutralize the abuse of the right by the defense in russian criminal proceedings..... 130

Belkin A. R. Principle of timeless in the criminal process..... 136

Krasnorutskaya T. A. Criminal-procedural activity of the chief of the understanding the understanding at the stage of excitation of the criminal case: problems of the right regulation..... 141

Kudryavtsev Yu. S. Review as one of the methods of evaluation 145

Kukarnikova T. E. Electronic evidence in criminal proceedings 150

Puchnin A. V. Judicial sanctioning of operational-search activities 158

Rossinskiy S. B. Protocol for detaining a suspect as a sick tooth: to treat or delete? 163

Savitskaya I. G. The presence of a teacher and a psychologist on stage judicial proceedings in criminal cases involving minors 173

Torgovchenkov V. I. Problems of inacceptability of responsibility for the perfection of crimes and offenses 178

The requirements to the materials directed to an editorial board of the journal for publication 183

*Светлой памяти доктора юридических наук,
профессора кафедры криминалистики
Воронежского государственного университета,
заслуженного деятеля науки РФ
Олега Яковлевича Баева (1941–2017)
п о с в я щ а е т с я*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые коллеги! Ни один письменный текст не давался мне так сложно, как данное предисловие. Говорить об Олеге Яковлевиче (отце, учителе, наставнике в самом широком понимании данного слова, друге) в прошедшем времени не хочется и не может! И лишь отчетливое и ясное понимание того, что ОН – не прошлое, а НАШЕ (не только мое, но и очень многих) настоящее и, я убежден, будущее, дает силы и уверенность продолжать им начатое.

Именно Олег Яковлевич стоял у истоков того, что сейчас по праву именуется Воронежской криминалистической школой, именно он создал в 2000 г., развивал, лелеял и гордился «Воронежскими криминалистическими чтениями», которые по праву занимают достойное и авторитетное место в научной периодике. В очередной раз излагать этапы биографии Олега Яковлевича, наверное, нет смысла: она известна и много раз воспроизводилась после его ухода. Он бы сказал: «От человека остается то, что он сделал, минус тщеславие». Сделано очень многое (книги, мысли, ученики), но сколько осталось нереализованных идей, задумок, планов!!!

Научный поиск, сомнения, споры – до последнего вздоха. Достойная, замечательная жизнь большого ученого и большого человека.

«Когда уходит из жизни знакомый человек, появляется чувство недоуменной печали (почему так – вдруг ушел?..).

Когда же из жизни уходит близкий человек, возникает чувство боли: она появилась, не исчезает... и вдруг временами так накатывает, что дышать без этого человека затруднительно». Это слова самого Олега Яковлевича на смерть друга. Лучше него самого и не скажешь. И ему, особенно в последнее время, действительно дышалось тяжело. И сейчас понимаешь, что это не астма, а жизнь, пропускаемая через себя! Потери друзей, то, что происходит в стране, науке, образовании, на факультете, все – его боль!

Уверен, что лучшей наградой ему (а к официальным наградам он относился со ссылкой на Ф. Раневскую, исключительно как к похоронным принадлежностям) и лучшей памятью о нем может быть только наша жизнь, наше неравнодушие (и человеческое, и научное).

Средств, но определенно, если
так, форма неверная — и она
начинает сходить с ума — переписки

— ЧТО ИЗ ВСЕГО НАМНУ НАИ-
сильнее и является из тех
из Завета и Нолом Завета?

Истинных авторов Англии
мы называем ирландцами или
иногда, 20 Калумб сестры, 20
встречи их в Индии

Эксперт как не существует
универсальной ре-в

Характер — пробовали
из прес.

проблема
или, и
3-4-5-6
или
дети
тебя,

— Суров — самая ответственная
— адекватная — самая сложная задача

— Замыслил — самая сложная и неурно-
зная

Брать иудейски с иудей-
скими обрядами
у них по делу конформистов
интересов

Его светлой памяти и посвящен данный выпуск «Воронежских криминалистических чтений».

На мой взгляд, исключительно символично, что Олегу Яковлевичу Баеву посвящен именно двадцать первый выпуск «Воронежских криминалистических чтений». Двадцать одно в популярной, в том числе в криминалистической среде, карточной игре означает полную, безусловную, безоговорочную, неоспоримую победу! Он победил! Теперь наша очередь побеждать (в основном себя), хотя бы в память о НЕМ!

*Ответственный редактор
«Воронежских криминалистических чтений»
академик РАН, доктор юридических наук, профессор
М. О. Баев*

В. Н. Карагодин*Московская академия Следственного комитета Российской Федерации***ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ**

Аннотация: *статья посвящена известному российскому ученому-криминалисту, основателю Воронежской научной школы криминалистики, профессору О. Я. Баеву. В ней отмечаются целеустремленность, нестандартность, творческая самостоятельность ученого, исследования которого в известной степени опережали уровень развития науки того времени.*

Ключевые слова: *наука криминалистика, тактика профессиональной защиты, криминалистическая адвокатология, концепция предмета криминалистики, интеграция и междисциплинарный характер научных исследований.*

AHEAD OF TIME

Abstract: *the article is devoted to the famous Russian forensic scientists, the founder of the Voronezh scientific school of criminology, professor O. Ya. Baev. It marked dedication, originality, creative independence scientist whose research, to a certain extent, ahead of the level of science at the time.*

Key words: *forensic science, tactics of professional protection, forensic science of advocacy, subject of criminology concept, integration and interdisciplinary nature of scientific research.*

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Никогда не предполагал, что буду писать воспоминания об Олеге Яковлевиче Баеве, буду говорить о нем в прошедшем времени...

Зрительный образ Олега Яковлевича, навсегда отразившийся в моей памяти, все время вызывает иллюзию невозможного – я его вижу, сейчас услышу его голос, слегка грассирующий выговор...

Наши отношения, продолжавшиеся более четверти века, были очень теплыми, и, наверное, их можно охарактеризовать как дружеские, хотя встречались мы не так часто. За всю историю нашего знакомства мы виделись едва ли десяток раз, что не мешало нам обращаться друг к другу не только по делам служебным, научным, но и личным.

С трудами О. Я. Баева я познакомился еще в период работы над кандидатской диссертацией. Поскольку она была посвящена проблемам распознавания и преодоления способов сокрытия преступления, неизбежно было внимательное изучение научных исследований конфликтных ситуаций. О. Я. Баев, как известно, был одним из основных разработчиков этого направления теории криминалистических ситуаций.

Уже при первом ознакомлении с работами Олега Яковлевича бросается в глаза его стремление использовать при изучении объекта научного исследования ранее не использованные подходы, выявить аспекты, оставшиеся незатронутыми в уже проводившихся изысканиях. При этом у О. Я. Баева, в отличие от многих современных авторов, абсолютно не

просматривалось стремление выделить собственную позицию, личный приоритет в проведенных научных изысканиях. Не наблюдалось и пренебрежения суждениями других авторов, попыток обойти, замолчать мнения ученых.

Бросался в глаза и легкий для восприятия стиль изложения, одновременно отличающийся стройной, логичной подачей материала, обстоятельной аргументацией промежуточных и конечных выводов.

Могу признаться, что, читая работы О. Я. Баева, завидовал (белой завистью) изящности подачи информации, доходчивости для читателя, оригинальности суждений и т. п. Самому мне овладение научным стилем давалось непросто. Сказывалась работа следователем, сопряженная с использованием стандартизированных, повторяющихся фразеологических и лексических средств.

В тот период я еще не знал, что судьба подарит мне не только знакомство, но и теплые отношения с блестящим ученым и прекрасной души человеком.

Лично познакомились мы на одной из конференций. Знакомство было, как говорят, дежурным и ни к чему не обязывающим.

Более тесные отношения у нас возникли после выступления Олега Яковлевича в качестве официального оппонента на защите моей докторской диссертации.

Нужно сказать, что выбор Олега Яковлевича в качестве официального оппонента был осознанным и одобренным не только моими коллегами по кафедре, но и несомненным лидером российской криминалистики Р. С. Белкиным. Для читателя небезынтересно узнать, как это происходило. С Р. С. Белкиным в то время я был знаком весьма отдаленно. Темы же моих кандидатской и докторской диссертаций были не только довольно новыми, но и находились в сфере научных ин-

тересов Р. С. Белкина. Именно Р. С. Белкин впервые обратил внимание научного сообщества на проблемы сокрытия преступления и противодействия предварительному расследованию.

Незадолго перед моей защитой в Уральской государственной юридической академии открылся диссертационный совет по защите докторских диссертаций по ряду научных специальностей. В заседании этого совета по защите одной из первых докторских диссертаций в качестве официального оппонента принимал участие Р. С. Белкин. Вечером во время неофициальной части мы оказались рядом с ним. Р. С. Белкин неожиданно проявил интерес к моей докторской диссертации, которая уже была принята к защите упомянутым советом. Он предложил мне на следующий день принести на заседание совета автореферат диссертации для ознакомления. Нужно ли говорить, что подобный интерес вызвал у меня, мягко говоря, двойственную реакцию. С одной стороны, это льстило самолюбию – как же, мэтр проявляет интерес. С другой стороны, возникло весьма неприятное чувство опасения. Поговаривали, что Р. С. Белкин нелицеприятно реагировал на работы, которые ему по тем или иным причинам не нравились.

На следующий день опасения мои усилились, поскольку, как мне показалось, мэтр был сильно не в духе. Он был хмур и, находясь в зале диссертационного совета, после обмена приветствиями сразу спросил, принес ли я реферат. Я достал и передал требуемую работу. Реакция мэтра была неожиданной. Он достал сигареты, закурил и предложил мне. На мое робкое замечание по поводу запрета на курение в подобных местах он ответил, что ему можно. Душа у меня окончательно замерла и опустилась до самого нижнего уровня.

Однако, как только Р. С. Белкин ознакомился с имеющимся в автореферате списком официальных оппонентов, а в нем первым значился О. Я. Баев, настроение у него заметно улучшилось. Он сказал, что оппоненты подобраны хорошие, и тут прокомментировал свое высказывание, комплиментарно высказавшись об О. Я. Баеве как об ученом, обладающем достаточно широким научным кругозором.

Я промолчал, хотя приглашал О. Я. Баева как ученого, специализирующегося на исследованиях конфликтных ситуаций. Предполагалось, что О. Я. Баев даст оценку противодействию расследованию прежде всего как причине возникновения и важнейшему элементу конфликтной ситуации. Р. С. Белкин же сказал, что О. Я. Баев наверняка даст более детальный анализ противодействия предварительному расследованию, рассматривая его в качестве компонента объекта науки криминалистики. Забегая вперед, скажу, что прогноз выдающегося ученого полностью подтвердился. О. Я. Баев дал всестороннюю и полную оценку моей диссертации не только с позиции криминалистической, но и глобальной науки. Отметил при этом разновидность противодействия предварительному расследованию конкурентного, состязательного и только после этого конфликтного поведения.

Было высказано и несколько замечаний по содержанию диссертации, с частью которых диссертант согласился, а некоторые оспаривал.

Как ни странно, именно в эти дни приезда Олега Яковлевича в наш город для участия в работе вышеназванного совета наши отношения из простого знакомства перешли в другое качество. Выяснилось, что Олега Яковлевича интересует многое. Он с юношеским энтузиазмом откликнулся на предложение

посетить границу Европы и Азии. С удовольствием фотографировался, располагаясь таким образом, чтобы одновременно находиться в разных частях света. Все это сопровождалось весьма остроумными высказываниями в собственный адрес. Впрочем, без внимания не оставались и присутствующие.

Неожиданный для меня интерес был проявлен гостем и к истории нашего города военного периода. По его желанию мы посетили несколько Домов культуры, в которых в годы войны эвакуированные ленинградцы жили и работали, производя оружие, боеприпасы к нему. Конечно же, не обошлось и без посещения Уралмашзавода, уже утратившего к тому времени свою мощь. Вопросы вызвала и довоенная архитектура деловых и жилых зданий, в частности, о городках чекистов, военных, построенных в соответствии с модным для нашей страны увлечением архитектурой Корбюзье, получившей название кубизма. Некоторые из жилых зданий мы также посетили, чтобы убедиться в отсутствии в них ванн и комнат, поскольку для воспитания и поддержания коллективизма горожане должны были посещать бани.

Но самым интересным в эти дни были беседы с О. Я. Баевым о науке, не только о криминалистике, но и о других отраслях знания. В беседах принимали участие и другие ученые-криминалисты: профессора В. К. Гавло, Л. Л. Каневский, И. Я. Герасимов, Л. Я. Драпкин. Среди специалистов, прочно зарекомендовавших себя не просто как известных, но уважаемых ученых, О. Я. Баев выделялся не только оригинальностью своих суждений, но и легкостью изложения, сочетавшего серьезность темы с ироничной формой высказываемого суждения. По-видимому, понимая неофициальность спонтанно возникавших дискуссий, О. Я. Баев,

излагая таким образом свою нестандартную позицию, стремился предотвратить неосторожное обострение такого неформального обсуждения, перерастания его в непримиримый спор научных авторитетов. Нужно сказать, что это ему удалось, хотя некоторые из вышеназванных ученых отличались весьма трепетным отношением к собственному мнению. Всякий раз, когда обстановка разогревалась и грозила обостриться, О. Я. Баев разряжал ее шуткой или рассказом случая на сходную тему.

Подобную манеру общения О. Я. Баева мне неоднократно приходилось наблюдать и в последующие наши встречи. Но именно в тот раз я впервые оценил и на долгие годы запомнил блестящие коммуникативные способности ученого, педагога, собеседника, умеющего убеждать оппонента.

После встречи наши отношения подерживались в основном заочно в связи с научной деятельностью. Творческий энтузиазм О. Я. Баева не переставал удивлять – то он проводил конференции, то начинал издавать свой журнал «Воронежские криминалистические чтения», приглашая участвовать в его выпусках со статьями на определенную тему, то затевал какое-то другое мероприятие.

Конечно же, прежде всего, О. Я. Баев был ученым, причем абсолютно нестандартным, стремящимся к новому постоянно и везде, даже там, где это казалось бы невозможно. При этом его не останавливала ни критика, ни враждебное неприятие выдвигаемых им идей.

Показательна в этом плане позиция О. Я. Баева относительно тактики и методики профессиональной защиты. Еще в 1996 г. он высказал мнение, на наш взгляд, вполне обоснованное, о том, что профессиональная защита как разновидность уголовно-процессуальной дея-

тельности является элементом, подсистемой объекта криминалистики. Позднее, в 2002 г., он развил эту позицию, опубликовав ее в сборнике научных статей, специально посвященных теме профессиональной защиты в уголовном судопроизводстве. Основываясь на положениях теоретико-доказательной концепции науки криминалистики как отрасли научного знания, изучающей закономерности возникновения, собирания, использования, исследования и оценки доказательной информации в уголовном судопроизводстве, О. Я. Баев убедительно доказывал, что деятельность по осуществлению профессиональной защиты является элементом объекта криминалистики, а ее закономерности – частями предмета этой юридической дисциплины. При этом отмечалось, что и сторона обвинения, и представители стороны защиты, по образному выражению О. Я. Баева, являются «участниками одной игры, играющими одним мячом – уголовно-релевантной информацией по делу, по которому осуществляется уголовное преследование и профессиональная защита от него»¹.

Каких только гневных оценок не получили О. Я. Баев и другие сторонники рассмотрения тактики профессиональной защиты как элемента науки криминалистики. Некоторые из критиков додумались до обвинений в разработке рекомендаций для преступников. Наиболее лояльные оппоненты высказывались за признание системы научных положений о профессиональной защите в уголовном судопроизводстве самостоятельной отраслью научного знания.

Однако никто из оппонентов и сторонников не обратили внимание на новый подход к определению такого элемента объекта криминалистики, как деятельность по расследованию. О. Я. Баев,

используя системно-структурный метод познания, предлагает объединить в этом компоненте деятельность не только следователя, прокурора, эксперта, но и представителей профессиональной защиты. Другими словами, фактически предлагается исследование деятельности всех участников уголовного судопроизводства в комплексе, т. е. взаимной связи. Необходимо заметить, что деятельность стороны защиты и ранее рассматривалась как элемент объекта криминалистики. Правда, в таком качестве в основном изучалось противодействие расследованию со стороны названных представителей стороны защиты.

Вряд ли кто-то будет отрицать, что в реальных ситуациях расследования конкретных уголовных дел следователь, планируя дальнейшее производство или проведение отдельного следственного действия, учитывает варианты возможного поведения стороны защиты. При этом принимаются во внимание не только вероятность противодействия указанных участников досудебного производства, но и достижения консенсуса с ними.

Сторонники традиционной трактовки объекта, предмета и содержания криминалистики не захотели увидеть преимуществ предлагаемых новаций. Ревностно охраняя пределы криминалистики, они предпочли творческому диалогу нерациональное неприятие. Хотелось бы заметить, что одним из трендов современной науки считается междисциплинарный характер исследований, плюрализм мнений и толерантность².

Представляется, что анализируемая концепция О. Я. Баева отражает изменения постклассической науки. Среди них в числе прочего называется вычленение линейного мышления с системным, сетевым формированием и использованием интеграции, коммуникативности³.

В науке не должно быть врагов ни среди исследователей, ни среди элементов объектов, предмета научного изучения. Непримируемость, враждебность приводят к нешуточным последствиям, которые хорошо известны из истории нашей страны. О. Я. Баев значительно опередил своих коллег в представлениях о названных парадигмах в криминалистике. Фактически не пытаясь изменить их сущности, он предлагал лишь новый ракурс исследования. Такой подход не только расширял содержание криминалистики в целом, но и позволял по-новому взглянуть на уже имеющиеся положения.

Проявляя последовательность и настойчивость, О. Я. Баев подготовил и опубликовал работу, посвященную методике расследования, в которой предпринял попытку практической реализации выдвигаемой концепции. Хотелось бы подчеркнуть, что он оказался единственным автором, который таким образом продемонстрировал возможности одновременного изложения положений о профессиональных обвинениях и защите в рамках частной криминалистической методики. Больше таких попыток не предпринимал никто, в том числе и сторонники криминалистического исследования профессиональной защиты.

Не будем осуждать, насколько удачной была эта попытка. Но нельзя не признать, что она является первым реальным шагом к разработке криминалистических рекомендаций по реализации в уголовном судопроизводстве принципа презумпции невиновности. До этого в научно-методических публикациях содержались лишь призывы к соблюдению указанного принципа, но ничего не говорилось о том, каким образом это нужно делать.

Нельзя не заметить, что О. Я. Баев не опустил до использования средств кри-

тики, применявшихся его оппонентами. Реакцию этих авторов он тонко и иронично назвал аллергией⁴.

В целом же, системное рассмотрение деятельности конкурирующих, а в конфликтных ситуациях противодействующих друг другу представителей сторон уголовного судопроизводства, несомненно, обогатило бы криминалистику. Но это, как говорят, совсем другая история.

Продолжая описание образа О. Я. Баева-ученого, нельзя не отметить широты его научных интересов. Он большое внимание уделял не только проблемам криминалистики, но и теории уголовного процесса, организации органов предварительного расследования. В ходе исследований в различных научных отраслях он также проявлял завидную научную эрудицию. В каждом случае для подготовки публикации О. Я. Баев обстоятельно изучал труды, в которых излагались взгляды, противоречащие его мнению. Позиции всех авторов систематизировались и анализировались. Критика научных воззрений и отдельных высказываний аргументировалась. В ходе изложения своих суждений О. Я. Баев достаточно легко и, главное, к месту использовал положения различных научных дисциплин.

Нельзя не сказать о прекрасном изложении материала, мастерском владении метафорой, методами экстраполяции и гиперболизации. В одной из своих работ, критикуя меня за преувеличение масштабов противодействия расследованию со стороны адвокатов, О. Я. Баев между прочим упрекнул меня за проявление раздражения при изложении данного суждения. Меня это не столько задело, сколько заинтересовало: каким образом по тексту научной работы было диагностировано мое раздражение? Вскоре в ходе разговора по телефону я задал этот вопрос свое-

му критику. В ответ услышал потрясший меня вопрос: «А что, я действительно это написал?» После такого вопроса, который невозможно оценить иначе, как тонкий юмор, всякое желание выяснения отношений пропало. Тем более что за этим последовали уверения в искренней и вечной благожелательности.

О. Я. Баев-ученый обладал в полной мере и таким качеством, как толерантность, уважение к взглядам других. Более того, его интересовало мнение коллег по поводу того, что он делал. В этой связи вспоминаю, как однажды в Воронежском университете проводилась криминалистическая научная конференция. В период ее проведения было выделено полдня для выступлений аспирантов О. Я. Баева, которые рассказывали о проводимых исследованиях. Научный руководитель не стеснялся в присутствии коллег из других городов и вузов выяснять, какие проблемы видит аспирант и какие решения предполагает. Во время этих обсуждений О. Я. Баев обращался к присутствующим, выясняя их мнение относительно суждений, высказываемых аспирантами. Слово было представлено и не определившимся с темой диссертационного исследования. Они в основном интересовались диссертательностью той или иной темы, ее наиболее приемлемой формулировкой. Все это было необычно для традиционно закрытого от посторонних мира внутрикафедральной жизни. Подтверждением этому может служить высказывание по окончании названного мероприятия одного из присутствующих профессоров. По пути в гостиницу мы вспоминали события прошедшего дня, и он сказал, что одну из обсуждавшихся тем лучше сформулировать иначе, нежели предлагает аспирант. На мой вопрос, почему он не сказал об этом на обсуждении, коллега ответил, что не захотел делиться темой,

которая может в будущем пригодиться для его собственных аспирантов. Как говорится, комментарии излишни.

По-моему, О. Я. Баев не испытывал подобных опасений, поскольку был полон идей, постоянно устремлен в будущее, быстро ухватывал новое, полезное для практики.

Несомненным достоинством О. Я. Баева как теоретика была его практическая направленность, применение результатов научных исследований в практической деятельности. Являясь практикующим адвокатом, он проверял то, что рекомендовал своим читателям в ходе практического участия в реальном производстве по конкретным уголовным делам. Некоторые из теоретиков, осуществляя деятельность адвоката, профессионально деформируются, отдают приоритет только проблемам защиты по уголовным делам. О. Я. Баеву удалось избежать этого. Он не только не утратил интерес к деятельности следователей, но и продолжал разрабатывать, совершенствовать рекомендации для них.

Нельзя умолчать и о том, что О. Я. Баев был незаурядным педагогом и организатором. Подтверждением этому могут служить количество его аспирантов и докторантов, в большинстве своем являющихся его учениками со студенческих лет.

Под руководством О. Я. Баева кафедра криминалистики выделилась в самостоятельную. Ее сотрудниками было защищено несколько докторских и гораздо большее количество кандидатских диссертаций. Была создана Воронежская школа криминалистики, отличающаяся самобытными подходами и взглядами на ряд научных проблем и методы их решения. Наличие докторов юридических наук позволило создать собственный диссертационный совет, который многие годы возглавлял О. Я. Баев. С его

слов я с удивлением узнал, что в этом совете иногородние соискатели, не являющиеся сотрудниками Воронежского университета, защищают свои диссертации бесплатно. Попутно он сообщил, что является категорическим противником защиты диссертаций за плату. Другие примеры подобной организации работы советов по защита диссертаций мне не известны.

Возможно, сказанное создает представление о герое данной публикации как об этаким «белом и пушистом», идеальном человеке, лишенном недостатков. Нет, О. Я. Баев, конечно же, не был полностью свободен от них. Сам он по этому поводу однажды мне написал в письме: «Человек слаб, а я – человек...».

Однако среди качеств Олега Яковлевича преобладали достоинства не только ученого-новатора, но и человека, с уважением относящегося к окружающим, ставящего ценность общения выше собственного покоя. О себе он всегда говорил с легкой иронией. Например, на вопрос о здоровье отвечал: «В соответствии с паспортом». Он не любил жаловаться. Когда его физическое, психологическое состояние было не лучшим, старался сменить тему беседы, интересуясь самочувствием собеседника или общих знакомых.

Являясь блестящим эрудитом и истинным интеллигентом, Олег Яковлевич мог обсуждать практически любые темы. Он был жизнелюбив, умел и любил пошутить, знал бесчисленное количество разных историй.

За время нашего знакомства между нами не возникло не то что ссоры, но даже намек на размолвку. Хотя мне известен случай его конфликта с одним из коллег-криминалистов. Олег Яковлевич глубоко переживал возникший разлад и очень обрадовался возможности возобновить отношения.

Он был верен в дружбе. Об этом, в частности, свидетельствует посвящение одной из книг безвременно скончавшемуся другу – профессору И. Е. Быховскому. Думаю, что он был прекрасным семьянином, заботливым супругом и отцом. Только такой человек может увлечь

сына своей профессией, помочь ему добиться ученой степени доктора юридических наук и ученого звания профессора.

Но главное, Олег Яковлевич Баев всегда был устремлен вперед. Создавалось впечатление, что он стремился опередить время. Мне кажется, ему это удалось.

¹ Баев О. Я. Избранные работы : в 2 т. Воронеж, 2011. Т. 1. С. 296.

² См.: Лебедев С. А. Современная философия науки : дидактические схемы и словарь : учеб. пособие. М. ; Воронеж, 2010. С. 68, 299–300.

³ См.: Черникова И. В. Природа науки и критерии научности // Гуманитарный вектор. 2012. № 3 (31). С. 30.

⁴ См.: Баев О. Я. Указ. соч. С. 296.

*Московская академия Следственного
комитета Российской Федерации*

Карагодин В. Н., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, полковник юстиции, заместитель директора Института повышения квалификации – декан второго факультета повышения квалификации (г. Екатеринбург)

E-mail: uc.ural@mail.ru
Тел.: 8 (343) 205-81-93

*Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation*

Karagodin V. N., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Colonel of Justice, Deputy Director of the Institute for Advanced Studies – Dean of the Second Faculty of Advanced Studies (Yekaterinburg)

E-mail: uc.ural@mail.ru
Tel.: 8 (343) 205-81-93

И. М. Комаров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ПРОФЕССОР ОЛЕГ ЯКОВЛЕВИЧ БАЕВ И ЕГО ВКЛАД В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ПРАВОВУЮ НАУКУ

Аннотация: *в настоящей публикации автор делится воспоминаниями об известном отечественном криминалисте профессоре О. Я. Баеве, его вкладе в науку, дает анализ наиболее известным и актуальным трудам, принадлежащим перу этого замечательного человека.*

Ключевые слова: *криминалистика, уголовный процесс.*

PROFESSOR OLEG BAYEV AND HIS CONTRIBUTION TO THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE

Abstract: *in this publication, the author shares memories of the famous domestic criminalist professor O. Ya. Bayev, his contribution to science, gives an analysis of the most famous and relevant works belonging to the pen of this remarkable man.*

Key words: *criminalistics, criminal procedure.*

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Отечественная правовая наука богата именами ярких ученых, которые за прошедшие годы внесли заметный вклад в ее формирование и развитие. В их ряду заметное место занимает Олег Яковлевич Баев, выдающийся советский и российский ученый, который своими трудами обогатил теоретическое наследие криминалистики, научно обосновал и разработал ряд важных научно-практических положений и рекомендаций для правоприменительной практики в уголовном судопроизводстве.

В 1964 г. О. Я. Баев окончил Воронежский государственный университет, но еще до его фактического окончания с 1962 г. начал работу в органах прокуратуры Калужской и Воронежской областей в качестве следователя.

Получив бесценный десятилетний практический опыт, О. Я. Баев сменил

следственную деятельность на научно-педагогическую и с 1973 г. работал сначала младшим научным сотрудником, а затем преподавателем и доцентом кафедры уголовного процесса и криминалистики родного Воронежского университета. В 1976 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон», а в 1986 г. диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Основы предупреждения и разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций в деятельности следователя». В 1987 г. О. Я. Баеву заслуженно было присвоено звание профессора, и в этом качестве он долгое время руководил кафедрой уголовного процесса и криминалистики ВГУ.

Главными направлениями его научных интересов и устремлений оставались проблемы общей теории криминалисти-

© Комаров И. М., 2019

ки, тактики и методики расследования преступлений, уголовно-процессуальные исследования преступлений, криминалистическая адвокатоология. Профессор О. Я. Баев подготовил трех докторов юридических наук и более 30 кандидатов юридических наук.

Кроме научной и учебной деятельности Олег Яковлевич находил время и для общественно-правовой деятельности – принимал активное участие в обсуждении проектов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», был членом президиума Международного конгресса криминалистов, являлся ответственным редактором сборника научных трудов «Воронежские криминалистические чтения», международно-научно-практического юридического журнала «Криминалист первопечатный».

За свою активную общественную и научную деятельность Олег Яковлевич Баев награжден орденами Святой Софии «За верность науке», «Щит Давида», «За верность адвокатскому долгу», почетной серебряной медалью Р. С. Белкина «За выдающиеся заслуги в развитии криминалистики и судебной экспертизы». С 2000 г. профессор О. Я. Баев заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Вместе с тем, главное, что оставил нам своей жизнью Олег Яковлевич Баев, – это его криминалистические и уголовно-процессуальные труды, которые живут поныне и будут жить до тех пор, пока жива память об этом человеке.

В отдельной публикации невозможно дать анализ всем работам этого замечательного ученого, так как на его счету более 300 различных публикаций. По этой причине мы остановимся на анализе отдельных работ, которые представляются нам интересными и могут представить весь спектр научных интересов ученого.

Начать, на наш взгляд, следует с монографии, которую после ее выхода в свет продавали не только в книжных магазинах, но, как говорил сам Олег Яковлевич, «даже в киосках Союзпечати на железнодорожных станциях и вокзалах». Это работа «Конфликты в следственной деятельности» (1981 г.). Сейчас понятно, что исследование было посвящено подготовке к защите диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, однако его содержание представляется более прикладным, чем сугубо научным. Судите сами: в работе раскрыты такие важные практические аспекты проблемы, как понятие конфликта, его уголовно-процессуальные и криминалистические особенности, дана их классификация в деятельности следователя, раскрыты особенности межролевых конфликтов следователя, рассмотрены «следственные хитрости» при разрешении конфликтов следователя и проблемы их допустимости.

В последние десятилетия ушедшего века были другие интересные труды, о чем свидетельствует двухтомник избранных трудов, опубликованный в 2011 г. к 70-летию ученого.

Однако наиболее ярко талант ученого-криминалиста и правоведа у О. Я. Баева раскрылся в последние десятилетия его жизни.

Вспомним работу по тактике уголовного преследования и профессиональной защиты от него. В ней автор рассмотрел вопросы понятия криминалистической тактики, ее научных основ и системы, тактического приема как основы криминалистической тактики, проблемы его допустимости. Эту часть монографии О. Я. Баев назвал вводной главой.

Далее очень детально и глубоко исследована тактика уголовного преследования. Эта категория рассмотрена с позиции сущности института уголовного преследования и следственной тактики, где дан

анализ авторскому понятию следственной тактики (следственные версии и планирование расследования, тактика следственного осмотра и т. п.). Содержание прокурорской тактики раскрыто в соответствии с положением прокурора в структуре уголовного преследования, тактики поддержания государственного обвинения, тактических особенностей обвинительной речи и других вопросов прокурорской криминалистической деятельности.

Оригинальность данной монографии придает отдельная глава, посвященная адвокатской тактике, где на высоком профессиональном уровне представлены авторские мнения относительно криминалистической адвокатологии как подсистемы науки криминалистики, тактики профессиональной защиты от уголовного преследования и тактики участия адвоката – представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

Монография выдержала два издания, что указывает на ее востребованность как учеными, так и практиками.

Плодотворными в жизни Олега Яковлевича Баева были 2009–2010 гг. Им были опубликованы сразу четыре монографии по криминалистике и уголовному процессу: «Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него» (на примерах уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений); «Производство следственных действий» (в соавторстве с Д. А. Солодовым); «Уголовно-процессуальное исследование преступлений» и «Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве».

Мы уже обращали внимание на разносторонние научные интересы ученого. Являясь практикующим адвокатом, преподавателем университета, он много писал и по проблемам криминалистики, и по сложным вопросам российского уго-

ловного процесса. В этой связи интересны приведенные выше две последние работы («Уголовно-процессуальное исследование преступлений» и «Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве»). В них новаторски изучены проблемы понятия, сущности и видов посягательства на доказательственную информацию, противоправные посягательства на доказательственную информацию и доказательства, совершаемые профессиональными и непрофессиональными участниками уголовного судопроизводства и иными лицами. Предложены правовые и криминалистические средства предупреждения посягательств на указанную информацию и нейтрализацию их последствий. С уголовно-процессуальных позиций рассмотрены понятие преступления и методологические начала изучения его качества. В этой связи изучена проблема качества уголовного и уголовно-процессуального законов, уголовного преследования и профессиональной защиты от него, качество правосудия.

Нельзя обойти вниманием учебники криминалистики и монографические учебные пособия Олега Яковлевича. И в этом ряду фундаментальное учебное пособие – «Тактика следственных действий» (2012 г.). В работе нестандартно решен вопрос структуры подачи материала. Он разделен на две части: общая часть (тактический прием как структурообразующий элемент тактики следственных действий, критерии его допустимости; система следственных действий и общие процессуально-тактические основы их применения; тактическая сущность особых условий производства отдельных следственных действий) и особенная часть (тактика отдельных следственных действий).

Работа вызвала интерес научной общности и практиков и была переиздана в центральном московском изда-

тельстве «Юрлитинформ» в 2013 г. многочисленным тиражом.

В том же 2012 г. вышла монография «Правовые и тактические основы усмотрения в уголовном процессе». В ней автор обосновал многочисленные законодательные предложения и тактические рекомендации, принятие и соблюдение которых позволит отграничить необходимое и допустимое усмотрение субъекта уголовного преследования от произвола при осуществлении этой деятельности.

Профессор О. Я. Баев всегда откликнулся своим особым мнением на различные уголовно-процессуальные новации российского законодателя. Это касается, в частности, института досудебного соглашения о сотрудничестве. В своем исследовании «Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможности и направления их разрешения» (2013 г.) им на основе широкого привлечения материалов следственной и судебной практики, анализа международного опыта «следок с правосудием» углубленно исследованы генезис создания правового института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве; субъекты, участвующие в этом процессе; проблемы заключения и реализации, а также одностороннего расторжения таких соглашений.

В 2016 г. совместно с профессором Олегом Яковлевичем Баевым мы опубликовали монографию для практиков правоприменительной деятельности, ко-

торую назвали «Тактические операции в досудебном производстве по уголовным делам». В ней в доступной форме изложены вопросы, связанные со следственной тактикой и тактическими операциями в структуре тактических средств, предложены модели основных тактических операций в досудебном производстве по уголовным делам.

Одной из последних работ ученого стал «Краткий криминалистический комментарий к основам уголовно-процессуального доказывания» (2017 г.). Публикация интересна тем, что в ней раскрывается гносеологическая и правовая сущность уголовно-процессуального доказывания и с позиции криминалистики комментируются отдельные ее постулаты и принципиальные положения. Автор подверг анализу и установленный уголовно-процессуальный порядок производства следственных действий и судебных действий следственного характера. В соответствии с исследованием сформулированы основанные на материалах следственной и судебной практики криминалистические рекомендации по реализации в доказывании соответствующих предписаний уголовно-процессуального закона.

Можно достаточно долго анализировать вклад профессора Олега Яковлевича Баева в отечественную криминалистику и российский уголовный процесс, однако даже такой «беглый» обзор его трудов авторитетно свидетельствует о том, что его научное наследие еще долго будет жить и надолго переживет своего творца.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Комаров И. М., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики

E-mail: mgu.ikomarov@mail.ru
Tel.: 8 (495) 939-29-03

*Moscow State University
named after M. V. Lomonosov*

Komarov I. M., Doctor of Legal Sciences,
Professor, Head of the Department
of Criminology

E-mail: mgu.ikomarov@mail.ru
Tel.: 8 (495) 939-29-03

А. В. Хмелева

Следственный комитет Российской Федерации

**ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ
И СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ
В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА О. Я. БАЕВА
(проблемы и пути их решения)**

Аннотация: в статье рассматриваются проблемные вопросы назначения судебных экспертиз следователем, которые были исследованы профессором О. Я. Баевым, приводятся его рекомендации по их решению.

Ключевые слова: судебная экспертиза, назначение судебной экспертизы, последовательность, сроки назначения судебной экспертизы.

**INTERACTION BETWEEN THE INVESTIGATOR
AND JUDICIAL EXPERTS
IN THE WRITINGS OF PROFESSOR O. YA. BAEV
(problems and ways of their solution)**

Abstract: the article examines the problematic issues of appointing forensic examinations by the investigator, which were investigated by professor O. Ya. Baev, his recommendations for their solution are given.

Key words: judicial examination, appointment of judicial expertise, sequence, terms of appointment of forensic examination.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Выдающийся советский и российский ученый-криминалист, доктор юридических наук, профессор О. Я. Баев во многих своих трудах плодотворно и многогранно исследовал процессуальные и криминалистические вопросы использования следователем специальных знаний судебных экспертов и специалистов, или, как он определил, «судебно-экспертную» деятельность следователя¹.

Одним из основных следственных действий, направленных на установление обстоятельств происшедшего преступного события, а также объективизацию расследования, является назначение су-

дебной экспертизы. Как правило, по уголовным делам, особенно об особо тяжких преступлениях против жизни и здоровья, половой свободы и неприкосновенности, назначается комплекс экспертных исследований, позволяющий получить данные о механизме совершенного преступления, о личности неизвестного преступника (его внешних данных, а также других признаках и свойствах). Безусловно, назначение судебной экспертизы представляет собой один из распространенных способов получения доказательственной информации по уголовному делу.

В связи с этим, на наш взгляд, немаловажное значение приобретают владе-

ние следователем и правильное применение им на практике закрепленных в законе правил по использованию специальных знаний экспертов и специалистов.

Справедливо мнение профессора О. Я. Баева, что эта деятельность начинается с обнаружения и изъятия объектов, которые в дальнейшем предполагается подвергнуть экспертным исследованиям. При этом ученый обращал внимание на следующие положения: во-первых, факт и обстоятельства (условия) обнаружения таких объектов должны быть весьма подробно отражены в протоколе соответствующего следственного действия; во-вторых, в протоколе должен быть отражен факт изъятия данных объектов; в-третьих, большая часть таких объектов должна быть при изъятии соответствующим образом упакована и опечатана². Действительно, несоблюдение этих положений лишает доказательственного значения и сам факт обнаружения их и изъятия, а также лишает доказательственной значимости результатов исследования в ходе судебных экспертиз. Заключение экспертов при этом нередко становятся недопустимым доказательством.

Обобщение следственной и экспертной практики, проведенное автором статьи, позволяет выявить ошибки следователей при упаковке объектов, изъятых в ходе проведения следственных действий и при направлении их на экспертное исследование. Так, при расследовании изнасилования следователь назначил криминалистическую экспертизу материалов, веществ и изделий из них. При этом экспертом были выявлены на одежде подозреваемого и одежде потерпевшей взаимопереходящие текстильные волокна и был сделан вывод на основании этого об имевшем место факте контактного взаимодействия одежды указанных лиц. Однако в дальнейшем версия о причастности данного подозреваемого к преступле-

нию не подтвердилась, и возник вопрос о возможной ошибке эксперта. В дальнейшем было установлено, что эксперт провел качественное исследование и вывод его был обоснован, соответствовал результатам проведенного исследования. Причина несоответствия действительным обстоятельствам происшедшего и заключения экспертизы состояла в том, что следователь, упаковывая предметы комплекта одежды потерпевшей и подозреваемого в разные свертки, отдельные для каждого предмета, проводил эти действия на одном и том же листе ватмана. В результате произошел переход волокон от одежды потерпевшей, оставшихся на ватмане, на одежду подозреваемого, и наоборот. Безошибочно проведенная экспертиза в результате дала ложный результат, по сути дела, следствие было введено в заблуждение относительно личности преступника.

В практике автора статьи был случай, когда при определении дистанции выстрела по факту убийства эксперты оценивали интенсивность отложения металла (следов от оболочки пули) на одежде потерпевшего вокруг огнестрельного повреждения. При этом дистанция определялась значительно более близкая, чем установленная другими доказательствами, в частности, показаниями обвиняемого. В дальнейшем оказалось, что экспертами не была допущена ошибка, они правильно оценили наличие и количественный показатель химических элементов, аналогичных элементам, входящим в состав оболочки пули, но большая интенсивность их вокруг повреждения объяснялась не близкой дистанцией выстрела, а другими обстоятельствами: при упаковке куртки потерпевшего не были соблюдены требования наложения на участок ткани с повреждением лоскута ткани (листка бумаги), и на это место при складывании куртки пришлась пуговица с металличе-

ским покрытием, в состав которого входили те же элементы (в части), что и в состав металла оболочки³.

Упаковка вещественных доказательств и удостоверительные надписи и печати на упаковках должны обеспечивать их сохранность и неизменяемость, т. е. исключать подмену объектов, делать невозможным появление посторонних объектов и микрообъектов (например, микроволокон, микрочастиц) на их поверхностях, а также утрату ряда признаков. Как показывает практика, следователями нередко допускается неправильная упаковка предметов – бутылки заворачиваются в бумагу, ампулы обкладываются ватой, что приводит к изменениям и утрате на этих объектах потожировых следов рук; предметы, подготовленные для назначения экспертизы запаховых следов, упаковываются в полиэтиленовые пакеты, не обеспечивающие сохранность запаха. Мы не говорим уже о часто встречающейся ошибке – упаковке в полиэтиленовые пакеты влажных объектов (например, одежды со следами крови). Такая «упаковка» приводит к загниванию объектов, подчас делая их не пригодными для экспертного исследования.

При направлении изъятых на месте происшествия с пола, двери следов крови следователи часто не изымают и не направляют на исследование контрольные образцы смывов со следовоспринимающей поверхности и контрольный образец материала, на который сделан смыв.

О. Я. Баев в одном из своих последних трудов отметил и такой момент, связанный с упаковкой и удостоверением вещественных доказательств, позволивший дать ему следующие рекомендации следователям: проверять и удостоверяться идентичности (неизменности) объектов, которые возвращаются к следователю после производства экспертизы. Сущность этой рекомендации проиллюстрирована

примерами судебной практики⁴. В ходе судебного заседания защитник заявил ходатайство об осмотре вещественных доказательств – «чеков» с наркотическим веществом (это было констатировано выводами судебно-химической экспертизы). Подсудимый, принимавший участие в проведении этого действия судебного следствия, заявил, что находящееся во всех «чеках» вещество наркотическим не является. В результате проведенной (назначенной судом по ходатайству защитника) экспертизы это заявление подсудимого полностью подтвердилось – в чеках содержались тальк и пудра. В результате судом был постановлен оправдательный приговор. Далее О. Я. Баев приводит еще один случай, когда при передаче уголовного дела по подследственности в другое подразделение ведомства подлинные денежные купюры, изъятые у подозреваемого (и это было подтверждено проведенной судебной экспертизой), были заменены на поддельные.

Частой ошибкой является нарушение правильной последовательности назначения различных экспертиз по одним и тем же объектам, что может привести к утрате тех или иных признаков, необходимых для дальнейших исследований (например, назначается экспертиза по исследованию следов крови на одежде с трупа, а после выносятся постановление о назначении экспертизы по исследованию микроволокон и микрочастиц на этой одежде).

«Проблема последовательности назначения экспертиз, – справедливо отмечал О. Я. Баев, – возникает перед следователем в тех достаточно распространенных случаях, когда по одному объекту следует назначить экспертизы различных классов и видов»⁵, т. е. когда возникает необходимость провести комплекс исследований. При этом подход к решению этого вопроса ученым предлагается сле-

дующий: от исследования менее стабильных следов к следам более стабильным. В каждом проблемном случае недостаточно опытным следователям при определении последовательности назначения экспертиз излишним будет проконсультироваться со специалистами, а также с сотрудниками отдела криминалистики следственных управлений. Общая криминалистическая рекомендация в таких случаях, на наш взгляд, следующая – первоначально назначать те экспертизы, которые не влекут утрату или изменение признаков предмета, а в случаях, когда утраты тех или иных следов (признаков) не удастся избежать, «жертвовать» надо менее информативными признаками (например, выявить следы пальцев рук на пистолете в цианоакрилатовой камере, имея в виду, что следы запаха преступника, возможно, будут утрачены).

Иногда у следователей возникает вопрос: надо ли перед тем, как направить предметы на экспертизу, признать в установленном порядке их вещественными доказательствами и приобщить к материалам дела или сделать это после проведения экспертизы? В данном случае криминалистической выработана следующая рекомендация: как правило, лучше вначале направить предметы на экспертизу и уже после этого признавать подвергшиеся исследованию объекты вещественными доказательствами. Во-первых, не всегда направляемые объекты содержат признаки, позволяющие отнести их к вещественным доказательствам (ч. 1 ст. 74 УПК РФ); во-вторых, после экспертизы следователь может при описании объектов использовать характеристики предмета, данные экспертами в заключении (цвет, оттенок, размеры, терминология и др.), избегая разногласий. Однако, если в ходе экспертизы предполагается изменение объектов или уничтожение, лучше признать их вещественными доказатель-

ствами до направления на экспертизу и приложить к соответствующему протоколу их фотоизображение.

Но в любом случае, считал О. Я. Баев, объекты, подлежащие экспертным исследованиям, должны быть предварительно осмотрены. В ряде случаев для этого достаточно производства их осмотра в рамках того следственного действия, в ходе которого эти объекты обнаруживались и изымались. В других случаях для этого необходимо производство отдельного следственного осмотра. Цель его – установление оснований для назначения соответствующей экспертизы⁶.

Важнейшим вопросом, который до сих пор остается дискуссионным и которому профессор О. Я. Баев уделял повышенное внимание, является проблема оценки следователем заключения судебного эксперта. Обычно под оценкой заключения судебного эксперта понимают установление относимости, допустимости и достоверности заключения. Руководствуясь законом и совестью, следователь оценивает любое доказательство по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности других доказательств, их объективному анализе. Процедура получения рассматриваемого доказательства осуществляется не следователем, а иным лицом – экспертом, поэтому следователь должен оценить не только сделанные выводы, но и проверить соблюдение требований закона по процедуре получения и оформления результатов проведенного исследования. Особенно сильно при оценке заключения эксперта является и то обстоятельство, что положенными в основу проведенного исследования и формулирования выводов специальными знаниями следователь (как и судья, прокурор, дознаватель) не обладает. По тем сведениям, которые содержатся в заключении об эксперте, трудно оценить его уровень компетенции. Обычно

под оценкой заключения эксперта понимают мыслительную деятельность следователя, в ходе которой он проверяет соответствие закону всех обстоятельств, связанных с назначением экспертизы (требований к лицу, которое стало экспертом в процессуальном плане, к постановлению о назначении судебной экспертизы, к заключению (структура, реквизиты, подписи и др.)); с проверкой материалов, представленных на экспертизу (порядок получения, удостоверения вещественных доказательств, образцов для сравнительного исследования (их достаточность)); с проверкой полноты исследования (все ли объекты исследовались, на все ли вопросы получены ответы; оценка логической обоснованности хода и результатов экспертного исследования, соответствие выводов проведенному исследованию и его результатов). Определенные затруднения возникают с оценкой научной обоснованности выбранной экспертной методики, правомерности ее применения в конкретном случае, соответствием методики современным достижениям в экспертной области знания, так как следователь не является специалистом и не обладает специальными знаниями эксперта.

Следует согласиться с профессором О. Я. Баевым, который неоднократно обращался к этой проблеме и писал: «Мы убеждены, что достоверность не есть атрибутивное (обязательное) свойство уголовно-процессуального доказательства... О достоверности сформированного следователем доказательства... можно вести речь лишь в контексте оценки качества этого доказательства»⁷. Сведения о фактах, полученные в установленном законом порядке (атрибутивный признак допустимость) и имеющие логическую связь с предметом доказывания (атрибутивный признак относимость), являются доказательствами независимо от того, достоверны они или нет. Достоверность

же каждого доказательства оценивается субъектом доказывания (ст. 87 УПК РФ) путем сопоставления его с другими доказательствами, установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Достоверность доказательства может меняться, в том числе и такого его вида, как заключение эксперта. Например, в ходе проведения обоснованно назначенной повторной экспертизы (ст. 207 УПК РФ) эксперт придет к иному выводу, иногда противоположному.

Мы согласны с профессором, что для успешного расследования следователь должен не только правильно оценить заключение эксперта, но и безошибочно интерпретировать полученные экспертом результаты.

Так, для правильного понимания значения выводов эксперта и недопущения ошибок в нем важны криминалистические знания правил и рекомендаций по обнаружению, изъятию, упаковке объектов, направляемых в дальнейшем на экспертизу; их свойств. Так, для того, чтобы оценить значение установленного факта наличия или отсутствия потожировых или запаховых следов конкретного человека на орудии преступления (особенно если ранее этот предмет использовался разными лицами, например, кухонный нож), нужно знать, что в таких случаях, как правило, выявляются признаки не того человека, который последним контактировал с этим предметом, а кто чаще это делал, чей контакт с предметом был более длительным (следователь должен оценить установленное экспертом наличие или отсутствие следов определенного лица на объекте с этих позиций). Другой случай: известен факт, когда на трупе ребенка был обнаружен след-наслоение крови постороннего лица, который, как показала экспертиза, не принадлежал подозреваемому, уже давшему полные, де-

тальные так называемые «признательные» показания, подтверждаемые другими доказательствами. Практические работники могут представить значение такого «клина»... Сколько времени и усилий было потрачено следственной группой по установлению лица, чья кровь была обнаружена на трупе! Оказалось, что след оставлен самим следователем во время осмотра трупа на месте преступления (лесная местность): работая в перчатках, следователь убил севшего на него комара и не заметил, как перенес, продолжая осматривать труп, свою кровь с перчатки на труп⁸.

Остановимся еще на одном вопросе «следственно-экспертной» деятельности следователя. Изменения, внесенные в ст. 144 УПК РФ 28 декабря 2013 г., фактически установили еще одно основание для назначения дополнительной и повторной экспертизы: если экспертиза назначалась до возбуждения уголовного дела, а после его возбуждения сторона защиты или потерпевший заявляют ходатайство о назначении дополнительной или повторной экспертизы, то оно подлежит удовлетворению.

Резкое неприятие у профессора вызвала новелла, введенная в ст. 144 УПК РФ, а именно положение «если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению». Мы уже отмечали, что это дополнение нормы фактически устанавливает новое основание для назначения дополнительной и повторной экспертизы, не оговоренное в специальной статье – ст. 207 УПК РФ, посвященной указанным экспертизам⁹. Но главное, что вызывает критику и в чем О. Я. Баев оказался прав, – это то, что новелла может быть использована (и это происходит на

практике) для затягивания стороной защиты сроков производства по уголовному делу и в тактических целях. «Что препятствует, – справедливо вопрошает автор, – указанным в норме участникам производства по уголовному делу заявить ходатайство о назначении этих видов экспертиз..., в моменте, максимально приближенном к окончанию срока предварительного расследования по делу, либо, наконец, на завершающем этапе судебного следствия (а может быть, и срока давности по делу)?»¹⁰ В свое время мы тоже отмечали это обстоятельство и давали рекомендацию следователям превентивно назначать дополнительные экспертизы после возбуждения уголовного дела. О. Я. Баев в связи с этим отмечает, что если законодатель и ввел это требование, то «следовало бы оговорить, что подача ходатайства со стороны защиты о производстве дополнительной или повторной экспертизы по основанию того, что первоначальная экспертиза была назначена и проведена на стадии возбуждения уголовного дела, должна быть ограничена неким фиксированным сроком с момента ознакомления с заключением экспертизы¹¹. На наш взгляд, в связи с тем, чтобы не допустить заявления ходатайства о назначении дополнительной экспертизы на последнем этапе следствия (что имеет место быть на практике), надо упреждающе назначать дополнительные экспертизы после возбуждения уголовного дела.

Превентивные действия, основанные на прогнозировании возможного поведения со стороны защиты, необходимы и в иных случаях: если под влиянием результатов экспертизы подозреваемый (обвиняемый) может поменять свои «признательные» показания (например, после ознакомления с выводами эксперта, что изъятые с места происшествия следы пальцев рук оставлены не им, или кровь на одежде подозреваемого происходит не

от потерпевшего), необходимо прогнозировать такое поведение и заранее «подстраховаться» – провести дополнительный допрос с применением видеозаписи, проверку показаний на месте и т. д.).

Еще один тактический момент. В соответствии с полномочиями судебного эксперта он вправе в ходе проведения исследования при установлении обстоятельств, относительно которых ему не были поставлены вопросы, отразить их в заключении. При этом может возникнуть ситуация, к которой следователь не был готов, и он не подготовился к возможным изменениям в поведении подозреваемого после ознакомления с таким заключением – к отказу его от первоначальных «признавательных» показаний. Об этом свидетельствует случай из практики: *К. был убит из охотничьего ружья во время охоты своим знакомым М. по мотивам мести. Во время допроса в качестве подозреваемого М. рассказал о совершенном преступлении, его мотивах и обстоятельствах происшедшего. Следователь назначил по охотничьему ружью М. судебно-баллистическую экспертизу. При этом эксперт, не выходя за пределы своей компетенции, после проведения исследования ружья сделал вывод о том, что из него возможен выстрел без нажатия на спусковой крючок при резком ударе прикладом о твердую поверхность (хотя следователь такую диагностическую задачу перед экспертом не ставил). Получив заключение эксперта, следователь поспешил ознакомить подозреваемого с ним, после чего последний изменил свои показания и стал утверждать, что выстрел произошел случайно, когда он споткнулся и ударил прикладом при своем падении о дерево. В данном случае следователь должен был предвидеть такой поворот в показаниях подозреваемого и еще перед ознакомлением его с заключением принять меры по закреплению уже полученных показаний.*

Профессор в своих трудах, посвященных следственным действиям, дает рекомендации по срокам назначения судебных экспертиз: «чем раньше, тем лучше»¹². И в качестве аргументов приводит два обстоятельства: во-первых, это позволяет получить доказательственную информацию (иногда принципиально новую), а во-вторых, это положительно сказывается на сроках следствия в целом.

К существенным недостаткам в работе следователя О. Я. Баев относил несвоевременное ознакомление подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя с постановлением о назначении экспертизы и разъяснение им предусмотренных законом их прав и обязанностей (ч. 3 ст. 195 УПК РФ). В настоящее время законодательным органом России рассматривается вопрос об установлении конкретного срока для этой процедуры, но пока изменений в законе не произошло, необходимо руководствоваться установленной рекомендацией – знакомить указанных лиц с постановлением до назначения и производства экспертизы, чтобы они в полной мере могли воспользоваться своими правами, предусмотренными ст. 198 УПК РФ, например, заявить отвод эксперту, ходатайствовать о производстве экспертизы в другом экспертном учреждении или о внесении в постановление дополнительных вопросов.

В связи с этим О. Я. Баев писал: «Позволим себе сформулировать несколько “экстремальную” рекомендацию: если полученное экспертное заключение если не подтверждает, то, по крайней мере, не противоречит сути осуществляемого следователем уголовного преследования, во всяком случае, не подрывает его обоснованности, то подозреваемого, обвиняемого следует знакомить с ним незамедлительно»¹³. И далее: «Полагаем, что в уголовно-процессуальном законе должен быть установлен срок, как минимум

не позднее которого до окончания предварительного расследования следователь должен ознакомить обвиняемого с заключением экспертизы. Он должен быть достаточным для удовлетворения обоснованных ходатайств как потерпевшего, так и стороны защиты о назначении и проведении дополнительной или повторной экспертизы».

Таким образом, в своих трудах профессор О. Я. Баев неоднократно обращался к проблемным вопросам использования специальных знаний следователем при расследовании преступлений. Его предложения по их разрешению достойны внимания как ученых-криминалистов, так и практиков и требуют дальнейшего развития.

¹ См.: Баев О. Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). М., 2017. С. 202 ; *Его же.* «Судебно-экспертная» деятельность следователя // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 1 (30). С. 177.

² См.: Баев О. Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). С. 202.

³ См.: Хмелева А. В. Особенности заключения судебного эксперта как доказательства и его оценка следователем // Воронежские криминалистические чтения. Воронеж, 2017. № 2 (19). С. 84.

⁴ См.: Баев О. Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). С. 232–233.

⁵ Там же. С. 213.

⁶ См.: Там же. С. 204.

⁷ Баев О. Я. Уголовно-процессуальное доказательство : атрибутивные признаки и качество // Избранные работы (2012–2016). Воронеж, 2016. С. 423.

⁸ См.: Хмелева А. В. Особенности заключения судебного эксперта как доказательства и его оценка следователем. С. 83.

⁹ См.: Хмелева А. В. Отдельные вопросы назначения судебных экспертиз и оценки заключения экспертов // Эксперт-криминалист. 2015. № 2. С. 25.

¹⁰ Баев О. Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). С. 231.

¹¹ См.: Там же. С. 232.

¹² Баев О. Я. «Судебно-экспертная» деятельность следователя. С. 187.

¹³ Баев О. Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). С. 228.

Следственный комитет Российской Федерации

Хмелева А. В., кандидат юридических наук, руководитель отдела управления научно-исследовательской деятельности (НИИ криминалистики) Главного управления криминалистики

E-mail: khmeleva.alla@mail.ru

Investigative Committee of the Russian Federation

Khmeleva A. V., Candidate of Legal Sciences, Head of the Department for Research and Development (Research Institute of Criminalistics) of the Main Criminalistics Department

E-mail: khmeleva.alla@mail.ru

УДК 343.98

М. В. Авакьян

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРИФИКАЦИИ ПОКАЗАНИЙ ПОДСУДИМОГО В СИТУАЦИИ ИХ ИЗМЕНЕНИЯ

А н н о т а ц и я: *в настоящей статье исследуется специфика работы с судебными ситуациями, для которых характерно изменение подсудимым своих первоначальных показаний (или полный отказ от них). Проанализированы отдельные тактические приемы, сформулированные профессором О. Я. Баевым, которые могут быть использованы для верификации разрозненных показаний подсудимого.*

К л ю ч е в ы е с л о в а: *криминалистика, тактика, ситуационный подход, государственный обвинитель, показания подсудимого, отказ от дачи показаний.*

TACTICAL FEATURES OF VERIFICATION THE CRIMINAL DEFENDANT TESTIMONY IN A SITUATION IF THE TESTIMONY HAS BEEN CHANGED

A b s t r a c t: *this article discusses the specifics of working with court situations, which are characterized by changing testimony of criminal defendant in court (or refusing to testify). Professor's Baev tactical receptions are analyzed relating to verification of divergent testimonies of criminal defendant.*

Key words: *criminalistics, tactics, situational approach, public prosecutor, testimony of criminal defendant, refusal to testify.*

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Как справедливо отметил профессор О. Я. Баев, познание в уголовном судопроизводстве производится посредством доказательств, касающихся соответствующего факта и/или обстоятельства, их проверки, интерпретации и оценки, в результате чего существование исследуемого факта либо подтверждается, либо опровергается. Таким же образом – посредством «работы» с доказательствами – устанавливается виновность и степень ответственности лица, данный факт

(при его подтверждении) учинившего, и все другие обстоятельства, необходимые для принятия по делу, ставшему предметом судопроизводства, законного и обоснованного решения¹.

Несомненно, существенное доказательственное значение для правильного разрешения уголовного дела имеют показания лица, непосредственно совершившего преступление. Во многом это обусловливается тем, что только преступник может посвятить иных участников уголовного процесса во все нюансы и дета-

© Авакьян М. В., 2019

ли совершенного им деяния, что позволит субъектам уголовного преследования построить наиболее достоверную информационную модель криминального события, а суду принять законное и обоснованное решение по делу.

Однако деятельность, связанная с осуществлением уголовного преследования, как на этапе предварительного расследования, так и на этапе судебного следствия носит ситуационно обусловленный характер, т. е. находится в прямой взаимосвязи от информационных условий, в которых она протекает. Изменение информационных условий может существенным образом отразиться на результатах работы, проведенной по уголовному делу органами следствия и дознания, а также на дальнейших перспективах производства по уголовному делу в суде.

В наибольшей степени это присуще стадии судебного рассмотрения уголовных дел, где показания преступников приобретают подчас решающее значение, а от правильного анализа и разрешения государственным обвинителем ситуации, сложившейся в рамках судебного следствия, во многом зависит возможность вынесения правосудного решения.

Для изучения, анализа и разрешения ситуаций в криминалистике (следственных, экспертных, судебных) используется ситуационный подход, который также широко и повсеместно применяется учеными для повышения эффективности адресных криминалистических рекомендаций². Сущность ситуационного подхода заключается в том, что любое изучаемое событие анализируется субъектом познания во взаимосвязи и динамике всех составляющих его ситуаций³.

Так, проведенный анализ свыше 100 материалов уголовных дел, возбужденных по фактам причинения вреда жизни и здоровью граждан и рассмотрен-

ных судами первой инстанции ряда субъектов Российской Федерации за период с 2012 по 2018 г., позволил выявить и описать следующие типовые ситуации, с которыми может столкнуться государственный обвинитель в суде:

- 1) бесконфликтные;
- 2) открытого противодействия;
- 3) потенциально-конфликтные (ситуации скрытого противодействия)⁴.

Наиболее благоприятной является первая ситуация, характеризующаяся качественно проведенным предварительным расследованием и полным признанием подсудимого в предъявленном ему обвинении. Для данной ситуации также свойственны полнота обвинительного материала, имеющегося в распоряжении гособвинителя; установление психологического контакта и доверительных отношений со свидетелями (потерпевшими); отсутствие какого-либо криминального опыта у подсудимого в прошлом; несменяемость защитника подсудимого (как правило, назначается «бесплатный» адвокат в порядке ч. 2 ст. 50 УПК РФ); раскаяние и полное признание вины подсудимым.

В указанной ситуации оснований для возможного изменения подсудимым (равно как и иными участниками процесса) своих первоначальных показаний нет.

Вторая ситуация (открытого противодействия) также не вызывает существенных затруднений для работы с показаниями подсудимого, однако, напротив, характеризуется их полным отсутствием. Для такой ситуации свойственны полное отрицание подсудимым вины в инкриминируемом ему деянии; наличие информационных пробелов в обвинительном материале; отсутствие доверительных отношений между гособвинителем и свидетелями (потерпевшими); активное участие адвоката.

Между тем наиболее неоднозначной и сложной для разрешения является потенциально конфликтная ситуация, сущность которой заключается в том, что она, с точки зрения представленной классификации, находится посередине между бесконфликтной ситуацией и ситуацией открытого противодействия. Иными словами, при наступлении определенных обстоятельств данная ситуация может трансформироваться в негативную, в рамках которой сторона защиты будет оказывать гособвинителю открытое противодействие, однако в случае их отсутствия судебный процесс продолжит протекать в условиях максимального благоприятствования для стороны обвинения.

Порядок выявления точек бифуркации, приводящих к трансформации благоприятной ситуации к ситуации открытого противодействия, а также тактические приемы, адресованные гособвинителю для разрешения конфликтных ситуаций, были неоднократно описаны ранее⁵.

Однако в вышеприведенных исследованиях не получил достаточного освещения негативный сценарий развития потенциально конфликтной ситуации с точки зрения проверки и правильной оценки разрозненных показаний подсудимого.

Так, в случае изменения лицом своих признательных показаний в суде на иные в деле возникает определенная коллизия – конкуренция первоначальных показаний, полученных в рамках предварительного следствия, с «новой» позицией подсудимого, которая была озвучена в суде. Какая из этих правовых позиций является истинной, а какая ложной? И почему?

Проведенный анализ специальной юридической литературы позволил сделать вывод, что для правильного разрешения вышеописанного противоречия целесообразно использовать отдельные тактические приемы из криминалисти-

ческой операции «Проверка показаний лица, признавшего себя виновным в совершении преступления», сформулированной профессором О. Я. Баевым⁶.

Целевое назначение данной криминалистической операции заключается в достоверном установлении «виновной осведомленности» лица, дающего (давшего) признательные показания. Однако криминалистический инструментарий, помещенный в основу операции, представляется достаточным для решения и иных задач.

В первую очередь О. Я. Баев отметил необходимость соответствия признательных показаний «узловым», объективно установленным фактам расследуемого, а также наличие в «признательных» показаниях деталей, нюансов описываемых событий, которые нельзя выдумать.

Применительно к конкуренции первоначальных и последующих показаний подсудимого это подразумевает необходимость для познающего субъекта проводить тщательное сопоставление всех сведений, полученных от подсудимого, с установленными предварительным следствием фактическими данными о мотивах, способе, времени, месте совершения преступления против личности. Вместе с тем сама по себе согласованность/несогласованность тех или иных показаний подсудимого с обстоятельствами, установленными в рамках предварительного расследования, не гарантирует истинности/ложности сопоставляемых показаний. Особую ценность приобретают уникальные сведения, полученные от преступника на первоначальном этапе расследования, которые в дальнейшем нашли свое подтверждение при проведении следственных действий, в то время как ретроспективная верификация показаний подсудимого бесперспективна, поскольку реализация им предусмотренно-

го ст. 217 УПК РФ права на ознакомление с материалами уголовного дела после окончания предварительного следствия предоставляет широкие возможности для корректировки своих показаний с учетом имеющегося обвинительного материала.

Показательным в этом случае является уголовное дело, возбужденное в отношении гр. П. по ч. 1 ст. 111 УК РФ по факту умышленного причинения отверткой тяжкого вреда здоровью гр. Г. По завершении предварительного следствия и ознакомления с материалами гр. П. в судебном заседании виновным себя не признал, пояснив, что находился в состоянии необходимой самообороны. Решением суда первой инстанции гр. П. был признан виновным в совершении преступления, квалифицированного по ч. 1 ст. 111 УК РФ, и приговорен к наказанию в виде лишения свободы сроком на три года в исправительной колонии общего режима. Помимо этого с подсудимого было взыскано 200 000 руб. компенсации морального вреда в пользу потерпевшего. Поскольку гр. П. с решением суда был не согласен, защитник подал апелляционную жалобу на приговор Московского районного суда от 25.11.2014. Рассмотрев жалобу, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что доводы гр. П. «не были опровергнуты стороной обвинения», а выводы суда первой инстанции «достаточными и бесспорными доказательствами не подтверждены». Определением судебной коллегии по уголовным делам Калининградской области первоначальный приговор был изменен, действия гр. П. переквалифицированы с ч. 1 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 114 УК РФ, по которой назначено наказание в виде ограничения свободы сроком на 8 месяцев. Осужденный был освобожден из-под стражи в здании суда⁷.

Помимо этого, профессор О. Я. Баев акцентировал свое внимание на таком

средстве закрепления «признавательных» показаний лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, как проверка показаний на месте.

Следует согласиться и дополнить, что для разрешения ситуаций, характеризующихся отказом преступника от своих первоначальных показаний (или их изменением), крайне эффективным является также проведение следственного эксперимента.

Так, например, в отношении гр. П. было возбуждено уголовное дело по факту причинения тяжкого вреда здоровью гр. Б. путем нанесения последнему умышленного удара ножом в брюшную полость 29.09.2013 в помещении кафе «Три Медведя», расположенного по адресу: г. Калининград, ул. Маршала Борзова, 21. При проведении предварительной проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ гр. П. не отрицал своей вины в совершенном деянии. Однако в ходе предварительного следствия правовая позиция гр. П. изменилась: не признавал своей вины в инкриминируемом ему деянии и настаивал на том, что гр. Б., находившийся в состоянии алкогольного опьянения, в ходе словесного конфликта споткнулся и упал на нож. Несмотря на то что проведенные по делу судебные экспертизы исключали подобный механизм образования телесных повреждений, гр. П. настаивал на своей версии произошедшего. По итогам предварительного расследования было составлено обвинительное заключение, которое вместе с остальными материалами уголовного дела было направлено прокурору на утверждение. 24.06.2014 заместителем прокурора центрального района г. Калининграда было вынесено постановление о возвращении уголовного дела для дополнительного следствия, поскольку в ходе предварительного расследования не был проведен следственный эксперимент. При

проведении следственного эксперимента гр. П. не удалось наглядно продемонстрировать описываемый им механизм образования телесных повреждений у потерпевшего. В результате проведенного следственного эксперимента несостоятельность занимаемой позиции стала очевидна самому обвиняемому, его показания повторно изменились: гр. П. признал вину в инкриминируемом ему деянии в полном объеме, ходатайствовал о применении особого порядка принятия судебного решения⁸.

Также свое пристальное внимание профессор О. Я. Баев уделил такому основанию для отказа преступника от первоначальных признательных показаний, как «дача первоначальных показаний под моральным и/или физическим воздействием со стороны работников органов следствия/дознания», предлагая деэвакуировать подобные доводы регулярным проведением судебно-медицинского освидетельствования лица, изменившего показания.

Развивая данное суждение, можно рекомендовать гособвинителю при выступлении в суде парировать голословные утверждения подсудимого о приме-

нении в отношении него насилия тем, что защитник, которым в силу закона является профессиональный адвокат, обладающий достаточным уровнем знаний, участвовал при производстве следственного действия и не сделал отметок о нарушениях для последующего занесения в протокол.

Тем не менее вне зависимости от оснований, по которым предполагаемый преступник изменил свои показания, познающий субъект (будь то следователь, гособвинитель или судья) обязан последовательно и тщательно изучить новую версию лица, в отношении которого ведется уголовное преследование. При этом относиться к изменению показаний следует без какой-либо предвзятости и заранее сформированных выводов. В этой связи для проведения тщательной проверки разрозненных показаний подсудимого, в целях соблюдения принципов свободы оценки доказательств и законности при производстве по уголовному делу, крайне эффективными представляются научно-практические рекомендации, сформулированные профессором О. Я. Баевым.

¹ См.: Баев О. Я. От информации о преступлении – к доказыванию по уголовному делу // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*. 2017. № 3-1. С. 6.

² См.: Волчецкая Т. С., Ренер Н. А., Макарова О. А. Развитие ситуационного подхода в юридической науке и дидактике // *Современное право*. 2017. № 12. С. 88.

³ См.: Волчецкая Т. С. Роль, этапы и перспективы ситуационного подхода в современной криминалистике // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2016. № 4 (46). С. 9–11.

⁴ См.: Волчецкая Т. С., Авакьян М. В. Оптимизация деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения по делам об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью с позиций ситуационного подхода // *Вестник Удмуртского университета*. Сер.: Экономика и право. 2017. Т. 27, № 1. С. 87.

⁵ См.: Авакьян М. В. Роль ситуационного подхода при поддержании государственного обвинения в суде по делам об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3. С. 63. URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/87c/Авакьян_60-66.pdf (дата обращения: 22.09.2018) ; Волчецкая Т. С.,

Авакьян М. В. Оптимизация деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения по делам об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью с позиций ситуационного подхода. С. 89.

⁶ См.: Баев О. Я. Тактические основы проверки «признавательных» показаний по уголовным делам // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / редкол. С. В. Пахомов, Д. А. Натура, Л. А. Рычkalова ; Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2013. С. 24–34.

⁷ См.: Уголовное дело № 1-406/2014. Архив Московского районного суда г. Калининграда за 2014 год.

⁸ См.: Там же.

*Балтийский федеральный университет
имени И. Канта*

Авакьян М. В., ассистент кафедры
уголовного процесса, криминалистики
и правовой информатики юридического
института

E-mail: MVAvakyan@kantiana.ru

*Baltic Federal University
named after I. Kant*

Avakyan M. V., Assistant of the Department
of Criminal Procedure,
Criminalistics and Legal Informatics
of the Law Institute

E-mail: MVAvakyan@kantiana.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ АДВОКАТОЛОГИЯ: МЕСТО И РОЛЬ В ПРЕДМЕТЕ КРИМИНАЛИСТИКИ

Аннотация: статья посвящена исследованию осуществления защиты по уголовным делам как подсистемы науки криминалистики. С точки зрения предмета и сущности криминалистики и деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве обосновывается включение адвокатологии в предметную область криминалистики и тем самым ее расширение.

Ключевые слова: защита по уголовным делам, предмет криминалистики, обвинение, уголовное судопроизводство.

SCIENCE ABOUT DEFENCE LAWYER IN CRIMINALISTICS: PLACE AND ROLE IN THE SUBJECT OF CRIMINALISTICS

Abstract: the article is devoted to the study of the implementation of protection in criminal cases as a subsystem of the science of criminalistics. From the point of view of the subject and essence of criminalistics and the activities of a defense lawyer in criminal proceedings, the inclusion of advocacy in the subject area of criminalistics and the topic of its expansion is justified.

Key words: criminal defense, subject of criminalistics, prosecution, criminal proceedings.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

В свете текущего состояния науки криминалистики рациональным является изучение теоретических и прикладных проблем защиты от обвинения в уголовном судопроизводстве в рамках данной науки, о чем и пойдет речь в данной статье.

Возобновление дискуссии о предмете науки криминалистики вполне объяснимо, ибо развитие любой науки всегда предполагает в первую очередь ее самоидентификацию на определенном этапе, уточнение предмета ее изучения. В данном случае речь, по существу, идет о том, остается ли криминалистика наукой лишь о раскрытии и расследовании преступлений или выступает как наука об уголовно-процессуальном их исследова-

новании, субъектами которой являются профессиональные представители участвующих в уголовном судопроизводстве сторон.

Анализ высказанных по данному вопросу, причем зачастую диаметрально противоположных мнений позволил нам присоединиться к более широким воззрениям на предмет современной науки криминалистики.

А потому мы полагаем, что **криминалистика есть наука об уголовно-релевантных закономерностях преступной деятельности, возникновения и существования информации в результате совершения преступлений, ее собирания, исследования, использования и оценки и основанных на познании этих закономерностей средствах и методах информационно-познава-**

тельной деятельности дознавателя, следователя, специалиста, эксперта, прокурора и адвоката, каждым в соответствии со своей процессуальной функцией и полномочиями¹.

Оппоненты разделяемого нами подхода к определению предмета криминалистики в первую очередь ссылаются на тезис Р. С. Белкина о том, что никакой криминалистики «обвинения», впрочем, как и криминалистики «защиты», нет, а есть «использование положений криминалистики защитником и обвинителем»².

Относительно первой части этого положения. Мы с ним всецело согласны: действительно, нет криминалистики обвинения и защиты как самостоятельных научных дисциплин.

Наука криминалистика едина, как едины закономерности, ею изучаемые. Но состоит она, по нашему разумению, из двух подсистем. Первая из них изучает данные закономерности с целью оптимизации уголовного преследования как процессуальной деятельности, осуществляемой профессиональными представителями стороны обвинения в целях изблечения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ), а вторая – с целью оптимизации деятельности по профессиональной защите от уголовного преследования.

Тут же скажем, что в данном положении мы не видим какого-либо противоречия с мнением о соотношении криминалистики и теории судебных доказательств, в соответствии с которым обе эти научные дисциплины изучают единые закономерности, но каждая в своих целях. Дело в том, что теории профессиональной защиты по уголовным делам как самостоятельной научной дисциплины в настоящее время не существует. Потому, по нашему убеждению, сейчас ее проблемы могут изучаться лишь в рамках науки

криминалистики, что отнюдь не исключает в дальнейшем возможности ее выделения в отдельную отрасль научных знаний.

Напомним, что это обычный путь возникновения новых наук. «Процесс образования научных дисциплин, – писал известный философ П. В. Копнин, – носит конкретно исторический характер; длительное время система знаний развивается внутри какой-либо науки, а потом ее связи с другими теоретическими системами, входящими в нее, ослабевают и сама она внутренне разрастается, вырабатывает свой язык и метод и, таким образом, становится самостоятельной областью знания, получает свое имя»³.

А. А. Эксархопуло, справедливо отмечая, что в силу нормативно обозначенных функций цели представителей обвинения и защиты всегда оказываются диаметрально противоположными, формулирует следующий вопрос: «Оправдано ли, и, прежде всего, с учетом нравственных принципов, в рамках одной науки разрабатывать рекомендации, одни из которых призваны помочь в изблечении преступника, другие – освободить его от ответственности за содеянное или минимизировать наказание?»⁴.

И здесь мы не видим какого-либо теоретического противоречия, тем более нарушения каких-либо нравственных принципов. Поле этих видов деятельности, объект соответствующих научных изысканий едины. Ими является уголовно-процессуальное исследование преступлений. Специалисты, изучающие как уголовное преследование, так и деятельность по защите от него, остаются криминалистами.

Относительно второй части приведенного выше положения Р. С. Белкина.

Есть уголовное преследование как деятельность по обвинению, и есть дея-

тельность по профессиональной защите от него. И если оба этих вида деятельности, как показано выше, основаны на познании одних и тех же закономерностей, то наука, изучающая таковые, едина; научные дисциплины, их изучающие, нельзя сводить к использованию ими научных положений других наук.

По нашему мнению, рассмотрение предметной области криминалистики как системы, состоящей из двух, на первый взгляд, противоположных подсистем (уголовного преследования и защиты от него) позитивно. Такой подход отражает основную современную тенденцию развития любых наук – системный подход к изучаемому наукой объекту. Напомним, что наиболее принципиальное положение системного подхода (его называют принципом целостности) состоит в требовании рассматривать изучаемое явление не только как самостоятельную систему, но и как подсистему некой большей системы, по отношению к которой это явление нельзя считать системой замкнутой. Уголовное преследование гносеологически и процессуально неотделимо от защиты от него, они – две стороны одной медали, две стороны одного объекта.

В другой своей работе А. А. Эксархопуло, критикуя авторов, рекомендующих защитникам учитывать момент рационального обращения внимания на допущенные следователем ошибки и упущения (чаще всего связывая его со стадией судебного разбирательства), пишет: «Нельзя науку, если это действительно наука, ориентировать на создание рекомендаций, эффективность применения которых основана на ошибках лица, той же наукой призванного познавать истину»⁵.

Выскажем свое мнение по этой проблеме.

Разумеется, защитник, заметив существенное упущение следователя, может тут же заявить соответствующее ходатайство, не дожидаясь момента, когда ошибка станет необратимой для следствия. Но, увы, практика показывает, что в подобных случаях следователи зачастую вместо того, чтобы объективно проанализировать причины, ее вызвавшие, и попытаться оценить значимость его для расследования, выбирают принципиально иной путь: либо «механически» ее устраняют, либо создают дополнительную «доказательственную» базу, нивелирующую значение «ошибки» (что в условиях следствия сделать достаточно несложно).

Приведем два примера тому из опубликованной и неопубликованной следственной практики.

Согласно постановлению о предъявлении обвинения, А. по отведенной ему роли находился в районе Тосно и после появления автомашины КамАЗ (на водителя которого было совершено затем разбойное нападение) сообщил об этом по радиотелефону соучастникам в поселок Шушары.

Отец обвиняемого, обративший внимание на вмененный обвиняемому способ связи с соучастниками, знал, что между двумя названными населенными пунктами радиотелефонная связь отсутствует, что в ответ на запрос адвоката и было в письменном виде подтверждено фирмой, представляющей услуги мобильной связи. Соответствующий документ был передан следователю, который недолго думая... «отмел ненужную версию», просто-напросто перепредъявив А. обвинение, указав, что А. использовал для общения с соучастниками «телефонную связь»⁶.

Другой пример из личной адвокатской практики.

М. обвинялся в том, что в 1 ч 30 мин нанес тяжкие телесные повреждения К. Время было подтверждено показаниями потерпевшего и очевидцев совершения преступления. Защита строилась на том, что на это время у М. имелось бесспорное алиби.

Изучая материалы уголовного дела, защитник М. обратил внимание на то, что в исследовательской части акта судебно-медицинской экспертизы указано, что потерпевший поступил в больницу в 0 ч 45 мин. Запросив справку из «скорой помощи», адвокат выяснил, что телефонный вызов для госпитализации данного лица поступил в 0 ч 15 мин.

Адвокат тут же обратил внимание следователя на выявленную «неувязку» в материалах дела. После этого следователь, возобновив расследование, передопросил потерпевшего и свидетелей, которые, будучи в момент происшествия в состоянии крайнего опьянения, «охотно» подтвердили, что преступление было совершено не в ранее названное им время, а около 0 ч 30 мин. Затем следователь, перепредъявив М. обвинение, «уточнил» время совершения вмененного М. преступления. Это обстоятельство весьма усложнило защиту М. и потребовало для того значительных усилий по доказыванию алиби М. и на это время⁷.

В адвокатской практике, к сожалению, приходится сталкиваться и с более «бесцеремонными» способами реагирования следователей на указанные защитой процессуальные нарушения. Так, по одному из дел после ознакомления с его материалами в порядке ст. 217 УПК РФ в числе прочих защитой было заявлено ходатайство об исключении из числа допустимых при обосновании вины ряда доказательств, в частности, заключения судебно-медицинской экспертизы ввиду отсутствия в деле постановления о ее

назначении и протокола ознакомления обвиняемого с заключением эксперта, а также протокола проверки показаний подозреваемого на месте происшествия ввиду того, что его таковым признать было невозможно вследствие отсутствия в «документе» подписей абсолютно всех его участников, включая следователя, его проводившего.

Постановление об отказе в удовлетворении ходатайства защиты обескураживало своим цинизмом. Его автор благодарил защитника за проявленное внимание, следствием которого явилось обнаружение технической ошибки. Без возобновления производства по делу в его материалах оказались ранее отсутствующие документы, в протоколе проверки показаний на месте соответствующие подписи, а в графах, предусматривающих подписи подозреваемого (обвиняемого), вопиющая запись об отказе подзащитного (несмотря на дачу им на том же этапе предварительного расследования признательных показаний) ее учинить.

С большой степенью вероятности можно предположить, что, обрати мы внимание на данные факты уже в суде, последствия для формирования защитной позиции были бы значительно более предпочтительные.

Мы полагаем, что любая научная дисциплина, изучающая взаимодействия и противодействия людей, неизбежно вынуждена исследовать их применительно к деятельности всех взаимодействующих и противодействующих друг другу субъектов (сторон) с целью оптимизации таковой деятельности, учитывая, разумеется, при этом и типичные ошибки, допускаемые участниками этой деятельности. Заметим в этой связи, что великий физик Нильс Бор любил повторять, что противоположности не противоречат, а дополняют друг друга.

О втором приведенном выше тезисе А. А. Эксархопуло – об обеспечении криминалистикой цели установления истины.

При всей ее внешней респектабельности, в свете нового уголовно-процессуального законодательства цель стороны обвинения (представителями которой являются традиционно понимаемые субъекты этой науки) несколько иная – законное и обоснованное обвинение (повторим: *обвинение законное и обоснованное и никак иначе*). Истина же в уголовном судопроизводстве достигается в результате разработки проблемы, составляющей ее предмет, не одной, а обеими сторонами – и обвинения, и защиты, и затем презюмируется вступившим в законную силу приговором суда.

В сути своей системный подход сам по себе не дает решения проблемы. Он лишь орудие новой постановки проблемы, он организует исследование объекта во всем его многообразии и взаимосвязях его элементов, что в результате дает нечто большее, чем их изолированное друг от друга изучение. Еще Аристотель утверждал: «Целое больше суммы его частей»⁸. И это положение и в настоящее время остается выражением сути системного подхода.

Потому именно системное исследование с позиций криминалистики уголовного преследования и защиты от него как единого объекта под углом изучения этой наукой закономерностей позволяет в первую очередь оптимизировать деятельность профессиональных его участников. При этом системный подход позволяет разрабатывать средства оптимизации их деятельности с учетом познания того, как эти закономерности и отдельные результаты их проявлений используются субъектом, чья профессиональная функция противоположна профес-

сиональной функции другого субъекта. И каждая из этих тактик, их оптимизация неукоснительно предполагают познание и учет тактики противостоящего субъекта. В конечном счете это оптимизирует и самую науку, изучающую эти проблемы, – криминалистику. Она становится, по Аристотелю, «больше суммы составляющих ее частей»⁹.

Мы с удовлетворением отмечаем, что данная точка зрения приобретает в настоящее время все больше сторонников, в том числе из среды работников органов уголовного преследования.

К примеру, прокурор г. Сочи В. Г. Ульянов в своих монографии и докторской диссертации, формулируя определение криминалистической тактики судебного следствия, говорит о ее предметной области как деятельности *лиц, осуществляющих проверку, оценку и использование доказательств*¹⁰. А таковыми и являются в первую очередь профессиональные представители состоящих в суде сторон – государственный обвинитель и защитник подсудимого. Следовательно, и в понимании этого автора криминалистическая тактика есть тактика обвинения и тактика защиты.

Резюмируя сказанное, отметим следующее: принимая во внимание существующую в научных кругах аллергию на термин «криминастика защиты», мы вслед за рядом других авторов считаем вполне уместным и корректным именовать соответствующую подсистему науки криминалистики **«криминалистической адвокатологией»**¹¹, а тактику адвоката-защитника обвиняемого по уголовным делам, исследованию которой посвящена данная диссертационная работа (как, в свою очередь, подсистему криминалистической адвокатологии), – **тактикой профессиональной защиты от уголовного преследования.**

- ¹ См.: *Баев О. Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него // Следственная тактика. М., 2003.
- ² *Белкин Р. С.* Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 87.
- ³ *Копнин П. В.* Гносеологические и логические основы науки. М., 1974. С. 310.
- ⁴ *Эксархопуло А. А.* Предмет и пределы криминалистики // Роль и значение деятельности профессора Р. С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики : материалы Междунар. науч. конф. М., 2002. С. 31.
- ⁵ *Эксархопуло А. А.* Профессиональная защита в уголовном процессе и предмет криминалистики // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002. С. 156.
- ⁶ Рос. газета. 2003. 24 янв.
- ⁷ См.: Архив Новоусманского районного суда Воронежской области. Уголовное дело № 04258036.
- ⁸ *Аристотель.* Собр. сочинений : в 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 26.
- ⁹ Там же. С. 30.
- ¹⁰ См.: *Ульянов В. Г.* Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве. М., 2002. С. 109 ; *Его же.* Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве (процессуальные и криминалистические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид наук. Краснодар, 2002. С. 26.
- ¹¹ Первую попытку научного обоснования и определения понятия «криминалистической адвокатологии» предпринял в 1996 г. О. Я. Баев (см.: *Баев О. Я.* К основам теории профессиональной защиты в уголовном процессе : объект и предмет криминалистической адвокатологии // Правовая наука и реформа юридического образования. Воронеж, 1996. Вып. 6. С. 47.

Воронежский государственный университет

Баев М. О., доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
криминалистики

E-mail: baev_co@mail.ru
Тел.: 8 (473) 220-85-14

Voronezh State University

Baev M. O., Doctor of Legal Sciences,
Professor, Head of the Criminalistics
Department

E-mail: baev_co@mail.ru
Tel.: 8 (473) 220-85-14

В. И. Балко

Высший колледж «Кайнар», г. Семей (Казахстан)

С. А. Сергеев

Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

А н н о т а ц и я: в статье рассматривается вопрос о необходимости совершенствовать понятийный аппарат и систематизацию криминалистической теории причинности. Сгруппированы причинно-следственные связи, с которыми следственно-оперативная группа сталкивается в процессе досудебного расследования, что дает возможность расширить классификационную часть криминалистической теории причинности для более полного ее познания и понимания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: криминалистическая теория причинности, причинно-следственные связи, следственно-оперативная группа, механизм преступления.

ON THE ISSUE OF THE CLASSIFICATION OF CAUSE-EFFECT RELATIONSHIPS IN FORENSIC SCIENCE

A b s t r a c t: the article discusses the need to improve the conceptual apparatus and the systematization of the criminalistic theory of causality. Grouped causal relationships, with which the investigative-operational group is faced in the process of pre-trial investigation, which makes it possible to expand the classification of the criminalistic theory of causality for a more complete cognition and understanding.

Key words: forensic theory of causality, causal relationships, investigative-operational group, mechanism of crime.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Одной из попыток классификации причинно-следственных связей (далее – ПСС) в уголовном судопроизводстве является работа А. А. Пионтковского, который предложил идею деления причинно-следственных связей на «необходимые и случайные»¹, преимущественно с позиции уголовного права. Общеизвестно, что без установления причинно-следственных связей нельзя раскрыть ни одно преступление, об этом знают все сведущие лица.

Вопрос о формировании криминалистической теории причинности (далее – КТП) был впервые поставлен Р. С. Белкиным в 1978 г.², что представляет собой в нашем случае реализацию общеправовой теории причинности в частной предметной области – криминалистике. В 2001 г. Р. С. Белкин обозначил, что теорию криминалистической причинности надо продолжать создавать, в этом есть необходимость. Необходимо совершенствовать понятийный аппарат и систематизацию криминалистической теории причинности.

© Балко В. И., Сергеев С. А., 2019

Рассмотрим дальнейшую классификацию причинно-следственных связей.

Причинно-следственные связи рассматриваются в юридических науках: в уголовном праве, криминологии, уголовно-процессуальном праве и в последнее время в криминалистике и экспертологии. Определение предмета познания криминалистической теории причинности требует четкого разграничения ее содержания от всех иных форм установления.

Эти проблемы определения предмета познания криминалистической причинности ближе всего к уголовно-процессуальной деятельности, потому что более 100 лет назад они составляли один цельный предмет, так как уголовный процесс определяет формы деятельности при расследовании преступлений, которые криминалистика наполняет содержанием тактического и методического плана.

Исходным пунктом закономерности сменяемых событий механизма преступления (подготовка, совершение, сокрытие следов преступления) и закономерности воздействий физических тел, закономерности материальных процессов, закономерности отображения всех этих факторов в отображениях материального мира является философский постулат о том, что «подобно тому, как все в живой природе обладает свойством ощущения, неживая природа обладает свойством отражения». «Именно этот закон, а не закономерность, и служит основой всей криминалистической теории отражения»³.

Для этого надо говорить о сущности различий между уголовно-процессуальным установлением причинно-следственных связей и криминалистическим, и надо выделить самое главное: в уголовном процессе устанавливаются причинные связи между обстоятельствами (доказательствами, фактическими данными), а криминалистическая причинность

касается формирования доказательственной информации, она уходит своими корнями в криминалистическую теорию отражения.

Любое событие преступления может быть представлено как взаимодействие физических тел и происходящих при этом материальных процессов. Именно они и являются объектами отражения. Поэтому след в криминалистике в широком и узком смыслах – «это любое изменение, любое отражение, любая информация, причинно обусловленные любой стадией совершения преступлений»⁴.

Как известно, механизм преступления состоит из трех этапов, соответствует понятию системы, в которой есть свои системные образования: субъекты, используемые предметы, совершаемые действия и т. д.

Поэтому Р. С. Белкин в созданной им криминалистической теории отражения определил всю совокупность действий этих физических тел и материальных процессов как отражаемую систему. Тогда отображение субъектов, предметов и их действий во внешней среде считают отражающей системой, т. е. «отпечатком события» по Р. С. Белкину⁵.

Эта отражающая система способна предоставить нам личностную, предметную и операционную информацию об обстоятельствах прошедших событий.

Теперь надо разграничить направленность и объем познаний и знаний, входящих в криминалистическую теорию причинности. Рассмотрим классификацию причинно-следственных связей в криминалистике. Здесь необходимо первоначально проанализировать «деление причинно-следственных связей на «необходимые и случайные»» А. А. Пионтовским в его работе, посвященной проблеме развития причинно-следственных связей, пересмотреть его позицию, а также рассмотреть на примерах А. А. Пионт-

ковского анализ ПСС в процессе осмотра места происшествия (далее – МП).

В качестве необходимых причинных связей А. А. Пионтковский указывает такие факторы, как наличие револьвера у определенного лица, факт выстрела из этого револьвера и факт убийства. Это необходимо для группы причинно-следственных связей при квалификации преступления в уголовном праве и для уголовного процесса для установления причинных связей между вышеуказанными обстоятельствами.

К числу случайных причинных связей А. А. Пионтковский относит идентификацию револьвера по пуле, извлеченной из трупа, и другие факторы, связанные с отражением действий объектов в окружающей обстановке.

Сам принцип деления причинно-следственных связей А. А. Пионтковским удобен, так как он проводит четкую границу между причинно-следственными связями в уголовном и уголовно-процессуальном аспекте и при установлении причинно-следственных связей при криминалистическом отражении события.

В настоящее время вызывает возражение характеристика криминалистических причинно-следственных связей как случайных. Само слово «случайный» предлагается заменить и продолжить деление причинно-следственных связей, так как А. А. Пионтковский рассматривал причинно-следственные связи больше с позиции уголовного права и процесса.

Хотя под случайными связями он понимал криминалистические связи причинности, носящие четко выраженный, закономерный характер. Иначе они не могли бы стать объектом изучения науки криминалистики и экспертологии.

С учетом теоретической и практической целесообразности можно изменить словосочетание «случайные причинно-следственные связи» на «отраженные

причинно-следственные связи» и с учетом криминалистики и экспертологии разделить их на следующие группы:

- визуально обнаруженные причинно-следственные связи (в широком смысле) при следственном действии;
- визуально обнаруженные причинно-следственные связи (в узком смысле) при следственном действии;
- первоначально визуально не обнаруженные причинно-следственные связи при следственном действии, а обнаруженные компетентными сведущими лицами, имеющими специальные знания в этой области, а также отраженные идеальные, информационные и прочие причинно-следственные связи.

Полный механизм преступления может состоять из трех этапов: «подготовительный, собственно совершение преступления и сокрытие следов преступления». Следственно-оперативная группа (далее – СОГ) в большинстве случаев первоначально сталкивается со вторым этапом механизма преступления – собственно совершением преступления. Иногда со вторым и третьим этапами механизма преступления на МП, если последний этап совершается частично или полностью. Затем, после осмотра МП, обращается к первому этапу механизма преступления сразу или в процессе расследования. Но иногда оперативные сотрудники или СОГ первоначально сталкиваются с первым этапом механизма преступления.

Рассмотрим сгруппированные ПСС, с которыми СОГ сталкивается в основном в начале осмотра МП с комплексным образованием конкретной личностной, предметной и операционной доказательственной и другой информации, а затем в дальнейшем в процессе раскрытия и расследования преступления.

Группа визуально обнаруженных отраженных причинно-следственных свя-

зей (в широком смысле) при следственном действии, которые способствуют созданию первоначальной «следовой картины преступления», включает сведения об отражении используемых предметов, вещей, документов (бумажных и электронных), орудий преступления и всех иных физических тел при их наличии, смещении, перемещении, изъятии или действии с их помощью и др.

Группа визуально обнаруженных отраженных причинно-следственных связей (в узком смысле) при следственном действии, которые способствуют объяснению создания механизма слеодообразования пространственного характера.

Группа визуально обнаруженных отраженных причинно-следственных связей (в узком смысле) при следственном действии, которые способствуют объяснению создания механизма слеодообразования последовательного и временного характера.

Группа первоначально визуально не обнаруженных отраженных причинно-следственных связей (но не исключавших их) при следственном действии с предметов, найденных при производстве следственного действия и обнаруженных специалистами-криминалистами, с использованием научно-технических средств и методов при предварительном исследовании на МП.

Группа первоначально не обнаруженных отраженных причинно-следственных связей (но не исключавших их) при производстве следственного действия с предметов, найденных и обнаруженных судебными экспертами-криминалистами, имеющими специальные научные знания, с использованием научно-технических средств и методов в стационарных (лабораторных) условиях.

Судебному эксперту-криминалисту предстоит либо определить неизвестный факт из области этого события, либо ему

представлен этот факт, но его надо разъяснить на основе специальных научных знаний. В любом случае действуют выводы от следствия к причине, от известного по отражению следствия к установлению причины и условий наступления данного результата⁶.

Группа причинно-следственных отраженных идеальных связей способствует созданию ориентировки для оперативно-розыскных мероприятий.

Группа причинно-следственных отраженных информационных связей способствует созданию операционной информации, касается не только материальных действий, но и «виртуальных действий» людей и перемещения предметов: прибытие и убытие, совершаемые действия, их характер, последовательность и пр.

Группа причинно-следственных отраженных прочих связей способствует созданию дополнительных причинно-следственных связей для другого преступного события, расследования причины следующего преступного правонарушения.

По нашему мнению, следует называть причинно-следственные связи не случайными, а отраженными, которые построены на закономерностях общего и частного порядка.

К группе причинно-следственных отраженных «электромагнитных» информационных связей относим определенную топографию направления прибытия и убытия, последовательность перемещения, «электромагнитные» или виртуальные следы (сохраняющиеся в памяти технических устройств, в электромагнитном поле, на носителях машиночитаемой информации, занимающей промежуточное положение между материальными и идеальными следами), которые отражаются на соответствующих этому материальных объектах (в памяти КП или смартфонах) и так или иначе вовлеченных в орбиту совершения преступления лиц (потер-

певших, свидетелей). Используемые при расследовании преступлений особенности мобильной сотовой связи – от установления факта связи двух абонентов между собой до определения с высокой точностью места нахождения конкретного мобильного телефона, участвующего в переговорах.

Рассматривать ПСС нужно не только со стороны уголовного права и процесса, но и со стороны криминалистики и экспертологии.

Расширенная классификация ПСС в криминалистике способствует дальнейшему развитию теории криминалистической причинности.

¹ Пионтковский А. А. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия. М., 1955. Вып. 6. С. 19.

² См.: Белкин Р. С. Криминалистика : проблемы, тенденции, перспективы. Общие и частные теории. М., 1987. С. 231.

³ Холина Е. А. К проблеме создания криминалистической теории причинности // Проблемы в российском законодательстве. 2011. Вып. 1. С. 199.

⁴ Баев О. Я. Основы криминалистики : курс лекций. М., 2001. С. 55.

⁵ Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 2001. С. 354.

⁶ См.: Бычкова С. Ф., Бычкова Е. С., Калимова А. С. Судебная экспертология. Курс лекций : учеб. пособие. Алматы, 2005. 234 с.

Высший колледж «Кайнар», г. Семей
(Казахстан)

Балко В. И., преподаватель

Тел.: +7 (222) 252-43-64

Казахский гуманитарно-юридический
инновационный университет

Сергеев С. А., старший преподаватель,
магистр юриспруденции

E-mail: krim90dakto97@mail.ru

Higher College "Kaynar", Semey
(Kazakhstan)

Balko V. I., Lecturer

Tel.: +7 (222) 252-43-64

Kazakh Humanities and Law
Innovation University

Sergeev S. A., Senior Lecturer,
Master of Law

E-mail: krim90dakto97@mail.ru

Е. И. Галяшина

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

СТАНОВЛЕНИЕ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

А н н о т а ц и я: в статье рассматриваются истоки формирования и становления частной теории судебной фоноскопической экспертизы, которая развивалась от практики к теории, от частного к общему, на основе обобщения эмпирического материала и теоретического осмысления криминалистически значимой информации, извлекаемой на основе специальных знаний из результатов экспертного исследования фонограмм. Особую роль автор отводит профессору Баеву Олегу Яковлевичу, чьи ценные советы, мудрые замечания и наставления позволили автору выбрать методологически верный подход к разработке концептуальных основ частной теории судебной фоноскопической экспертизы и определить ее место в системе общей теории судебной экспертологии как обосновывающего знания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: частная теория судебной фоноскопической экспертизы, судебная экспертология, криминалистическая фоноскопия, учение о звуковых следах, достоверность фонограмм как доказательств.

THE FORMATION OF THE SPECIAL THEORY OF FORENSIC PHONOSCOPIC EXAMINATION

A b s t r a c t: the article deals with the origins of the formation and formation of the private theory of forensic phonoscopic examination, which developed from practice to theory, from particular to General on the basis of generalization of empirical material and theoretical understanding of criminally significant information extracted on the basis of special knowledge from the results of expert research of phonograms. The author assigns a special role to Professor Oleg Yakovlevich Bayev, whose valuable advice, wise comments and instructions allowed the author to choose a methodologically correct approach to the development of the conceptual foundations of the private theory of forensic phonoscopic examination in the system of forensic expertise as a substantiating knowledge.

Key words: private theory of forensic phonoscopic examination, forensic expertology, forensic phonoscopy, doctrine of sound traces, reliability of phonograms as evidence.

Поступила в редакцию 19 октября 2018 г.

*Светлой памяти профессора О. Я. Баева
посвящается*

Эффективность раскрытия и расследования преступлений во многом зависит от профессионализма сотрудников правоохранительных органов, от владения

ими современными знаниями и приемами работы с доказательствами. Напряженная криминогенная обстановка в стране характеризуется значительным количественным ростом и качественным изменением преступных проявлений, резким

усилением противодействия правоохранительным органам, увеличением доли хорошо спланированных и тщательно замаскированных преступлений, совершаемых общественно опасными способами, организованными, хорошо технически оснащенными преступными группами и сообществами, что делает их раскрытие и расследование только традиционными методами практически невозможным.

Устная речь в силу многих объективных причин остается основным средством коммуникации на всех этапах человеческой деятельности, а передаваемая с ее помощью информация может иметь исключительную ценность для разрешения судебных споров и несудебных конфликтных ситуаций, в сфере гражданского и арбитражного процессуального права, для правоохранительных органов в раскрытии и расследовании преступлений.

Поэтому вполне объяснимо увеличение как количества, так и областей применения различных технических средств (бытовых и специальных) фиксации сведений, передаваемых по акустическому каналу связи. Записанная звуковая информация может служить средством к обнаружению преступлений, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных либо к опровержению обвинения или смягчению ответственности, т. е. может являться источником доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве. Процесс становления судебной экспертизы фонограмм объективно шел в русле практического использования знаний о закономерностях отражения в звуковых следах криминалистически значимой информации, для удовлетворения потребностей судопроизводства в установлении фактов, имеющих значение доказательств, по результатам исследования фонограмм.

Современная судебная фоноскопическая экспертиза проводится в целях уста-

новления личности говорящего по признакам голоса и речи, записанной на фонограмме, выявления признаков монтажа и иных изменений, привнесенных в фонограмму в процессе или после окончания звукозаписи, определения условий, обстоятельств, средств и материалов звукозаписи, а также иных фактов по фонограммам, имеющих доказательственное значение при расследовании уголовных дел. Из анализа перечисленных аспектов, составляющих компетенцию данного направления экспертной деятельности, видно, что фоноскопическая экспертиза объективно требует применения специальных знаний различных отраслей науки и техники для исследования следов, средств и материалов звукозаписи. Очевидно, что начало судебной фоноскопической экспертизы могло быть положено только после того, как технический прогресс позволил создать средства фиксации голоса, речи человека, другой звуковой информации и изобрести инструментарий для их визуализации и объективного исследования.

Приоритет в разработке научно обоснованных методов отождествления личности по голосу и речи в мировой науке справедливо отдается советским филологам и акустикам, математикам, работа которых в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Марфинской шарашке описана в романе А. И. Солженицына «В круге первом».

А. И. Винберг, А. А. Эйман¹ были первыми отечественными учеными, обосновавшими в 1946 г. правовую целесообразность применения звукозаписи в уголовном процессе для фиксации устной речи. В конце 1950-х и начале 1960 г. следователи активно начинают применять звукозапись в качестве средства фиксации хода следственных действий благодаря массовому промышленному производству магнитофонов различных марок и конструкций.

В США в 1960 г. Керст разработал метод на основе возможностей звукового спектрографа (сонографа) для идентификации человека по так называемым «отпечаткам» голоса² (“voiceprint” – «отпечаток голоса»), по аналогии с дактилоскопией. Методика Керста основана на субъективном сравнении получаемых на сонографе отображений одних и тех же звуков. Метод с определенными модификациями нашел применение в криминалистической практике некоторых стран. В 1975–1977 гг. данный метод был подвергнут жесткой критике, однако в модифицированном виде продолжает использоваться многими криминалистами и принимается судами некоторых штатов.

Проблема распознавания человека по голосу волновала не только криминалистов. В большей степени поиском независимых от условий звукозаписи и произносимого текста идентификационных параметров голоса и речи занимались радиоинженеры и математики, пытаясь создать автоматические устройства, управляемые голосом человека.

В Советском Союзе в начале 60-х гг. XX в. грузинский ученый Г. С. Рамишвили впервые научно определил систему акустических параметров речевых сигналов, отражающих индивидуальные особенности человека, их информативность и надежность. Он предложил автоматическую процедуру принятия решения о тождестве говорящих по голосу и речи.

В 1960 г. Г. Л. Грановский впервые высказал идею об использовании метода спектрографии в криминалистике (предложив назвать его вокалоскопия, по аналогии с дактилоскопией)³ для объективизации субъективного слухового восприятия эксперта и документирования результатов экспертизы, ссылаясь на первый пример из судебно-экспертной практики идентификации по голосу. Прокуратура Луганской области (Украина)

проводила расследование по обвинению гр. Ковальчука в изготовлении грампластинных пластинок с записями нецензурных песен и частушек. У покупателя было изъято 100 пластинок с подобными записями, а у обвиняемого – магнитофонная пленка с песнями того же содержания, специальная приставка для копирования с магнитофона на грампластинку. Следователь назначил экспертизу голоса для идентификации исполнителей песен на пленке и на пластинках, поручив ее звукорежиссерам Харьковской студии телевидения. Эксперты на основе своего слухового восприятия («аудиальной экспертизы») установили тождество исполнителей по голосу. Однако суд их заключение не принял в качестве доказательства, сославшись на то, что «слух» субъективен, «увидеть голос» нельзя.

Исторически сложилось так, что криминалистическое исследование звукозаписей было сосредоточено в научных подразделениях НКВД и МООН СССР. Первая фоноскопическая лаборатория была создана в 1964 г. в КГБ СССР (в США она появилась четыре года спустя), и с этого времени звукозапись использовалась в суде как вещественное доказательство.

В Советском Союзе большинство научных разработок в области речевых технологий в то время носило закрытый характер, что затрудняло их процессуальное использование криминалистами. Первые открытые отечественные публикации по возможностям криминалистической идентификации личности по магнитным фонозаписям появились в 1964 г.⁴

Г. Л. Грановский и В. Д. Сердюков писали, что начало криминалистической фоноскопии было положено в 1964 г., когда впервые криминалисты заговорили об использовании материалов звукозаписи в уголовном процессе, и «за 25 лет своего существования судебная фоноскопия

обогадилась целой системой методов и технических средств», позволяющих решать многообразные экспертные задачи⁵.

В МВД СССР официальное решение о создании нового направления экспертной деятельности, задачей которого должно было стать криминалистическое исследование звукозаписей голоса, было принято в 1969 г. на Научно-техническом совете МВД СССР на основании одобрения плана мероприятий, изложенного в «Проблемной записке», автором которого являлся небольшой коллектив криминалистов во главе с профессором В. А. Снетковым⁶.

К тому моменту созрели объективные и субъективные предпосылки для возникновения нового направления экспертной деятельности на основе достижений криминалистической фоноскопии в отечественной криминалистической науке.

Объективно к этому времени появились научные данные об индивидуальном варьировании единиц звучащей речи в разных лингвистических и нелингвистических условиях на основе широкомащтабных исследований единиц звучащей речи, которые проводились в лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ начиная с 1960 г. «Причем в этих исследованиях акцентировалась проблема выявления групповых и индивидуальных особенностей реализации речевых единиц в плане их перцептивных, артикуляторных и акустических параметров». Созданные в результате этой работы методы сегментации потока речи на фонетические единицы разной размерности и полученные количественные перцептивные и акустические данные «заинтересовали ученых криминалистов»⁷.

К тому времени была создана и первая приборная база по исследованию акустической природы фонограмм, появились первые средства визуализации и

измерений параметров звуковых сигналов (сонографы, производимые фирмой Kay Elemetric Corp., самописцы уровня сигнала фирмы «Брюль и Кьер», осциллографы и анализаторы спектра в звуковом диапазоне частот отечественного производства).

Субъективным фактором можно считать наличие огромного энтузиазма у криминалистов правоохранительных структур по расширению доказательственной базы путем исследования такого интересного и перспективного объекта, как фонограмма.

Исторически криминалистическая фоноскопия как раздел криминалистической техники предшествовала судебной фоноскопической экспертизе. Так, если годом рождения отечественной криминалистической фоноскопии как раздела криминалистической науки можно считать 1964 г., то первые фоноскопические экспертизы в интересах суда стали проводиться во ВНИИ МВД СССР только с 1969 г.

Р. С. Белкин, солидаризируясь с мнением, которое ранее высказал С. А. Шейфер, подчеркивал, что звукозапись уменьшает число преобразований доказательственной информации в процессе ее отображения, чем обеспечивается фиксация информации, случайно пропущенной следователем либо ошибочно признанной им не относящейся к делу и потому не отраженной в протоколе допроса. Воспроизведение звукозаписи оказывает большее эмоциональное воздействие, нежели оглашение протокола допроса. «Наконец, звукозапись обеспечивает передачу особенностей речи допрашиваемого, индивидуальность его языка, что также бывает затруднительно, а иногда невозможно отразить в протоколе допроса... фонограмму нельзя считать частью протокола, поскольку очевидны различия между ними в физической природе сигнала, несущего информацию»⁸.

Широкое вовлечение звукозаписи в уголовный процесс на разных стадиях раскрытия и расследования преступлений предопределило в 1964–1969 гг. возникновение новых направлений криминалистической техники (криминалистической фоноскопии) и практической экспертной деятельности – судебной экспертизы фонограмм (фоноскопической/фонографической экспертизы).

Е. Р. Россинская⁹, развивая концепцию Р. С. Белкина, определила следующие критерии, по которым можно судить о том, что уже сформировалось соответствующее новое направление криминалистической техники или такой раздел пока отсутствует:

- решение специфических криминалистических задач, которые не ставятся при исследовании подобных объектов в других сферах человеческой деятельности;
- специфика объектов исследования и в то же время их распространенность, частая встречаемость на местах происшествий;
- методологическая и методическая разработанность данного направления.

Рассмотрим эти критерии на примере раздела криминалистической техники «Криминалистическая фоноскопия». В качестве объекта возьмем фонограмму устной речи с записью допроса обвиняемого. Если надо установить наличие слов оскорбительного содержания, то эта задача решается лингвистическими методами, используемыми при исследовании семантики текста. Криминалистически значимая информация здесь минимальна.

Другая задача – если необходимо определить причину, что могло спровоцировать оскорбительные словесные реакции обвиняемого, не были ли они следствием применения недозволенных средств и методов допроса или необычным состоянием говорящего в момент

речи. Здесь необходима разработка криминалистических методик диагностики по речи психоэмоционального состояния говорящего, исследование самой фонограммы на предмет ее аутентичности. Полученные результаты будут иметь важное криминалистическое значение.

Аналогично задача получения сравнительных образцов голоса и устной речи, необходимых для идентификации говорящего по фонограммам речи, будет относиться к разделу криминалистической техники. Это объясняется тем, что требуется не только осуществить звукозапись звучания голоса, а на основе определенных тактических приемов получить речевой материал, максимально сопоставимый по форме и содержанию с фонограммами устной речи неизвестного лица с учетом требований экспертных методик отождествления личности по голосу, предъявляемых к качеству звукозаписи и т. д.

Исходя из указанных выше критериев, криминалистическая фоноскопия заняла свое место в системе криминалистической техники (как достаточно хорошо сформировавшееся за несколько десятков лет своего существования направление, хотя и называемое еще нередко новым¹⁰). В этом разделе описываются звуковые следы человека и их криминалистическое значение, акустический и лингвистический анализ устной речи, диагностические и идентификационные задачи, разрешаемые при фоноскопических исследованиях, и получаемая при этом криминалистически значимая розыскная и доказательственная информация.

Аналогичная точка зрения представлена в учебнике по криминалистике под редакцией Н. П. Яблокова, где параграф «Криминалистическое исследование средств, звуко-видеозаписи и акустической информации, записанной на них (видеофонографические исследования)»

включен в раздел криминалистической техники¹¹.

Раздел «Понятие и значение криминалистической фонологии» содержится в главе «Фонологические объекты как носители криминалистически значимой информации» в учебнике под редакцией В. А. Образцова¹². Не обсуждая здесь терминологические различия, существенным является единая позиция большинства ученых о наличии раздела, связанного с криминалистическим исследованием фонограмм в курсе криминалистики как учебной дисциплины.

Наиболее полно раздел «Криминалистическая фоноскопия» представлен в учебнике по криминалистике под редакцией Р. С. Белкина, где определено понятие криминалистической фоноскопии, указаны методы, сформулированы основные решаемые вопросы, указаны особенности назначения фоноскопической экспертизы и подготовки материалов для ее производства¹³.

В этом разделе криминалистической техники речь идет о возможностях экспертного исследования фонограмм в целях получения доказательственной информации, правилах работы со звуковыми следами, средствами звукозаписи и фонограммами и т. д.

Обобщая существующие концепции об объемах раздела «Криминалистическая фоноскопия», мы предлагаем включить в этот раздел следующие сведения:

- 1) определение понятия криминалистической фоноскопии;
- 2) криминалистические методы фоноскопических исследований;
- 3) вопросы, решаемые фоноскопической экспертизой;
- 4) особенности подготовки и назначения фоноскопической экспертизы, включая осмотр материалов и средств звукозаписи, собирание и получение сравнительных образцов голоса и речи;

5) фоноскопические учеты и фонотеки в структуре криминалистической регистрации.

Криминалистическая фоноскопия как раздел криминалистической науки входит в качестве одной из составных частей в научный фундамент судебной фоноскопической экспертизы как практической деятельности¹⁴.

Судебная фоноскопическая экспертиза базируется на методологии криминалистики, использует знания других гуманитарных и естественных наук – акустики, лингвистики, математики, радиофизики и радиоэлектроники. Таким образом, судебная фоноскопическая экспертиза могла возникнуть только на базе уже сформировавшихся научно-технических основ, составляющих комплекс специальных знаний, применение которых позволяет решать круг идентификационных и диагностических задач исследования фонограмм в интересах судопроизводства.

С 1969 г. фоноскопические экспертизы стали проводиться по расширяющемуся кругу вопросов регулярно. Так, в 1969 г. проведены экспертизы по установлению дословного содержания, в 1970 г. – по выявлению признаков механического монтажа фонограмм, в 1971 г. – по идентификации говорящего, в 1972 г. – по идентификации магнитофона. На их основе были сформулированы требования к структуре и содержанию экспертных заключений по фоноскопической экспертизе.

Результаты первых экспертиз и конкретные методики, на основе которых они проводились, были опубликованы в монографических исследованиях, пособиях и статьях А. А. Ложкевича, В. Л. Шаршунского, В. А. Снеткова, В. А. Чиванова, Г. Л. Грановского, М. В. Салтевского, Э. К. Ребгуна, Ю. Ф. Жарикова, Г. С. Рамишвили, В. Д. Сердюкова и других криминалистов¹⁵.

В 1964–1977 гг. появилась целая серия публикаций научных статей об опыте и возможностях проведения экспертиз по повышению разборчивости текстов, записанных на магнитной ленте, о возможностях и методах идентификации личности по голосу и речи, о методах исследования магнитных дорожек при идентификации звуковых магнитофонов, о методиках трасологических исследований магнитных лент при установлении аппарата, на котором была произведена запись¹⁶. К 1977 г. только во ВНИИ МВД СССР были разработаны научные методики и проведено более 100 экспертиз по идентификации личности по голосу, в том числе положительно оцененных Верховным судом СССР¹⁷.

На первом этапе, который можно обозначить с 1969 по 1980 г., были сформированы гносеологические основы, охарактеризованы объект и методы, обозначены общие принципы фоноскопической экспертизы с учетом имевшихся на тот период инструментальных средств и методов исследования фонограмм, очерчены первые контуры нового направления практической деятельности. Именно в этот период нарабатывался первый экспертный опыт, шел активный научный поиск с привлечением ведущих ученых в фундаментальных и прикладных направлениях базовых наук – лингвистики, акустики, математики и др.

Организационно оформились и технически оснастились экспертные фоноскопические лаборатории в системе экспертных учреждений Министерства внутренних дел, Министерстве юстиции, ФСБ России.

Надо отметить, что в отличие от зарубежной науки, отечественная фоноскопическая экспертиза как направление практической экспертной деятельности изначально носила комплексный характер с равновеликим участием в формировании

ее теории базовых знаний как естественных, технических, так и гуманитарных наук, в том числе юридических.

Уже на первом этапе были определены два основных направления экспертной деятельности при исследовании материалов и средств звукозаписи, записанной на них акустической информации.

Это – техническое исследование фонограмм и исследование устной речи. Решение задач каждого направления предполагало применение соответствующих технических средств и методов исследования, наличие разных специальных знаний. Задачи каждого направления изначально подразделялись на идентификационные и диагностические. Был определен и минимальный набор компетенций с опорой на знания в области акустики, лингвистики и радиоэлектроники¹⁸.

Быстрые темпы становления и развития фоноскопической экспертизы на втором этапе 1980–1990 гг. были вызваны тем, что фонограммы стали активно внедряться в уголовный процесс в качестве средства фиксации звуковой информации при производстве следственных действий и при проведении оперативно-розыскных мероприятий¹⁹.

Третий этап становления судебной фоноскопической экспертизы определяется интервалом с 1991 по 2002 г. Он характеризуется обобщением накопленного теоретического и методологического знания, широким внедрением современных информационных технологий, разработкой новых автоматизированных экспертных методик, тенденциями к формированию различных видов фоноскопической экспертизы на основе более узкой экспертной специализации, комплексированием с пограничными областями речеведческих экспертиз. В экспертную деятельность все больше внедряются достижения в области автоматического распознавания слуховых образов, шире

применяются математические и лингвистические, кибернетические методы исследования, разрабатывается новый инструментарий. В течение нескольких лет публикуется значительное число статей, методических рекомендаций и учебных пособий²⁰.

Изменения законодательства и методическая проработка частных экспертных методик создали предпосылки для организационного оформления системы фоноскопических лабораторий в структуре экспертно-криминалистических учреждений органов внутренних дел СССР. В 1991 г. в МВД России в централизованном порядке была выделена необходимая штатная численность и произведены закупки необходимых для производства фоноскопических экспертиз технических средств. Аналогичные процессы по расширению своих лабораторий и созданию региональных подразделений осуществлялись в системе экспертных учреждений других ведомств.

Необходимость системного изучения и описания методических аспектов фоноскопических исследований была осознана в конце 90-х гг. XX в. как обусловленная социальным заказом, связанным с изменениями в общественно-политической жизни страны. Потребность в формировании единого научно-методического подхода к производству судебных экспертиз, к экспертной практике, специализации, профессиональной подготовке государственных и негосударственных (частных) судебных экспертов подстегивалась требованиями принятого 31 мая 2001 г. Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Это послужило толчком к обобщению научных знаний о закономерностях возникновения, выявления, исследования и экспертной оценке звуковых следов, запечатленных на фонограммах. Так нача-

лось формирование основ частной теории фоноскопической экспертизы. В течение ряда лет было определено понятие предмета, объекта и методов фоноскопической экспертизы как самостоятельного рода судебно-экспертного исследования фонограмм.

Как и другие направления науки и техники, фоноскопическая экспертиза возникла и развивалась под воздействием определенных объективных тенденций и закономерностей, которые можно обозначить следующим образом:

- появление фонограммы как материального способа фиксации звуковой информации, передаваемой по акустическому каналу;

- появление приборной базы и создание теоретического базиса криминалистической оценки инструментальных данных, полученных по показаниям приборов в процессе анализа фонограмм;

- компьютеризация инструментальной базы фоноскопической экспертизы и технологии ее производства;

- междисциплинарная интеграция²¹ научных знаний в рамках естественных и гуманитарных наук и формирование блока специальных знаний, конституирующих фоноскопическую экспертизу как учебную дисциплину и род судебной экспертизы.

Научные основы фоноскопической экспертизы, безусловно, зародились в недрах фундаментальных наук на основе подсистем прикладных научных дисциплин – прикладной лингвистики и акустики, математики и радиотехники. Однако она оформилась и сформировалась как род судебной экспертной деятельности в структуре криминалистического знания, изначально нацеленного на решение социальной проблемы – борьбы с преступностью.

К началу XXI в. на первый план вышла потребность в обобщении и систе-

матизации разрозненных научных знаний, теоретическом осмыслении собранного многими плеядами криминалистов эмпирического материала исследования фонограмм для формирования концептуальных основ, составляющих теоретический и методологических базис судебной фоноскопической экспертизы.

И здесь нельзя не сказать о той роли, которую сыграл в процессе становления и формирования частной теории фоноскопической экспертизы профессор О. Я. Баев, возглавлявший в эти годы кафедру криминалистики юридического факультета Воронежского государственного университета.

Именно на этой кафедре и во многом благодаря критическому научному анализу коллективом кафедры во главе с профессором О. Я. Баевым накопленной базы знаний о криминалистическом исследовании результатов звукозаписей выкристаллизовывалась научная концепция частной теории фоноскопической экспертизы²².

На кафедральном обсуждении докторской диссертации Е. И. Галяшиной профессор О. Я. Баев отмечал: «Результаты исследования диссертанта имеют важное значение для следственной, судебной, экспертной и оперативно-розыскной практики. Они позволяют получить представление о возможностях комплексирования в процессе доказывания разнородных специальных средств и научно-технических методов установления истины, полнее использовать современные возможности специальных познаний и судебных экспертиз, продуктивно реализовать в доказывании рекомендации таких частных криминалистических теорий, как теории причинности, идентификации и диагностики др. В диссертации впервые сформулирована теоретическая концепция судебной фоноскопической экспертизы и показаны возможности использо-

вания ее результатов в уголовном судопроизводстве. Рассмотрены возможности совершенствования процессуального и организационного обеспечения судебной фоноскопической экспертизы как самостоятельного рода судебных экспертиз в системе обосновывающего знания»²³.

На заседании диссертационного совета Д 212.038.04 при Воронежском государственном университете 27 апреля 2002 г. под председательством профессора О. Я. Баева докторская диссертация Е. И. Галяшиной на тему «Теоретические и прикладные основы судебной фоноскопической экспертизы» по специальности 12.00.09 – «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» была успешно защищена.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Е. Р. Россинская – научный консультант диссертанта – отметила, что диссертация посвящена важной и очень актуальной проблеме, она представляет собой пионерское высококачественное научное исследование, вносящее серьезный вклад в отечественную науку. Неразработанность теории данного рода судебной экспертизы крайне негативно сказывается на качестве и эффективности раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений, имеющих наиболее агрессивный, организованный, изощренный характер, препятствует расширению доказательственной базы за счет привлечения криминалистически значимой информации, зафиксированной в фонодокументах, полученных, истребованных или представленных в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством или при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В развернувшейся на защите научной дискуссии заслуженный деятель науки РФ профессор Т. В. Аверьянова от-

метила, что частные теории исходят из положений общей теории и содержат в качестве исходных посылок те данные, которые отвечают специфике отдельных родов или видов экспертиз, в том числе фоноскопической экспертизы. Позднее Т. В. Аверьянова подчеркнула, что «каждая частная экспертная теория подготавливалась многими деятелями науки и практики, и каждый из них, несомненно, внес свой вклад в формирование этих теорий». Так, «разработаны концептуальные основы таких новых частных экспертных теорий, как теория экспертного исследования оружия, боеприпасов и следов их применения, судебно-трасологической экспертизы, экспертного фоноскопического исследования»²⁴.

Формирование частной теории судебной фоноскопической экспертизы шло по направлению от практики к теории, а теория проверялась практикой.

Современный этап развития частной теории фоноскопической экспертизы определяется необходимостью решения комплекса качественно новых идентификационных и диагностических задач в связи с цифровой фиксацией звуковых следов, их цифровой обработкой, применением вокодеров, речевого синтеза и появлением в связи с этим новых объектов, требующих разработки для их экспертного исследования новых научно-методических подходов и экспертных технологий.

К закономерностям, изучаемым современной частной теорией фоноскопической экспертизы, мы относим следующие, базирующиеся на общей теории судебной экспертологии²⁵:

– закономерности развития языка эксперта-фоноскописта, системы экспертных понятий и обозначающих их терминов судебной фоноскопической экспертизы;

– закономерности формализации, унификации и стандартизации языка судебной фоноскопической экспертизы (судебной экспертизы фонограмм);

– закономерности качественного и количественного видоизменения знаний, навыков и умений, определяющих компетенцию субъекта судебной фоноскопической экспертизы;

– закономерности объективизации и повышения доказательственного значения заключения фоноскопической экспертизы, совершенствование его формы и содержания;

– закономерности информационного и организационного и методического обеспечения судебной фоноскопической экспертизы;

– закономерности обеспечения профессиональной подготовки судебных экспертов-фоноскопистов;

– обеспечение единых требований к программам дополнительного профессионального образования и экспертным специализациям экспертов-фоноскопистов.

В завершение надо отметить, что частная теория фоноскопической экспертизы, естественно, отражает лишь некоторые закономерности объективной действительности, проявляющейся в звуковой характеристике зафиксированного на фонограмме события. Однако она непрерывно совершенствуется и развивается, внося свой вклад в общую теорию судебной экспертологии и криминалистики.

¹ См.: Винберг А. И., Эйсман А. А. Фототелеграфия и звукозапись в криминалистике. М., 1946. С. 21.

² См.: Керста. Система идентификации, созданная на исследовании «отпечатков» голоса (вокалскопии) // Электроника (США). 1962. Т. 35, № 24. С. 39–40. (цит. по: Радянське Право. 1963. № 6).

- ³ См.: *Грановский Г.* ДаскилоскопІя ТА Ідентифікація за голосом // Радянське Право. Окремий ВІДБИТОК. 1963.
- ⁴ См.: *Снетков В. А., Курриянов В. Б.* Об экспертной идентификации личности по магнитным фонозаписям // Труды НИИМ МООП РСФСР. 1964. № 7.
- ⁵ Судебная видеографическая экспертиза. Подготовка материалов и производство : методическое пособие для экспертов, следователей и судей. М., 1989. С. 3.
- ⁶ В состав коллектива изначально вошли Шаршунский Всеволод Львович, Ложкевич Александр Александрович, Чиванов Владимир Алексеевич.
- ⁷ Фонетика и лингвокриминалистика (интервью Г. Е. Кедровой с профессором Л. В. Златоустовой) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2001. № 3. С. 203.
- ⁸ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. М., 2001. С. 357.
- ⁹ См.: *Россинская Е. Р.* Система криминалистической техники в свете современных представлений о природе криминалистики // Современные проблемы криминалистики. 1998. С. 3–8.
- ¹⁰ См.: *Россинская Е. Р.* Криминалистика. Вопросы и ответы. М., 1999. С. 113–119.
- ¹¹ См.: Криминалистика : учебник / под ред. Н. П. Яблокова. М., 1997. С. 333–336.
- ¹² См.: Криминалистика : учебник / под ред. В. А. Образцова. М., 1997. С. 199–211.
- ¹³ См.: *Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р.* Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М., 1999. С. 363–368.
- ¹⁴ См.: *Галяшина Е. И.* Судебная фоноскопическая экспертиза. М., 2001.
- ¹⁵ См.: *Галяшина Е. И.* Об истории судебной фоноскопической экспертизы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 181–195.
- ¹⁶ См.: *Снетков В. А., Курриянов В. Б.* Указ. соч. ; *Ложкевич А. А., Чиванов В. А., Шаршунский В. Л.* Исследование возможности применения вокалограмм для идентификации личности по голосу // Труды ВНИИОП МООП СССР. 1968. № 12 ; *Ложкевич А. А., Чиванов В. А., Шаршунский В. Л., Шакин В. В.* Об одном методе объективной идентификации личности по голосу // Труды ВНИИ МВД СССР. 1970. № 16 ; *Ложкевич А. А., Чиванов В. А., Шаршунский В. Л.* О возможности проведения экспертиз по повышению разборчивости текстов, записанных на магнитной ленте // Экспертная практика. МВД СССР. 1971. № 5 ; *Их же.* Исследование возможности идентификации личности по голосу // Труды ВНИИ МВД СССР. 1974. № 31 ; *Зуев В. Д., Шаршунский В. Л.* О возможности идентификации магнитофонограмм по магнитным звукозаписям // Труды ВНИИ МВД СССР. 1972. № 20 ; *Зуев В. В., Ложкевич А. А., Чиванов В. А., Шаршунский В. Л.* К вопросу идентификации личности по голосу // Правовая кибернетика. М., 1973 ; *Их же.* Трасологическое исследование магнитных лент при установлении аппарата, на котором была произведена запись // Труды ВНИИ МВД СССР. 1973. № 27 ; *Леви А. А.* Некоторые перспективы использования звукозаписи и звукоанализа в практике борьбы с преступностью // Материалы Всесоюзной научной конференции «Современные тенденции развития судебной экспертизы вещественных доказательств и пути внедрения новых физических, химических и биологических методов в экспертную практику». М., 1973. Ч. 4.
- ¹⁷ См.: *Азарченкова Е. И., Женило В. Р., Ложкевич А. А., Шаршунский В. Л.* Экспертная идентификация человека по фонограммам его речи. М., 1986.
- ¹⁸ См.: *Ложкевич А. А., Снетков В. А., Чиванов В. А., Шаршунский В. Л.* Криминалистическое исследование магнитных фонограмм. М., 1976. 30 с.
- ¹⁹ См.: *Гдлян Т., Иванов Л.* Использование научно-технических средств при расследовании преступлений // Социалистическая законность. М., 1977. № 5. С. 59–60.
- ²⁰ См. работы *Е. И. Галяшиной, В. Р. Женило, М. В. Хитиной, В. Д. Сердюкова, Г. С. Рамишвили, Э. К. Ребгуна* и др.

²¹ См.: Аверьянова Т. В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебной экспертизы. М., 1994.

²² См.: Галяшина Е. И. Теоретические и прикладные основы судебной фоноскопической экспертизы : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2002.

²³ Выписка из протокола № 6 от 02.02.2002 расширенного заседания кафедры криминалистики Воронежского госуниверситета. Присутствовали: зав. кафедрой, доктор юридических наук, профессор О. Я. Баев; зав. кафедрой уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор Н. П. Кузнецов; доктор юридических наук, профессор В. И. Батищев; доктор юридических наук, доцент В. В. Трухачев; заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор Юридического института МВД России полковник милиции Е. Р. Россинская; кандидат медицинских наук, доцент С. Н. Боков; преподаватели и сотрудники кафедры А. С. Фомина, Т. Э. Кукарникова, Л. Б. Краснова, Л. Д. Шевченко; аспиранты кафедры. Официальными оппонентами по диссертации были назначены заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор К. К. Горяинова (начальник научно-исследовательской лаборатории ВНИИ МВД РФ); заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Н. П. Майлис (профессор кафедры судебной экспертизы Московской академии МВД России); доктор юридических наук, профессор Т. В. Толстухина (зав. кафедрой правоведения Тульского государственного университета).

²⁴ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза : курс общей теории. М., 2006. С. 403.

²⁵ См.: Судебная экспертология : история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной. М., 2017. С. 30–31.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Галяшина Е. И., доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз, профессор кафедры судебных экспертиз, академик РАЕН (действительный член)

E-mail: eigajashina@msal.ru
Тел.: 8 (499) 244-88-88, доб. 510

Moscow State Legal University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Galyashina E. I., Doctor of Legal Sciences, Doctor of Philology, Professor, Vice Head of the Forensic Expertises Department, Professor of the Forensic Expertises Department, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (full member)

E-mail: eigajashina@msal.ru
Tel.: 8 (499) 244-88-88, ext. 510

В. В. Горбова

Воронежский институт МВД России

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ГРАБЕЖИ И РАЗБОЙНЫЕ НАПАДЕНИЯ НА ОТКРЫТОЙ МЕСТНОСТИ

А н н о т а ц и я: *в статье рассматривается личность преступника, совершающего грабежи и разбойные нападения на открытой местности, а также основные социально-демографические признаки лиц изучаемой группы преступлений.*

К л ю ч е в ы е с л о в а: *личность преступника, грабежи и разбойные нападения на открытой местности, социально-демографические признаки.*

JUDICIAL SANCTIONING OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

A b s t r a c t: *the article deals with the identity of the offender committing robberies and robbery in the open area, as well as the main socio-demographic characteristics of the studied group of crimes.*

Key words: *personality of the criminal, robberies and robberies in the open area, socio-demographic characteristics.*

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Борьба с уличной преступностью, в том числе грабежами и разбоями, совершаемыми на открытой местности, является важным направлением деятельности органов внутренних дел.

Грабежи и разбойные нападения, совершаемые на открытой местности, занимают значительное место в общественной структуре имущественных преступлений. Они характеризуются рядом особенностей, выделяющих их из числа других однородных преступлений. Такие нападения в общественных местах обладают повышенной общественной опасностью и являются сложными многообъектными деяниями, поскольку они посягают не только на общественные отношения по поводу неприкосновенности собственности, но и на личность, наносят в целом вред обществу. Данные преступле-

ния оказывают особо отрицательное влияние на состояние правопорядка в стране.

Одним из компонентов оперативно-разыскной характеристики, имеющей существенное значение для раскрытия и предупреждения грабежей и разбойных нападений, совершаемых на открытой местности, является личность преступника, сведения о которой приобретают практическую значимость в совокупности с первоначально полученными данными, а также способствуют выдвижению версий о лице, совершившем преступление. Изучение личности преступника представляет собой комплексную проблему, которая требует многостороннего рассмотрения, потому что сложность и многогранность человеческой индивидуальности обуславливает недопустимость ее полного и всестороннего изучения в рамках одной отдельно взятой науки или даже нескольких отраслей наук.

Исследование личности преступника с оперативно-разыскной стороны проводится с позиции системно-структурного анализа, и в качестве главных типовых элементов ее структуры выделяются следующие:

– определенные элементы демографических признаков (пол, возраст, уровень образования и т. д.);

– отдельные нравственно-психологические свойства;

– различные криминалистические сведения, которые используются в целях успешного решения задач раскрытия преступления.

Если говорить о возрастных признаках лиц, совершающих рассматриваемые преступления, то наиболее многочисленную группу составляют лица в возрасте от 18 до 29 лет. В этом возрасте ярко проявляется асоциальная установка личности и сформировавшиеся ранее отрицательные черты характера. К данному возрастному периоду у большей части исследуемых лиц в жизни и сознании произошли определенные изменения, которые способствовали утрате различных социальных связей, формированию негативных сдвигов в психическом состоянии. Процентное соотношение возрастных категорий исследуемых лиц характеризуется такими данными¹: от 14 до 17 лет – 19 %; от 18 до 29 лет – 68 %; от 30 до 49 лет – 12 %; от 50 и старше – 1 %. Не может не настораживать тот факт, что за последние годы наметилась тенденция к «омоложению» категории лиц, совершающих рассматриваемые преступные деяния. Следует отметить, что именно в этом возрасте формируются наклонности к преступному поведению, привычки, формируются асоциальные черты характера, которые в будущем приводят к ведению паразитического образа жизни и совершению преступлений.

Явная особенность присутствует и при рассмотрении пола лиц, совершающих изучаемые преступления. По большей части уличные грабежи и разбойные нападения на открытой местности совершаются лицами мужского пола, которые применяют насилие для завладения имуществом потерпевших и обладают определенными качествами, используемыми в момент нападения и изъятия: силой, ловкостью, умением обращаться с оружием и иными предметами, которые могут причинить вред жизни и здоровью, а также иными качествами. Возможно, это объясняется тем, что мужчины более склонны к проявлению агрессии. И отсюда вытекает, что лица мужского пола задействованы в 92 % совершенных преступлений. Участие женщин составляет 8 % и выражается в том, что они зачастую являлись не исполнителями, а пособниками, наводчиками, подстрекателями, т. е. всеми другими видами соучастников преступления, указанными в ст. 33 УК РФ. Для женщин, кроме того, не характерно применение насилия в отношении потерпевших².

Образовательный уровень изучения личности субъектов исследуемой группы преступлений имеет существенное значение при выборе тактики при проведении отдельных оперативно-разыскных мероприятий (например, для установления психологического контакта при проведении негласного опроса и др.). Многие авторы, исследовавшие личность преступников, отмечают обычно низкий общеобразовательный уровень правонарушителей и особенно лиц, совершающих кражи, грабежи и разбойные нападения.

Анализ изученных уголовных дел показал, что масса правонарушителей имеет довольно низкий образовательный уровень: с основным средним образованием – 38 %; с полным общим – 41 %; имеющих среднее профессиональное образо-

вание – 19 %; высшее – 1 %. Чем старше возрастная группа, тем выше ее образовательный уровень. Но более высокий образовательный уровень носит формальный характер, так как лица, совершающие грабежи и разбойные нападения на открытой местности, имея только лишь среднее образование, в связи с деградацией личности по своему интеллектуальному развитию не слишком сильно отличаются от лиц, имеющих более низкое образование. Рассматриваемые лица обладают достаточно низким культурным уровнем, который определяется примитивными интересами и простым мышлением, отсутствием каких-либо здоровых духовных потребностей. Интересы данной категории лиц сводятся к интересам своих естественных физиологических потребностей, а также к получению низменных удовольствий, таких как пьянство и употребление наркотических средств. Именно низкий культурный и образовательный уровень во многом предрешил преступное поведение рассматриваемых лиц.

Лица, совершающие уличные грабежи и разбой на открытой местности, имеют также такую отличительную черту, как наличие полного отсутствия семейных связей, или они могут быть разрушены. Большая часть лиц, совершивших данное преступное деяние, холосты или разведены. Антисоциальная направленность является одной из причин утраты этими лицами семейных отношений.

Лица, которые совершают уличные грабежи и разбой, по роду занятий разделяются следующим образом: к представителям интеллигенции относится около 1 %; к служащим – 2 %; к рабочим – 13 %; к учащимся и студентам – 10 %; к безработным – 74 %³.

Согласно представленным данным, довольно большая часть лиц, совершивших рассматриваемые преступления, на

момент совершения общественно опасного деяния нигде не работали или привлекались на неквалифицированных низкооплачиваемых работах. Безработные лица жили на иждивении родственников. Таким образом, получается, что большинство вели паразитический образ жизни. Среди преступников, которые имели работу, большинство составляли временные рабочие, которые часто и беспорядочно меняли места работы, не имевшие специальности. По роду занятий среди несовершеннолетних преступников большую часть составили учащиеся техникумов, училищ и школ, которые имели низкую успеваемость и характеризовались отрицательным поведением. Подавляющая часть несовершеннолетних преступников состояли на учете в ПДН, а также значительная часть имели судимость за имущественные преступления.

Среди лиц изучаемой группы существует высокая доля рецидивистов, включая ранее судимых за аналогичные преступления. Все эти показатели демонстрируют высокую устойчивость антисоциального поведения виновных, об их криминальной направленности на совершение аналогичных преступных деяний.

Рассмотренные основные социально-демографические признаки лиц изучаемой группы преступлений переплетены с их нравственно-психологическими качествами. Исследование этих качеств необходимо не только и не столько для выявления целей и мотивов, которые побуждают лица на совершение преступления, сколько для разработки методики раскрытия преступлений в целом. Именно это должно помочь определить круг оперативно значимых связей преступника, избрать наиболее продуктивную тактику общения с конкретным индивидом. Нравственно-психологические качества личности грабителя или разбойника ока-

зывают самое основное влияние на его действия и поступки. Они играют первостепенную роль в создании либо выборе условий и способа совершения преступления. Грабители (разбойники) используют любые благоприятные обстоятельства для выполнения преступных действий либо корректируют и подстраивают окружающую обстановку в соответствии со своим преступным замыслом. В конечном итоге индивидуальные нравственно-психологические особенности предопределяют поведение преступника на этапе раскрытия преступления. Оперативно-разыскное изучение личности предусматривает выявление не всех психологических особенностей, а лишь ту их часть, которая является оперативно значимой. К данным особенностям можно отнести знания, умения и навыки как преступные, так и связанные с жизненным опытом, а также некоторые отрицательные черты характера (эгоизм, агрессивность, дерзость, алчность, бессердечность и др.).

Существенный интерес в исследовании нравственно-психологических характеристик рассматриваемой группы преступников представляют навыки и умения, которые были приобретены в связи с преступной деятельностью и предназначены для реализации преступного замысла путем специфической тренировки или многократного осуществления однородных преступных действий. Навыки могут проявляться в особенностях отдельных способов совершения рассматриваемых преступлений, где преступники избирательно подходят к выбору определенной системы действий по завладению имуществом, например, совершение разбойного нападения на открытой местности с применением орудий преступления, изготовленных или приспособленных в силу узкой специфики конкретной профессии.

К отличительным чертам личности преступников относится умение правильно выбрать жертву, отнять имущество, способность незаметно для окружающих вести наблюдение за потерпевшим. Выбор способа совершения преступления определяют и некоторые черты характера преступника. Психические свойства, определяющие характер человека, индивидуальны. Они обладают большим постоянством и поэтому проявляются в его действиях и поступках, в том числе преступных, и поведении на этапе раскрытия преступления. Лица, совершающие уличные грабежи и разбойные нападения, в основном характеризуются агрессивностью, жестокостью, дерзостью, лживостью, с одной стороны, и осторожностью, осмотрительностью и даже трусостью – с другой. Более других последнее проявляется при разборе поведения данной группы преступников на этапе раскрытия преступления, когда они, понимая неотвратимость изобличения, «сдают позиции» и признают себя виновными, а при наличии преступной группы раскрывают иных соучастников и часть своей вины перекладывают на них. Эти черты характера в определенной мере играют роль при выборе способа завладения имуществом потерпевших, придают индивидуальную окраску преступным действиям преступника.

Важное значение имеет систематизирование преступников по различным критериям. В качестве основного критерия классификации грабителей и разбойников, совершающих рассматриваемые преступные деяния на открытой местности, как предполагается, должен выступать способ совершения указанными лицами общественно опасного деяния. Определенный способ избирается данными лицами в соответствии с совокупностью их личностных качеств. Диффе-

ренциация изучаемых лиц является следствием взаимосвязи этих двух элементов оперативно-разыскной характеристики и детерминируется устойчивой повторяемостью совершения данной группы преступлений одним и тем же способом.

Из этого следует, что грабителей и разбойников, совершающих грабежи или разбойные нападения на открытой местности, можно разделить на следующие группы:

- 1) лица, ранее не судимые;
- 2) лица, ранее судимые за различные преступления;
- 3) лица, ранее судимые за аналогичные преступления.

К первой группе относятся лица, впервые совершившие грабеж или разбой и ранее не привлекавшиеся к уголовной ответственности. Прежде всего, они совершают преступления по большей части в нетрезвом состоянии, без предварительной подготовки. Совершают свои преступные действия эти лица преимущественно в одиночку, под влиянием объективных факторов или чаще всего в составе группы, обуславливающейся случайными связями. Способ завладения имуществом потерпевшего чаще всего с применением насилия не связан. Основная масса этих преступников находится в возрасте от 16 до 25 лет, что является причиной того, что они легко поддаются влиянию других лиц. После их установления и задержания относительно быстро признают свою вину и не прибегают к различным уловкам, направленным на уклонение от ответственности.

Ко второй группе относятся лица, которые привлекались к уголовной ответственности за различные преступления.

В большинстве случаев эти лица, освободившись из мест лишения свободы, не смогли приспособиться к нормальному существованию в условиях социума и

стали вести асоциальный образ жизни. Проведенные исследования позволили выявить иные оперативно значимые типовые особенности. Существенная часть этих лиц не занимаются общественно полезным трудом: они не учатся и не работают. Данные лица могут совершать преступления как в составе преступной группы, так и в одиночку, в основном в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Группы образуются непреднамеренно, основываясь на совместном времяпрепровождении. После совершения преступления группы распадаются, но могут периодически возобновляться. Разделение ролей и функций в группе чаще всего происходит по стечению обстоятельств. Большая часть этих лиц осуществляет предварительную подготовку, в ходе которой вырабатываются действия по завладению чужим имуществом и сокрытию следов преступления. В ходе непосредственного изъятия имущества у потерпевшего преступники склонны к применению в отношении него физического или психического насилия. Основная масса преступников указанной категории находится в возрасте от 18 до 30 лет. Им присущи такие отрицательные черты характера, как агрессивность, дерзость, злобность, эгоизм, корысть и др. Наличие в прошлом судимости позволяет данным лицам руководствоваться при совершении уличных грабежей и разбойных нападений опытом своего поведения в аналогичной ситуации либо преступным опытом других правонарушителей, вместе с которыми они отбывали наказание. В 70 % случаев такие лица совершали грабежи и разбой на открытой местности в первые месяцы после освобождения из мест лишения свободы, что как раз свидетельствует об их неспособности адаптироваться в нормальных условиях. На этапе раскрытия преступления грабители и

разбойники данной классификационной группы виновными себя признают не сразу, обычно лишь при наличии доказательств и умелом их использовании оперуполномоченным в ходе беседы.

К третьей группе относятся лица, ранее судимые за аналогичные преступления, а также признанные судом особо опасными рецидивистами в соответствии со ст. 18 УК РФ. Эти лица в большинстве случаев безработные и характеризуются такими отличительными качествами, как садизм, особая дерзость, жестокость и т. п. Они совершают грабежи и разбои, прежде всего, в силу постоянной антисоциальной направленности в составе устойчивой преступной группы, сложившейся на основе прошлых преступных связей. Эти лица совершают преступления посредством активного поиска жертвы и тщательной подготовки. Но также возможно, что при возникновении удобного случая могут совершить грабеж или разбойное нападение на улице и без подготовки. Обладая достаточными преступными навыками и опытом, стараются совершить данные общественно опасные действия каким-либо одним, хорошо подготовленным и отработанным способом. В число организационных мероприятий входит тщательное продумывание действий по совершению и сокрытию следов преступления. При изъятии личного имущества у потерпевших применяют к ним насилие, не останавливаясь перед нанесением тяжких телесных повреждений. Зачастую используют оружие с целью парализовать волю и сопротивление потерпевшего. Так, преступная группа во главе с Н. под угрозой применения холодного оружия открыто похищала у водителей деньги. Действовала группа в период с апреля по август 2016 г. Возраст основной массы преступников данной группы составляет от 25 до 40 лет и старше⁴.

Лица, относящиеся к данному классификационному типу, могут проживать в этом населенном пункте, а также в других регионах. При организации розыска и установлении преступников рассматриваемой группы необходимо с учетом названных обстоятельств планировать и осуществлять соответствующий круг оперативно-разыскных и иных мероприятий. На этапе раскрытия преступления преступники этого типа, как правило, виновными себя не признают, выдвигают алиби, придумывают различные «легенды» и даже при наличии достаточных доказательств отрицают факт совершения ими грабежа или разбойного нападения. Поэтому у оперуполномоченного возникают большие трудности в избличении этих преступников.

Говоря о личности преступника, стоит также обратить внимание на личность потерпевших от преступления.

Виктимное поведение лиц, пострадавших от преступлений, может носить как устойчивый, личностный, так и неустойчивый, ситуационный характер.

Если перед совершением преступления преступники заранее готовились к преступлению, то при выборе жертвы они намечают таких лиц, в состоятельности которых они уверены. Основываются злоумышленники на социальном статусе лица, который предполагает наличие ценного имущества, денег и т. п. В таких ситуациях пострадавшими выступают лица, занятые торговой, коммерческо-посреднической, банковской деятельностью. В случае если перед совершением преступления не проводились подготовительные мероприятия, социальный статус не играет значительной роли при выборе жертвы.

Не стоит забывать, что при совершении данных корыстно-насильственных преступлений играют важную роль демо-

графические характеристики потерпевших. Для преступников более привлекательными являются лица, которые не смогут оказать должного сопротивления, поэтому грабители учитывают пол и возраст своих жертв. В связи с этим в зоне виктимной опасности находятся женщины, а также лица, которые в силу возраста не могут оказать эффективного сопротивления: дети и люди престарелого возраста.

Потерпевшие от грабежей и разбойных нападений могут проявлять такие виды виктивного поведения, как положительное, негативное и нейтральное поведение.

Положительное поведение может характеризоваться таким поведением, которое не только не провоцировало преступление и не способствовало ему, но и было осторожным, осмотрительным в той мере, в какой это позволяла ситуация. При этом, возможно, потерпевший всеми усилиями пытался оказать сопротивление преступнику.

При негативном поведении жертвы сами совершают действия или бездействуют, тем самым создавая ситуацию,

объективно способствующую совершению преступления. К таким действиям можно отнести нахождение в нетрезвом состоянии либо появление с крупной денежной суммой в безлюдном месте и т. д.

Нейтральным поведением можно назвать такое «невиновное» поведение, что лицо по неосмотрительности и тем более умышленно не способствует возникновению виктимоопасной ситуации, а также связано с неоказанием сопротивления, если оно объективно возможно исходя из сложившейся ситуации.

Таким образом, можно сделать вывод, что повышенная индивидуальная виктимность пострадавших от уличных грабежей и разбоев формируется из определенных личностных качеств, складывающих недостаточную негативность в оценке опасности, виктимную пассивность или активность, и различных ситуативных качеств, связанных с особой их заинтересованностью для преступников в связи с наличием ценного имущества или очевидной неспособностью к результативному сопротивлению.

¹ См.: Рачкова Н. М. Характеристика ситуации совершения преступления как основного фактора, детерминирующего региональную уличную преступность // Сибирский юридический вестник. 2017. № 3. С. 88.

² См.: Там же. С. 89.

³ См.: Там же. С. 91.

⁴ См.: «РосПравосудие» – судебная практика. URL: <https://rospravosudie.com>

Воронежский институт
МВД России

Горбова В. В., кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности

E-mail: varvara.vyacheslavovna@yandex.ru

Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

Gorbova V. V., Candidate of Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Operational-Search Activity

E-mail: varvara.vyacheslavovna@yandex.ru

Е. Л. Комбарова

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

О СТРУКТУРЕ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А н н о т а ц и я: в статье анализируется структура тактико-криминалистической деятельности суда на стадии подготовки дела к судебному заседанию и в рамках судебного разбирательства. Делается вывод о том, что на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию тактическая деятельность суда носит исключительно организационный характер. Охарактеризованы стратегические принципы тактической деятельности суда, реализуемой в процессе судебного разбирательства уголовного дела.

Ключевые слова: суд, тактика, тактическое решение, тактическое действие, объективная истина, стратегические принципы судебной деятельности, подготовка к судебному заседанию, судебное разбирательство.

ON THE STRUCTURE OF TACTICAL FORENSIC COMPONENT OF THE CRIMINAL PROCEDURE JUDICIAL ACTIVITY

Abstract: the article analyzes the structure of tactical and forensic activities of the court at the stage of preparation of the case for the trial and within the trial stage. It is concluded that at the stage of preparation of the criminal case for the court session, the tactical activity of the court is exclusively organizational in nature. The strategic principles of tactical activity of the court implemented in the process of criminal proceedings are characterized.

Key words: court, tactics, tactical decision, tactical action, objective truth, strategic principles of judicial activity, preparation for court session, trial.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Разрешение судом первой инстанции уголовных дел характеризуется наличием специфической уголовно-процессуальной деятельности, включающей в себя подготовку к судебному заседанию, осуществляемую в общем порядке и в рамках предварительного слушания, а также непосредственно судебное разбирательство, реализуемое в различных уголовно-процессуальных формах судеб-

ного производства и завершающееся постановлением судебного решения.

Насущная необходимость использования судом знаний в области криминалистики в процессе рассмотрения уголовных дел предопределяет неизбежное включение суда в число субъектов, реализующих тактико-криминалистические и методические рекомендации, и соответственно обуславливает необходимость отнесения суда к субъекту криминалистической тактики и методики, ибо невозможно применять тактические прие-

мы и методы, не являясь при этом субъектом криминалистической тактики, или же использовать методические рекомендации вне системы криминалистической методики.

Однако, безусловно, и тактическая, и методическая составляющие судебной деятельности имеют свою специфику, предопределяемую особой ролью суда в сфере уголовного судопроизводства.

В настоящей статье мы рассмотрим структуру и сущностное содержание тактической составляющей судебной деятельности.

За основу мы берем определение тактики, данное О. Я. Баевым, поскольку именно оно видится нам наиболее точно отражающим суть данной криминалистической категории. Ученый под криминалистической тактикой понимает систему научных положений и разрабатываемых на их основе соответствующих средств допустимого и рационального собирания, исследования и использования доказательственной информации субъектами уголовного процесса, осуществляемыми каждым в соответствии со своей процессуальной функцией в условиях потенциального или реального, непосредственного или опосредованного противодействия со стороны лиц или органов, имеющих иные интересы в уголовном судопроизводстве, чем те, которые имеет субъект, для оптимизации деятельности которого соответствующий вид криминалистической тактики создается¹.

Но мы считаем возможным несколько расширить это определение.

Основной гносеологической целью доказывания является максимально возможное (применительно к конкретным условиям) познание достоверных обстоятельств исследуемого события – объективной истины. Отрицание данного факта делает бессмысленным весь процесс

уголовно-процессуального познания и правоприменения в целом.

В информационном же отношении вся доказательственная деятельность субъектов представляет собой процесс получения, использования и передачи информации о фактах и обстоятельствах исследуемого криминального события с целью установления их достоверности, а также юридическую оценку данных сведений для осуществления правильной квалификации деяния и выбора адекватных мер уголовно-правового воздействия.

Доказывание в стадии судебного разбирательства уголовных дел в информационном отношении является наиболее сложным.

Суд имеет дело, во-первых, с фактами и обстоятельствами исследуемого события, отображенными дознавателем или следователем в материалах дела в собственной неизбежно субъективной трактовке в рамках версии обвинения; во-вторых, с фактами, различно излагаемыми в интерпретации сторон обвинения и защиты.

Соответственно, достаточно часто может иметь место неполнота информации или ее искажение в процессе фигурирования в сфере уголовного судопроизводства. При этом природа информационной неопределенности или искажений информации может быть обусловлена различными причинами: как прямым целенаправленным противодействием, так и иными факторами: со стороны свидетелей может иметь место забывчивость, неверное восприятие фактов, их неправильная интерпретация; субъект доказывания – следователь (дознаватель) в силу недостаточного опыта может некачественно произвести следственные действия (обыск, следственный эксперимент, допрос и т. п., получив в результате неверную информацию и мотивировав

ею обвинительное заключение. В данном случае умысел оказания противодействия в установлении объективной истины отсутствует, но имеются несомненные препятствия в познании достоверных обстоятельств события, которые и необходимо преодолеть субъекту доказывания (заметим, что природа неполноты или искажения доказательственной информации – противодействие или же непредумышленное воспрепятствование – часто далеко не ясна, и не всегда истинные причины ущербности доказательственной информации становятся очевидными впоследствии).

Потому в отношении условий, определяющих природу тактической деятельности, считаем возможным употребить термин **«воспрепятствование»**, **формами которого могут являться как противодействие, так и неумышленное препятствие в реализации целей субъекта тактики.**

Таким образом, сущностная природа тактической деятельности, на наш взгляд, обусловлена тремя составляющими: 1) наличием целеполагания (интересов) субъекта криминалистической тактики; 2) существованием реальных или потенциально весьма вероятных препятствий для реализации целей субъекта (данные препятствия могут иметь форму противодействия или неумышленного воспрепятствования); 3) наличием усмотрения субъекта тактики, предопределяющим возможность выбора действия или решения из нескольких альтернатив.

При этом должна иметь место именно совокупность всех вышепредставленных составляющих структуры криминалистической тактики для признания деятельности субъекта тактической.

Исследуем уголовно-процессуальную деятельность суда на предмет наличия вышеуказанных элементов, определяющих структуру криминалистической тактики.

Целеполагание. Реализуемая судом функция правосудия в полной мере отображает целеполагание уголовного судопроизводства, находя свое отражение в целях различных видов и уровней.

Проанализировав различные концепции назначения уголовного судопроизводства и целеполагания судебной деятельности, считаем возможным выделить следующие стратегические цели суда в сфере уголовного судопроизводства:

1) социальные цели судебной деятельности – урегулирование социальных конфликтов, защита прав граждан, интересов общества и государства;

2) юридические цели – правильная квалификация уголовно-правового деяния как конкретного преступления и реализация адекватных мер уголовного-правового воздействия на правонарушителя;

3) гносеологические цели – познание объективной истины, достоверных обстоятельств исследуемого события, вынесение справедливого и обоснованного судебного решения.

Также отдельно можно отметить и цели суда, имеющие промежуточный характер, способствующие реализации целей стратегических:

1) обеспечение возможности разрешения дела по существу, осуществления функционирования уголовного судопроизводства в нормальном режиме;

2) надлежащая организация деятельности участников процесса.

Таким образом, суд как участник уголовного процесса имеет несомненное сущностное целеполагание. Именно необходимостью реализации судом всех вышеприведенных целей опосредована судебная деятельность, «пронизаны» все действия суда.

Для того чтобы действия и решения субъекта были признаны тактическими (согласно указываемому нами ранее определению тактики), необходимо наличие

препятствий в реализации целей субъекта, обусловивших принятие решения.

Воспрепятствование может осуществляться с умыслом или неумышленно, быть как реальным, так и потенциальным, вероятность наступления которого с высокой долей вероятности прогнозируется.

О. Я. Баев совершенно верно указывает, что тактика существует там, где возникает необходимость преодоления не только реального, но и потенциального противодействия². Действительно, в этом случае будет иметь место тактика в ее наивысшем проявлении, ибо осуществляется попытка разрешения проблемы еще на стадии ее формирования с целью предотвращения осложнения ситуации в результате осуществления реального противодействия.

Однако только наличия препятствий в реализации целей субъекта недостаточно для признания его деятельности тактической, необходимо существование *усмотрения субъекта тактики, наличие альтернативы в принятии решений*.

Усмотрение субъекта, сопряженное с выбором решения, – важнейший компонент, также являющийся определяющим для природы тактической деятельности, поскольку тактика изначально всегда предполагает возможность выбора с целью определения наиболее оптимального варианта производства процессуального действия, принятия процессуального решения, в ином случае при императивно установленном характере действий деятельность субъекта уже будет являться не тактической, а качественно иной – методической, технологической и т. п.

При этом необходимо учитывать, что операционно *деятельность суда включает в себя две составляющих: 1) производство судебных действий следственного характера; 2) принятие процессуальных ре-*

шений (как промежуточных, так и окончательных). Очевидно, что последняя указанная нами разновидность судебной деятельности, несомненно, будет превалировать по следующим основаниям: в рамках стадии подготовки дела к судебному заседанию в силу закона не может осуществляться производство практически всех судебных действий следственного характера, а в стадии судебного разбирательства в силу принципа состязательности активность суда в исследовании обстоятельств дела естественным образом ограничена.

Потому основным направлением для научных разработок тактических рекомендаций суду с целью оптимизации его уголовно-процессуальной деятельности должно являться формирование тактических рекомендаций принятия судом процессуальных решений в различных судебных ситуациях.

Именно эта магистральная линия тактической составляющей судебной деятельности должна предопределять главный объем и специфику тактико-криминалистических рекомендаций, адресованных суду.

Суд реализует свою деятельность на стадиях подготовки дела к судебному заседанию и непосредственно в судебном разбирательстве.

При этом очевидно, что объем и направленность тактических рекомендаций на стадии подготовки дела к судебному заседанию и в стадии судебного разбирательства уголовного дела неодинаковы, что закономерно объясняется обусловленным законом различием целеполагания и сущности судебной деятельности на данных стадиях.

На стадии подготовки дела к судебному заседанию суд устанавливает наличие фактических и юридических оснований для разрешения дела по существу, выявляет возможные препятствия для ре-

лизации судебной деятельности, создает необходимые организационные условия для надлежащего проведения судебного разбирательства уголовного дела.

Осуществляя подготовку дела к судебному заседанию как в общем порядке (ст. 228 УПК РФ), так и в форме предварительного слушания (ст. 229 УПК РФ), суд разрешает значительное количество регламентированных нормами закона вопросов.

Общий порядок подготовки к судебному заседанию предусматривает принятие судом в письменной форме решений по материалам дела без участия сторон. Как отмечают А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский, задачи подготовки к судебному заседанию в общем порядке можно разделить на следующие виды:

1) контрольно-ревизионные – проверка соблюдения сугубо процессуальных условий, при которых данное дело может слушаться в судебном разбирательстве (подсудности, вручения копии обвинительного заключения (п. 1, 2 ст. 228));

2) правообеспечительные – подлежат ли отмене или изменению избранная мера пресечения, подлежат ли удовлетворению заявленные ходатайства и поданные жалобы, приняты ли меры по обеспечению гражданского иска (п. 3–5 ст. 228);

3) распорядительные – решение вопроса о том, имеются ли предусмотренные ч. 2 ст. 229 основания для проведения предварительного слушания, а также вопросы, связанных с назначением судебного разбирательства, которые перечислены в ч. 2 ст. 231³.

Задачами особой формы подготовки дела к судебному заседанию – предварительному слушанию являются: 1) определение допустимости доказательственной базы по делу (осуществляемое при разрешении ходатайств об исключении

доказательств); 2) разрешение вопросов, связанных с реализацией мер пресечения в виде залога, домашнего ареста, заключения под стражу; 3) определение структурного «наполнения» уголовного дела (решение о выделении уголовных дел в отдельное производство или же, напротив, их соединении либо констатация невозможности такового); 4) принятие решений, определяющих движение дела: о направлении уголовного дела по подсудности, возвращении уголовного дела прокурору, приостановлении производства по уголовному делу, прекращении уголовного дела, прекращении уголовного дела или уголовного преследования в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ и назначении обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, предусмотренной ст. 104.4 УК РФ (ст. 236 УПК РФ).

Анализируя природу судебных процессуальных решений, принимаемых судом в рамках подготовки дела к судебному разбирательству, с позиций криминалистики, сразу отметим, что ряд решений, принимаемых судом, не имеет тактической составляющей, а носит отчетливо выраженный методический (во многом формализованный) характер. Особенно ярко это проявляется в рамках подготовки дела к судебному разбирательству в общем порядке, где суд принимает решения единолично, не осуществляя исследование различных позиций сторон по рассматриваемым вопросам.

К числу таких решений можно отнести, в частности, определение судом предметной подсудности уголовного дела, где происходит лишь, скажем так, «техническое» выявление компетенции суда, осуществляемое посредством сопоставления квалификации конкретного деяния с требованиями ст. 31 УПК РФ (заметим, что определение территориальной подсудно-

сти уголовного дела, в отличие от подсудности предметной, представленной исчерпывающим перечнем составов преступлений, отнесенных законом к компетенции суда конкретного звена судебной системы, в ряде случаев является более сложной задачей, так как обусловлено необходимостью выбора из установленных законом альтернатив (ч. 3–5 ст. 32 УПК РФ).

Также формально-методический характер носит деятельность суда, связанная с установлением факта вручения подсудимому копии обвинительного заключения или обвинительного акта.

В равной степени очевидно отсутствие тактической составляющей в действиях суда, устанавливающего факт разъяснения обвиняемому его прав, предусмотренных ч. 5 ст. 217 УПК РФ при ознакомлении с материалами уголовного дела или, например, не может являться тактическим выявление факта утверждения обвинительного заключения прокурором при проверке данного процессуального акта с целью оценки наличия или отсутствия оснований для возвращения дела прокурору.

Формально-методическими будут являться и решения суда о прекращении уголовного дела в рамках предварительного слушания по подавляющему большинству оснований, указанных в ст. 24 УПК РФ: истечение сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), смерть обвиняемого (кроме случаев, когда производство по делу необходимо для его реабилитации, – п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), отсутствие заявления потерпевшего в случае необходимости возбуждения дела лишь при наличии такового (п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ); выявление факта устранения преступности и наказуемости деяния новым уголовным законом (ч. 2 ст. 24 УПК РФ); амнистия (п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ); наличие в от-

ношении обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо наличие определения суда о прекращении уголовного дела по тому же обвинению (ч. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ); отказ прокурора от обвинения в порядке ч. 7 ст. 246 УПК РФ.

Не будет тактическим и решение суда о приостановлении уголовного дела, например, в случае, когда место нахождения обвиняемого известно, но реальная возможность его участия в судебном разбирательстве отсутствует (ч. 4 ст. 238 УПК РФ).

В равной степени выделение уголовных дел в отдельное производство, обусловленное как особенностями личности обвиняемого, так и спецификой осуществляемой судебной процедуры, служащее в конечном итоге целям оперативности и оптимизации процесса уголовного судопроизводства, преимущественно сводится лишь к техническому выявлению и формальной констатации соответствующих фактов, дающих основание для принятия соответствующего решения (ст. 154 УПК РФ): несовершеннолетний возраст обвиняемого соучастника преступления, невменяемость субъекта преступления, отказ от рассмотрения дела судом присяжных одним из соучастников при наличии соответствующих ходатайств других соучастников преступления, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве.

В отдельных случаях формальный подход суда прямо обусловлен требованиями закона: например, при рассмотрении ходатайства об исключении доказательства в случае отсутствия возражений другой стороны суд обязан удовлетворить данное ходатайство (ч. 5 ст. 234 УПК РФ).

Но вместе с тем в рамках данной стадии судом принимается значительное

количество решений, постановление которых требует серьезной оценочной деятельности; выбора из нескольких возможных альтернатив, осуществляемого в условиях определенного гносеологического воспрепятствования.

Например, разрешение судом вопроса об избрании так называемой «строгой» меры пресечения (заключения под стражу), ее изменении, отмене, продлении срока действия неизбежно сопряжено с необходимостью установления целого комплекса обстоятельств: обоснованности подозрений в причастности конкретного лица к совершению преступления, наличия или отсутствия регламентированных ст. 97 УПК РФ оснований для применения меры пресечения, учета обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого (подозреваемого) в соответствии со ст. 99 УПК РФ, аргументирования возможности либо невозможности применения более мягкой меры пресечения, при необходимости обоснования исключительности случая избрания заключения под стражу.

Таким образом, степень судейского усмотрения при анализе всех значимых обстоятельств весьма велика.

При этом разрешение данного вопроса осуществляется в условиях состязательности, ибо производится в судебном заседании с участием сторон, высказывающих далеко не одинаковые мнения по различным аспектам избрания меры пресечения, образуя таким образом нуждающиеся в разрешении гносеологические дилеммы, в которых одно суждение будет верным, другое нет, что предопределяет неизбежное воспрепятствование процессу целесообразного выбора суда при избрании меры пресечения.

Соответственно, по своей природе судебное решение будет тактическим. Однако о какого рода тактике в данном случае возможно вести речь?

Следует обратиться к целеполаганию деятельности, связанной с избранием меры пресечения. К таковому целесообразно отнести: а) необходимость обеспечения надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого; б) обеспечение возможности осуществления уголовного судопроизводства; в) защиту прав и свобод граждан; г) обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением; д) охрану безопасности общества от преступных посягательств.

Мера пресечения – это *прогноз о потенциально возможном ненадлежащем поведении* обвиняемого, подозреваемого (хотя и прогноз, который должен базироваться на реальной документальной фактологической базе (к сожалению, далеко не всегда имеющей место на практике), но все-таки именно прогноз о поведении, препятствующем реализации назначения уголовного судопроизводства и деятельности суда.

Однако концептуальная особенность судебной тактики заключается в том, что суд не может и не должен преодолевать потенциальное противодействие реализации его интересов, иначе он неминуемо будет необъективен в дальнейшем исследовании.

Исключительно при наличии не предполагаемых, а реальных помех в познании достоверных обстоятельств преступления, препятствий для реализации цели защиты прав и законных интересов граждан, действительном, а не предполагаемом противодействии осуществлению уголовного судопроизводства в различных формах суд вправе принимать тактические решения и осуществлять тактические действия.

Таким образом, *тактическое по своей природе решение об избрании меры пресечения не имеет гносеологической познавательной направленности, а носит исключительно организационный характер,*

создавая лишь предпосылки для осуществления уголовно-процессуального познания в дальнейшем. Соответственно, в данном случае уместно говорить лишь **о тактике организации функционирования уголовного судопроизводства, но никак не о тактике познания.**

Потому, мотивируя решение об избрании меры пресечения, суд не может аргументировать свои доводы основаниями, отсутствующими в ходатайстве следователя, поскольку иное будет свидетельствовать об обвинительном уклоне судебной деятельности.

Апелляционным постановлением Хабаровского краевого суда от 23 ноября 2015 г. отменено постановление Индустриального районного суда г. Хабаровска от 13 ноября 2015 г. об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, и избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. Принимая новое решение об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении В. под стражу, апелляционная инстанция отметила, что суд первой инстанции вышел за пределы своих полномочий и предмета судебного рассмотрения, указав, что В., находясь на свободе, может продолжить заниматься преступной деятельностью и оказать давление на свидетелей, поскольку в ходатайстве следователя таких оснований не содержалось⁴.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и при осуществлении судом деятельности, связанной с оценкой либо применением непосредственно судом мер, обеспечивающих исполнение наказания в виде штрафа, гражданского иска и возможной конфискации имущества.

Установление факта принятия следователем данных мер, оценка целесообраз-

ности такового или же применение данных мер судом сопряжено с необходимостью достоверного установления ряда сопутствующих обстоятельств, промежуточных фактов, без которых невозможно принятие обоснованного решения: сведений о наличии вреда, размере материального ущерба, факте предъявления гражданского иска о возмещении вреда либо возможности предъявления такового; сведений, дающих основания полагать, что имущество обвиняемого получено в результате преступных действий, наличие у лица определенного имущества и его стоимости.

При этом, если установление одних фактов носит технический формальный характер (например, установление факта предъявления гражданского иска), определение других сведений часто более проблематично. Так, важнейшее значение имеет размер имущественного вреда, поскольку обеспечительные меры должны быть соразмерны нанесенному преступлением ущербу. Но не всегда потерпевший может документально подтвердить размер похищенного имущества, и в отдельных случаях характер и размер ущерба устанавливается со слов потерпевшего, что влечет затруднения при оценке достоверности данного факта.

Приведем своеобразный случай, имевший место в одном из ОВД г. Воронежа.

По уголовному делу, возбужденному по факту квартирной кражи, хозяином квартиры было заявлено, что были украдены личные вещи членов его семьи – шубы и сапоги супруги и ребенка, предметы бытовой техники, а также денежные средства в сумме 5 тысяч долларов США. Данное лицо было признано потерпевшим, характер и размер имущественного ущерба зафиксирован в материалах уголовного дела.

В дальнейшем путем производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий удалось задержать лицо, при-

знавшее себя виновным в совершении данной кражи. Однако, характеризуя похищенное имущество, обвиняемый категорически отрицал свою причастность к хищению денежных средств в сумме 5 тысяч долларов. Он возмущенно заявлял, что из квартиры, действительно, им были похищены предметы бытовой техники, личные вещи хозяев квартиры (которые впоследствии были возвращены потерпевшему), однако денежных средств он не брал. При этом обвиняемый достаточно логично мотивировал свое поведение, отмечая, что если бы он нашел столь крупную сумму денег, то он бы взял только денежные средства и не стал похищать вещи и технику, поскольку вынос достаточно габаритных вещей из квартиры сопряжен с возможностью значительного риска быть замеченным соседями потерпевшего.

В связи с этим имелись существенные противоречия в показаниях потерпевшего и обвиняемого в части размера имущественного вреда, причиненного преступлением. Данное обстоятельство явилось основанием для назначения следователем очной ставки, о производстве которой весьма активно ходатайствовал возмущенный обвиняемый. Но потерпевший начал всячески уклоняться от явки для производства данного следственного действия по причине болезни, затем командировки, после чего позвонил следователю и заявил, что ошибся, так как обнаружил денежные средства в своем кейсе завалившимися за подкладку, что препятствовало их обнаружению потерпевшим ранее.

Таким образом, порой имеет место воспрепятствование установлению достоверного характера значимых для принятия решения обстоятельств даже с такой неожиданной стороны, предопределяя наличие в действиях субъекта доказывания тактической составляющей.

Целью же принятия подобных решений является необходимость защиты имущественных прав граждан, а также го-

сударства. Субъектом доказывания, как и при решении вопроса о применении мер пресечения, осуществляется не что иное, как *прогнозирование поведения лиц*, в отношении которых накладываются ограничения на права владения, пользования и распоряжения их имуществом.

Преодолевать же *потенциальное* противодействие реализации интересов и целей суда, как говорилось ранее, судья не вправе.

Потому и данная деятельность будет носить не тактико-гносеологический, а исключительно тактико-организационный характер.

Имеет свою специфику и разрешение судом на данной стадии уголовного процесса самых разных ходатайств, поступающих суду: о рассмотрении дела судом в определенном составе – коллегией из трех профессиональных судей, судом с участием присяжных заседателей; ходатайств, направленных на оптимизацию организации процесса доказывания в рамках судебного разбирательства – о включении в список лиц, вызываемых в судебное заседание, новых свидетелей, экспертов и специалистов, об истребовании дополнительных доказательств или предметов, имеющих значение для уголовного дела (ч. 7 ст. 234 УПК РФ); ходатайств, направленных на устранение гносеологических и процессуальных препятствий для рассмотрения дела судом – о предоставлении времени для ознакомления с материалами уголовного дела (ч. 6 ст. 236 УПК РФ) и т. д.

Исследование доказательств в стадии подготовки дела должно быть подчинено лишь цели обнаружения и устранения препятствий для рассмотрения дела в будущем судебном разбирательстве; проводить исследование необходимо в таких границах, чтобы оно не побуждало судью формировать предварительный вывод по существу дела⁵.

Оценивая ходатайство соответствующей стороны и принимая соответствующее решение, суд не выходит за рамки своих функций, а выполняет сугубо тактико-организационную деятельность.

О. Я. Баев справедливо отмечает, что если суд удовлетворяет то или иное обоснованное ходатайство, это не означает, что он поддерживает сторону, его заявившую, он лишь в соответствии с законом создает необходимые процессуальные условия для исполнения стороной ее процессуальных обязанностей⁶.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» отмечается, что судом могут быть удовлетворены лишь обоснованные ходатайства, которые не требуют проверки (например, о рассмотрении уголовного дела коллегией из трех судей, о допуске к участию в деле защитника, о вызове в суд дополнительных свидетелей, об истребовании документов, о применении мер безопасности)⁷.

Достаточно распространенным основанием для проведения предварительного слушания является **ходатайство стороны об исключении доказательств**. Анализ судебной практики показывает, что основания для заявления ходатайств прежде всего касаются свойства **допустимости** полученных следователем доказательств. Вопросы относимости и достоверности доказательств, несмотря на отсутствие прямого указания в законе на невозможность подобной оценки, не подлежат исследованию в рамках предварительного слушания. Судом анализируются дефекты формы, но не содержания, поскольку в рамках предварительного слушания не производится исследование доказательств по существу. Вместе с тем зачастую невозможно оценить даже до-

пустимость доказательства без анализа доказательства в совокупности с другими доказательствами по делу, потому достаточно часто суды отказывают в удовлетворении ходатайств об исключении доказательств по мотиву преждевременности их заявления, указывая на необходимость исследования доказательств в судебном заседании.

По данным исследователей, на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд либо частично удовлетворяет данные ходатайства (14,4 %), либо значительно чаще (85,6 %) отказывает в их удовлетворении⁸.

Отказ суда в удовлетворении ходатайств об исключении доказательств на предварительном слушании по своей сути – решение организационно-тактическое, ибо в его основе лежит цель надлежащей организации уголовного процесса, позволяющей обеспечить полноту и достоверность исследования доказательств. Наличие же ходатайства об исключении доказательства – своего рода гносеологическое препятствие для реализации данной цели.

Организационно-тактический характер имеет и деятельность, связанная с соединением уголовных дел в одно производство, осуществляемому: 1) в отношении нескольких лиц, совершивших одно или несколько преступлений в соучастии; 2) в отношении одного лица, совершившего несколько преступлений; 3) в отношении лица, обвиняемого в заранее не обещанном укрывательстве преступлений, расследуемых по этим уголовным делам.

В рамках этой деятельности суд должен оценить вероятность негативного влияния раздельного рассмотрения дел на полноту судебного следствия, определить возможность установления взаимноисключающих доказательств при раздельном рассмотрении уголовных дел,

установить возможность потенциального ускорения рассмотрения дела.

Таким образом, отдельные решения суда на стадии подготовки дела к судебному заседанию являются сугубо методическими, другие же имеют тактическую природу.

Однако тактика суда на данной стадии имеет свою специфику: в основе принятия решения лежит не гносеологическая познавательная составляющая, направленная на установление достоверного характера исследуемого события, а исключительно организационная. Тактические решения суда в рамках подготовки дела к судебному заседанию лишь создают гносеологические предпосылки для исследования доказательств по существу в стадии судебного разбирательства с целью установления достоверных обстоятельств исследуемого криминального события.

И лишь на стадии судебного разбирательства уголовных дел тактика судебной деятельности находит свою реализацию в полном объеме и имеет как организационно-управленческую, так и познавательно-гносеологическую направленность. Только на этой стадии находят свое воплощение и стратегические, и промежуточные цели судебной деятельности. Именно в рамках судебного разбирательства суд осуществляет уголовно-процессуальную деятельность в полной мере, проводя судебные действия следственного характера и принимая процессуальные решения.

Прежде всего, данная деятельность суда будет являться организационно-управленческой. Безусловно, главенствующим в уголовном процессе является принцип состязательности, обуславливающий активную деятельность сторон, но состязаются стороны *перед судом* – главным субъектом познавательной деятель-

ности, наделенным правом инициирования подавляющего большинства судебных действий следственного характера и иными полномочиями, позволяющими в случае необходимости при наличии реальных гносеологических препятствий для процесса познания устранять их, направляя движение дела в определенное русло. Именно суд является субъектом, в конечном итоге принимающим окончательное судебное решение, обязательное для исполнения.

Управление далеко не всегда предопределяется необходимостью совершения большого количества активных действий, истинное управление незримо и находит свое выражение в принятии важнейших решений, влияющих на движение уголовного дела и в конечном итоге определяющих его судьбу.

В данном случае хочется провести, конечно, достаточно умозрительную, но тем не менее аналогию судебного процесса с человеческой жизнью и (применительно к характеристике процесса управления) привести небольшой отрывок из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в котором поэт И. Бездомный, редактор М. Берлиоз и иностранец беседуют о Боге.

«Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели Бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядом на земле?»

– Сам человек и управляет, – поспешил сердито ответить Бездомный на этот, признаться, не очень ясный вопрос.

– Виноват, – мягко отозвался неизвестный, – для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну,

лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день? И, в самом деле, – тут неизвестный повернулся к Берлиозу, – вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими и собою, вообще, так сказать, входить во вкус, и вдруг у вас... саркома легкого... и вот ваше управление закончилось! Ничья судьба, кроме своей собственной, вас более не интересует. Родные вам начинают лгать, вы, чуя неладное, бросаетесь к ученым врачам, затем к шарлатанам, а бывает, и к гадалкам. Как первое и второе, так и третье – совершенно бессмысленно, вы сами понимаете... А бывает и еще хуже: только что человек соберется съездить в Кисловодск, – тут иностранец прищурился на Берлиоза, – пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, потому что неизвестно почему вдруг возьмет – поскользнется и попадет под трамвай! Неужели вы скажете, что это он сам собою управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой?»⁹

Безусловно, управляет тот, кто принимает судьбоносные решения, а в рамках уголовного судопроизводства, несмотря на всю активность сторон, таким субъектом является только суд. Считаем неверными утверждения ученых об отсутствии у суда необходимости осуществлять планирование судебного разбирательства в свете принципа состязательности.

Мы солидарны с А. Ю. Корчагиным, отмечавшим, что задачи планирования судебного следствия решаются сторонами и судом последовательно в ходе судебного разбирательства, а содержание указанных задач зависит от характера уголовного дела, криминалистической сложности расследования, судебных ситуаций начального этапа судебного разбирательства, хода судебного следствия. Судом планируется тактика производства отдельных судебных действий, намеча-

ются вопросы судебным экспертам. Особое значение уделяется планированию допросов подсудимого, потерпевшего, свидетелей-очевидцев¹⁰.

Безусловно, план – это изначально по своей сути сложная динамическая система, которая, скорее всего, весьма часто будет претерпевать изменения в процессе судебного разбирательства, однако убеждены, что, во-первых, изучая материалы дела на стадии подготовки к судебному заседанию, суд не может не пытаться оценить и распланировать (пусть даже мысленно) ход предстоящего судебного заседания; во-вторых, представляется очевидной необходимость планирования судом предстоящего судебного действия при наличии в материалах дела соответствующего ходатайства стороны (особенно если производство судебного действия представляет собой определенную сложность и требует значительных организационных и технических усилий – например, судебный эксперимент).

Основная специфика тактики суда на стадии судебного разбирательства и ее главное сущностное отличие от тактики обвинения или тактики защиты от уголовного преследования заключаются в том, что тактическая деятельность суда в наивысшей степени ситуативна. В силу закона суд нейтрален, независим, объективен и беспристрастен, он не может выступать на стороне обвинения или защиты (ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ). Потому ***суд не вправе проводить какую-либо четко выраженную линию поведения, ибо она в любом случае будет являться тенденциозной. Судья лишен возможности формировать какую-либо позицию по делу до ухода в совещательную комнату.***

Вся тактическая деятельность суда носит исключительно ситуационный характер и обусловлена необходимостью поиска алгоритма разрешения значи-

тельного спектра сложных судебных ситуаций в условиях гносеологического воспрепятствования установлению достоверных обстоятельств исследуемого события, неизбежно имеющего место при наличии различных интерпретаций сторонами одних и тех же фактов и явлений.

Основные **стратегические принципы тактики суда** в современном уголовном процессе, на наш взгляд, таковы.

1. Обусловленность производства процессуальных действий и принятия тактических решений исключительно необходимостью установления достоверных обстоятельств исследуемого события (познанием объективной истины).

2. Нейтралитет по отношению к сторонам защиты и обвинения в процессе исследования доказательств.

3. Отсутствие конкретно определенной тактической линии поведения, какой-либо сформированной тактической позиции в отношении фактов и обстоятельств, подлежащих анализу.

4. Исключительно ситуативный характер тактической деятельности суда.

5. Производный характер тактики суда от тактики обвинения и от тактики защиты.

6. Невозможность преодоления судом потенциального воспрепятствования реализации целеполагания судебной деятельности.

7. Опосредованность тактической деятельности суда потребностью устранения противоречий в доказательствах, представляемых сторонами обвинения и защиты.

8. Критичное отношение к версиям участников процесса – залог объективности суда.

Чем более качественной является тактическая деятельность государственного обвинителя и адвоката-защитника, тем меньше необходимости в тактике суда, и наоборот.

Соответственно, применительно к стадии судебного разбирательства нам видится наиболее перспективным направлением разработка тактических рекомендаций суду в части специфики принятия процессуальных решений в различных судебных ситуациях, ибо, на наш взгляд, именно **тактика принятия судом процессуальных решений** должна являться главной сферой рекомендаций, оптимизирующих криминалистическую тактику судебной уголовно-процессуальной деятельности.

¹ См.: Баев О. Я. Понятие криминалистической тактики, ее научные основы и система // Избранные работы : в 2 т. Воронеж, 2011. Т. 1. С. 276.

² См.: Там же.

³ См.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. СПб., 2005.

⁴ См.: Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей : утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 18 января 2017 г. URL: [http://www/vsrfg.ru](http://www.vsrfg.ru)

⁵ См.: Таракин Д. А. Актуальные проблемы уголовно-процессуального законодательства применительно к стадии подготовки дела к судебному разбирательству // Молодой ученый. 2014. № 2. С. 606–611. URL: <https://moluch.ru/archive/61/9001/>

⁶ См.: Баев О. Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений : проблемы качества права и правоприменения // Избранные работы : в 2 т. Воронеж, 2011. Т. 1. С. 586.

⁷ См.: О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1693701/>

⁸ См.: *Воронин С. Э., Луцкая Н. Ю.* Предварительное слушание в уголовном судопроизводстве : проблемы и перспективы решения. Барнаул, 2010.

⁹ *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита. М., 1984. URL: <https://masterimargo.ru/book-1.html>

¹⁰ См.: *Корчагин А. Ю.* Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008.

*Центральный филиал Российского
государственного университета правосудия*

Комбарова Е. Л., кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики

E-mail: kombarova.elena.80@mail.ru
Тел.: 8-950-768-77-80

*Central Branch of the Russian State University
of Justice*

Kombarova E. L., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Judicial Examination and Criminalistics

E-mail: kombarova.elena.80@mail.ru
Tel.: 8-950-768-77-80

Л. Б. Краснова

Воронежский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

А н н о т а ц и я: статья посвящена рассмотрению особенностей криминалистической характеристики мошенничества в сфере компьютерной информации, выделены ее основные элементы, дана их краткая характеристика.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мошенничество в сфере компьютерной информации, криминалистическая характеристика, информационные технологии, расследование.

FEATURES OF CRIMINALISTICS CHARACTERISTICS OF FRAUD IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION

A b s t r a c t: the article is devoted to consider the features of criminalistics characteristics of fraud in the sphere of computer information, highlighted its main elements, given their brief description.

Key words: fraud in the sphere of computer information, criminalistics characteristics, information technology, investigation.

Поступила в редакцию 1 декабря 2019 г.

На данный момент понятие криминалистической характеристики преступлений является уже устоявшейся категорией и может рассматриваться как совокупность существенных и устойчивых качественных признаков группы преступлений, обуславливающая определенные закономерности их раскрытия и расследования. Данный подход позволяет отказаться от требований ее единой структуры и содержания, так как для различных видов и групп преступлений оказывается существенной одна совокупность качественных признаков, а для других другая¹.

В 2012 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен нормой, предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации.

Для рассмотрения элементов криминалистической характеристики данного вида мошенничества необходимо вначале обозначить особенности этой категории преступлений, которые, на наш взгляд, влияют на состав криминалистической характеристики мошенничества в сфере компьютерной информации:

1) по смыслу статьи 159.6 УК РФ это вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) – ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-теле-

© Краснова Л. Б., 2019

коммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него². Таким образом, преступление, предусмотренное данной нормой, совершается не путем обмана или злоупотребления доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим, а путем воздействия на компьютерную информацию. Следовательно, преступная деятельность в значительной степени носит бездокументарный в традиционном понимании характер, что порождает использование понятия «виртуальный след»;

2) мошенничество в сфере компьютерной информации осуществляется путем удаленного доступа преступника к объектам компьютерных систем потерпевшего с использованием информационно-коммуникационных сетей, в том числе Интернета. В связи с этим поиск относимой к делу цифровой информации должен осуществляться как на электронных устройствах подозреваемого или обвиняемого, так и на других связанных с ними электронных устройствах, хранящих информацию. При этом для работы с Интернетом используются не только компьютеры, но и иные устройства (смартфоны, планшеты и т. д.), также имеющие свои особенности функционирования. При этом вся эта электронная техника обладает способностью хранить значительный объем цифровой информации;

3) существующее на данный момент многообразие компьютерных программ и электронных устройств исключает формулирование конкретных рекомендаций по поиску и фиксации цифровой инфор-

мации. Мы согласны с А. Л. Осипенко в том, что при осуществлении этих действий «применение конкретных рекомендаций по сохранению компьютерной информации довольно проблематично, поскольку каждая ситуация по-своему уникальна и действия, в большинстве случаев вполне приемлемые, в определенных ситуациях способны нанести непоправимый ущерб имеющимся данным. В связи с этим лицо, имеющее первоначальный доступ к обследуемому компьютеру, должно не только иметь соответствующую квалификацию, но и в достаточной степени осознавать суть основных процессов, происходящих в вычислительной системе. Предъявление подобного требования к следователю представляется чрезмерным даже при условии его предварительной специальной подготовки»³;

4) доступность и легкость использования Интернета, дающая возможность в большинстве случаев лицу, разместившему информацию, достаточно быстро ее удалить или изменить. Кроме того, большая часть сайтов в Интернете имеет динамическую структуру. Это означает, что их содержимое представляет собой информацию, взятую из различных источников, которая собирается, обрабатывается и представляется пользователю в удобном для него виде специальными программами-агрегаторами или онлайн-сервисами в режиме реального времени. То есть при просмотре одной и той же страницы Интернета в разные моменты времени пользователь может видеть различную информацию;

5) совершение мошенничества в сфере компьютерной информации происходит с использованием информационных технологий, представляющих собой процессы, состоящие из четко регламентированных правил выполнения операций, действий, этапов разной степени сложности над данными, хранящимися в компьютерах,

что создает возможность криминалистического исследования всего технологического процесса воздействия на электронную информацию с целью установления лица, совершившего воздействие на информацию.

Учитывая эти особенности, мы считаем, что для криминалистической характеристики мошенничества в сфере компьютерной информации наиболее существенными и специфическими именно для этого вида преступлений являются следующие ее элементы:

- 1) способ совершения преступлений;
- 2) механизм слепообразования;
- 3) личность преступника.

Следует отметить, что все элементы мошенничества в сфере компьютерной информации оказывают взаимное воздействие друг на друга. Например, профессиональная квалификация субъектов мошенничества обуславливает выбор способа его совершения, а также орудий и средств, используемых в этих целях. То есть чем выше квалификация субъектов преступной деятельности, тем более эффективные приемы и средства применяются в ходе ее совершения.

Кроме того, в большинстве случаев подготовка и совершение данного вида преступлений требуют решения вопросов: а) касающихся способов преодоления парольной, а также иной программной или технической защиты информации, ведения бухгалтерского учета, осуществления банковских операций и др., б) подыскания объекта посягательства и сбора сведений о нем, что влияет на выбор способа совершения мошенничества.

Далее рассмотрим составляющие криминалистической характеристики мошенничества в сфере компьютерной информации более подробно.

Как уже было сказано ранее, рассматриваемый вид мошенничества представляет собой прежде всего воздействие на

компьютерную информацию и может происходить в процессе:

1) изменения или удаления имеющихся на электронном устройстве данных как путем ручного исправления, так и посредством использования вредоносных программ, содержащих необходимый алгоритм.

Наиболее типичным и распространенным способом совершения мошенничества в сфере компьютерной информации является хищение денежных средств с лицевых счетов абонентов сотовой связи или клиентов банков.

На подготовительном этапе данного способа преступления преступники получают доступ к конфиденциальной информации абонента мобильной связи или клиента банка. Работники салонов сотовой связи, банковские служащие, имеющие доступ к сведениям об абонентах операторов сотовой связи, вкладчиках банков, используют их для осуществления финансовых корректировок на лицевых счетах абонентов или вкладчиков, производя операции по изменению баланса на счетах, как на своих абонентских номерах, так и на счетах других абонентов.

На заключительном этапе данного преступления путем отправки команд со своих мобильных устройств осуществляется перевод денежных средств в безналичной форме с банковской карты на лицевые счета абонентских номеров преступников. В последующем преступники получают возможность распоряжаться этими денежными средствами по своему усмотрению, например, обратившись к оператору сотовой связи с заявлением о расторжении договора на оказание услуг связи и возврате оставшейся на лицевом счету его абонентского номера денежной суммы.

«Так, С., находясь по адресу своего проживания, посредством сети Интернет подала онлайн-заявку на получение кредита в ПАО КБ "...". В тот же день ей

на телефон позвонили сотрудники ПАО КБ "...", и сообщили, что заявка на кредит предварительно одобрена, после чего предложили С. проследовать в отделение Банка, где она смогла бы оформить указанный кредит. С. проследовала в указанный офис, где ее встретила кредитный специалист ПАО КБ "...", Сивиркина М. С., которая вошла в программу автоматизированный программный комплекс "Кредит", где ввела в АПК "Кредит" информацию по заявке клиента Банка С. на получение кредита. После чего С. покинула отделение ПАО КБ "...", и, получив позднее смс-уведомление от ПАО КБ "...", о том, что интересующие ее условия кредитования не одобрены Банком, не согласилась с новыми условиями кредитования, предложенными ей ПАО КБ "...", о чем в телефонном режиме сообщила Сивиркиной М. С. и отказалась от своей кредитной заявки.

Однако Сивиркина М. С., находясь на рабочем месте, вошла в программу АПК "Кредит" банка ПАО КБ и ввела информацию, согласно которой С. согласилась с условием банка о получении кредита. Далее Сивиркина М. С. сформировала и ввела в АПК "Кредит" информацию об изменении условий заявки клиента Банка С. для перевода денежных средств, находящихся в собственности ПАО КБ "...", на лицевой счет кредитной карты №... ПАО КБ "...", который в программном продукте Банка Сивиркина М. С. привязала к персональным данным С., несмотря на то, что последняя отказалась от получения банковской карты, и в дальнейшем использовала данную кредитную карту, зная код доступа к ней, для обналичивания денежных средств, которые использовала по своему усмотрению⁴.

При использовании вредоносных программ на подготовительном этапе совершения мошенничества в сфере компьютерной информации происходит создание

вредоносной программы, которая, например, способна без уведомления пользователя мобильного телефона, работающего на операционной системе Android, осуществлять перехват входящих и исходящих смс-сообщений, блокировать входящие смс-сообщения, удалять исходящие смс-сообщения с целью получения доступа к потенциальным возможностям, предоставленным банком и компаниями сотовой связи, а также к данным абонента (в том числе наличие денежных средств на балансе карты), на мобильный телефон которого установлена указанная программа;

2) вмешательства в работу компьютерной или периферийной техники с целью ограничения или прекращения доступа законного пользователя или группы пользователей к информации.

Чаще всего при этом способе совершения мошенничества в сфере компьютерной информации используются вредоносные программы, которые активируются при запуске средства компьютерной техники и не позволяют пользователю загрузить операционную систему. Например, «вредоносная программа Trojan-Ransom.Win32.Rector используется мошенниками для несанкционированной модификации данных на компьютере-жертве таким образом, чтобы сделать невозможным работу с ними либо блокировать нормальную работу компьютера. После того как данные заблокированы, пользователю выдвигается требование выкупа. Озвученную в требовании сумму жертва должна передать злоумышленнику, после чего злоумышленник обещает выслать программу для восстановления данных или восстановления работоспособности компьютера»⁵. «Объединяет все подобные вирусы схожее требование – для разблокирования компьютера или расшифровки файлов пользователю предлагают перевести деньги, как правило, в сумме от 300 до 1500 рублей на

указанный номер электронного кошелька или пополнить счет сотового телефона. В некоторых случаях пользователю предлагают отправить смс-сообщение на короткий номер»⁶.

На заключительном этапе происходит списание средств с банковского счета или абонентского счета пользователя мобильной связи.

Другим элементом криминалистической характеристики мошенничества в сфере компьютерной информации является личность преступника. Еще Р. С. Белкин часто говорил о том, что типичная информация о личности преступника имеет основополагающее криминалистическое значение⁷.

Как уже было отмечено ранее, основной чертой мошенничества в сфере компьютерной информации является наличие в распоряжении субъекта преступной деятельности технических средств, которые обязательно используются при совершении преступления и технические характеристики которых как влияют на выбор субъектом преступной деятельности способа совершения мошенничества в сфере компьютерной информации, так и напрямую зависят от квалификации лица, его реализующего.

Следовательно, всех субъектов такой преступной деятельности можно разделить в зависимости от уровня знания, владения и умения пользоваться программным обеспечением и технически устройствами на две группы:

1) профессиональные субъекты преступной деятельности, имеющие соответствующее техническое образование и работающие с уже реализованными программами или самостоятельно создающие уникальные программы;

2) непрофессиональные субъекты преступной деятельности, не имеющие специального образования.

По наличию прав доступа субъектов к информации и (или) компонентам информационной системы всех преступников, совершающих мошенничество в сфере компьютерной информации, можно разделить на два типа: внутренние и внешние.

«К внутренним правонарушителям относятся лица, имеющие право постоянного или разового доступа к информационной системе, ее отдельным компонентам и соответственно содержащейся в них компьютерной информации. Данный тип правонарушителей обладает наибольшими возможностями по реализации своих преступных умыслов. Возможности внутреннего правонарушителя существенным образом зависят от установленного порядка допуска физических лиц к компьютерной информации, информационной системе и ее компонентам, а также мер по контролю за доступом и работой этих лиц.

К внешним правонарушителям относятся лица, не имеющие права доступа к информационной системе, ее отдельным компонентам и содержащейся в них информации, которые реализуют свои преступные умыслы из-за границ информационной системы»⁸.

Относительно механизма следообразования хотелось бы отметить, что при совершении мошенничества в сфере компьютерной информации в качестве следообразующего объекта выступает некоторая совокупность команд, которая может быть как результатом действия пользователя, естественно, с применением различных электронных устройств, так и действиями программного обеспечения этих устройств, заложенными в него в соответствии с алгоритмами его функционирования без участия пользователя. Результатом этого воздействия будут изменения состояния автоматизированной системы, которые могут выражаться в

виде различных сбоях в работе системы, а также в отсутствии, модификации или появлении новой информации.

Поэтому виртуальная следовая картина мошенничества в сфере компьютерной информации представляет собой изменение состояния автоматизированной информационной системы, вызванное системой команд, связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации на электронном носителе.

Мы считаем, что существенным для криминалистических целей будет деление таких следов на первичные и вторичные.

Под первичными следами понимаются следы, образующиеся непосредственно при воздействии на предмет посягательства – компьютерную информацию. Это

может быть модификация, удаление или копирование данных или программ. Под вторичными следами понимаются следы, образующиеся не на предмете посягательства, а на других, не являющихся предметами посягательства объектах вследствие этого воздействия. Принципиальное различие этих групп следов состоит в механизме следообразования, точнее, в следообразующем объекте. Первичные следы являются следствием непосредственного воздействия пользователя с использованием какой-либо информационной технологии, а вторичные являются следствием воздействия технологических процессов без участия человека и вне его желания. К вторичным следам относятся изменения файловых характеристик при изменении содержимого данного файла.

¹ См.: *Быков В. М.* Проблемы расследования групповых преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 58 с.

² См.: О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Рос. газета. № 280. 2017. 11 дек.

³ *Осипенко А. Л.* Особенности расследования сетевых компьютерных преступлений // Российский юридический журнал. 2010. № 2. С. 121–126.

⁴ ГАС Правосудие. Уголовное дело № 1-23/2018 (1-782/2017). URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 15.09.2018).

⁵ Kaspersky Lab. URL: <https://support.kaspersky.ru/viruses/disinfection/4264> (дата обращения: 24.05.2018).

⁶ *Шапошников А. Ю.* Криминалистический и уголовно-правовой анализ мошенничеств, совершаемых с использованием компьютерных вирусов // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 302–306.

⁷ См.: *Белкин Р. С.* Проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1988. 178 с.

⁸ *Сафронкина О. В.* Особенности характеристики личности преступников, совершающих мошенничества в сфере компьютерной информации // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий : проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. Воронеж, 2017. № 1. С. 104–109.

Воронежский государственный университет

Краснова Л. Б., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: krasnovva@mail.ru

Tel.: 8 (473) 255-84-91

Voronezh State University

Krasnova L. B., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: krasnovva@mail.ru

Tel.: 8 (473) 255-84-91

В. А. Передерий, А. Н. Голодный

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

АНАЛИЗ РЯДА АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ НОРМ ПРАВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ФАКТАМ НЕВЫПЛАТЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

А н н о т а ц и я: в данной статье рассматриваются проблемные вопросы, с которыми сталкиваются органы предварительного следствия в ходе расследования преступлений по фактам невыплаты работникам заработной платы и иных обязательных выплат (ст. 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). Анализируется возможность принятия определенных процессуальных решений в наиболее сложных следственных ситуациях. Предлагается алгоритм действий следователя (проведение следственных и иных процессуальных действий) при проведении предварительного расследования по указанной категории преступлений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: невыплата заработной платы, уголовная ответственность, сложности в расследовании.

ANALYSIS OF A NUMBER OF TOPICAL ISSUES RELATED TO THE APPLICATION OF THE LAW IN THE INVESTIGATION OF CRIMES ON THE FACTS OF NON-PAYMENT OF WAGES

A b s t r a c t: in this article, the authors consider problematic issues faced by the preliminary investigation bodies in the course of investigation of crimes on facts of non-payment of wages and other mandatory payments to employees (Article 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The possibility of making certain procedural decisions in the most complex investigative situations is analyzed. The algorithm of actions of the investigator (carrying out of investigative and other procedural actions) is offered at carrying out of preliminary investigation on the specified category of crimes.

Key words: non-payment of wages, criminal responsibility, complexity in the investigation.

Поступила в редакцию 20 сентября 2018 г.

В последние годы очень остро стоит проблема борьбы с невыплатами работникам заработной платы и иных предусмотренных законодательством обязательных выплат.

Если обратиться к официальным статистическим сведениям, то на 1 января 2018 г. суммарная задолженность по зара-

ботной плате составила 2487 млн рублей, что на 636 млн рублей меньше по сравнению с 1 декабря 2017 г. Задолженность по заработной плате на 1 января 2018 г. имела перед 40 тыс. человек¹. Несмотря на определенное снижение указанной задолженности (на 20,4 % по сравнению с 01.12.2017), она все же является существенной.

© Передерий В. А., Голодный А. Н., 2019

Выступая 6 февраля 2018 г. на расширенном заседании коллегии Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России), глава ведомства А. И. Бастрыкин отметил, что одна из задач Следственного комитета – эффективное противодействие такому опасному, с социальной точки зрения, преступлению, как невыплата заработной платы. Он сообщил, что в 2017 г. в отношении руководителей предприятий – злостных неплательщиков заработной платы, возбуждено почти две с половиной тысячи уголовных дел (2444), что на 43 % больше, чем в 2016 г. (1713). В 2017 г. следователями Следственного комитета окончено производством почти на 700 дел больше, чем в 2016 г. (1815 уголовных дел, в 2016 г. – 1130). Он также отметил, что принятыми уголовно-правовыми мерами следователями СК России удалось возместить ущерб на сумму свыше трех с половиной миллиардов рублей².

Уголовная ответственность за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат предусмотрена ст. 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Включив указанную статью в главу 19 УК РФ (преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина), законодатель поручил предварительное следствие по указанным преступлениям органам СК России, что закреплено в подп. «а» п. 1 ч. 2 ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

В связи с этим хотелось бы рассмотреть ряд проблемных вопросов, с которыми сталкиваются органы предварительного следствия при расследовании данных уголовных дел, а также предложить пути их решения.

Так, имеют место факты, когда фирмы (организация, предприятие), которые

имеют задолженность перед работниками по заработной плате, исчезают (как правило, вместе с бухгалтерскими и иными документами), руководители данных фирм меняют место жительства (принимают меры к сокрытию своего места нахождения).

Считаем, что при такой ситуации необходимо:

– доследственную проверку (проверка в порядке ст. 144–145 УПК РФ) провести в максимально короткие сроки. В ходе осмотра места происшествия (офис фирмы, рабочие места сотрудников) изъять документы (электронные средства носителей информации), которые могут свидетельствовать о фактах невыплаты сотрудникам фирмы заработной платы. Полагаем, что изъятие документов и электронных средств носителей информации необходимо производить таким образом, чтобы это негативно не отразилось на работе самой фирмы и не повлекло причинение ей убытков (если фирма продолжает осуществлять свою коммерческую деятельность);

– после возбуждения уголовного дела принять незамедлительные меры по проведению выемок (обысков) по месту жительства руководителей (учредителей), главного бухгалтера данной организации (при необходимости иных лиц) с целью изъятия документации, свидетельствующей о факте трудовых отношений между работодателем и работником, а также невыплате работнику заработной платы, иных документов (прежде всего бухгалтерских), имеющих отношение к совершенному преступлению.

В ряде случаев руководители организаций умышленно создают ситуацию, при которой период работы сотрудника в организации становится менее двух месяцев. В связи с этим возникает вопрос: будут ли признаки состава преступле-

ния, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, когда работник отработал в организации менее двух месяцев, а затем эта организация ликвидировалась или работника фактически заставили (в том числе и путем обмана) перейти на работу в другую организацию (формальный переход, где он выполнял те же обязанности и функции, что и в предыдущей организации), которая также (например, через полтора месяца) была ликвидирована, и он снова был вынужден перейти на работу в другую организацию (по указанию предыдущего работодателя)? Заработная плата работнику ни в одной из этих организаций так и не была выплачена. Сразу отметим, что указанную «схему» работодатели применяют, рассчитывая уйти от уголовной ответственности за данное преступление (например, ч. 2 ст. 145.1 УК РФ предусматривает ответственность за полную невыплату заработной платы свыше двух месяцев).

Убеждены, что в данном случае имеет значение не срок, за который начисляется заработная плата (свыше двух месяцев), а срок невыплаты работнику заработной платы (свыше двух месяцев). Данный срок будет начинаться со дня после увольнения работника. То есть если по истечении двух месяцев с момента увольнения работнику не выплачена заработная плата, то наступает ответственность по ст. 145.1 УК РФ.

Считаем, что в данном случае ответственность по ст. 145.1 УК РФ должны нести все руководители указанных организаций (в то же время это может быть одно и то же лицо), из которых был уволен работник, так как в соответствии со ст. 140 Трудового кодекса Российской Федерации при прекращении трудового договора выплата всех сумм, причитающихся работнику от работодателя, производится в день увольнения работника.

Если работник в день увольнения не работал, то соответствующие суммы должны быть выплачены не позднее следующего дня после предъявления уволенным работником требования о расчете.

Возникают также вопросы, как правильно поступить, если установлено, что при наличии средств на расчетном счете организации деньги шли на погашение налогов и перечислений в пенсионный фонд, а затем (по остаточному принципу) на погашение заработной платы (средств на выплату зарплаты работникам не хватило).

Мы считаем, что состава преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, не будет, если установлено, что денежные средства шли на налоги, пенсионные страховые взносы, а также выплаты первой и второй очереди (выплата заработной платы является в соответствии с ч. 2 ст. 855 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) выплатой третьей очереди), а других денежных средств у организации не было (т. е. будет установлено, что какие-либо денежные средства на коммерческие или иные цели, помимо выплат 1–3-й очереди, не расходовались).

В связи с этим возникли обстоятельства, исключающие преступность деяния, так как в соответствии со ст. 39 УК РФ работодатель (руководитель организации) действовал в состоянии крайней необходимости.

В то же время полагаем, что в целях повышения эффективности защиты конституционного права граждан на получение вознаграждения за труд необходимо внести дополнения в ч. 2 ст. 855 ГК РФ, изменив очередность списания денежных средств, оставив в третьей очереди только списание денежных средств по платежным документам, предусматривающим перечисление или выдачу денежных средств для расчетов по оплате тру-

да с лицами, работающими по трудовому договору (контракту), в четвертую очередь – по поручениям налоговых органов на списание и перечисление задолженности и т. д., по очередности, предусмотренной ч. 2 ст. 855 ГК РФ³.

В ряде случаев у правоприменителей возникают также вопросы, как правильно поступить, если руководитель организации является иностранным гражданином и проживает за пределами Российской Федерации (приезжает периодически для того, чтобы принять кадровые решения, а все руководство осуществляет, находясь за границей), можно ли его объявить в международный розыск и задержать, а также что делать, если обвиняемый скрылся от следствия за пределами территории Российской Федерации.

В связи с этим необходимо указать, что согласно «Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола», утвержденной совместным приказом МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России и ФТС России от 6 октября 2006 г., обвиняемые, скрывшиеся от органов дознания, следствия и суда, объявляются в международный розыск при условии, что они обвиняются в совершении преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких.

Полагаем, что если речь идет о совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 или 2 ст. 145.1 УК РФ, – объявить в международный розыск (а значит, и задержать на территории иностранного государства) не представляется возможным. В то же время это реально, если предъявлено обвинение по ч. 3 ст. 145.1 УК РФ (но при условии, что в отношении скрывшегося обвиняемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, а также соблюдены требования, указанные в главах 52–53 УПК РФ).

Исправить данную ситуацию может, например, повышение размера санкции в виде лишения свободы за преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 145.1 УК РФ (в настоящее время они относятся к преступлениям небольшой тяжести), и отнесение их к преступлениям средней тяжести.

Следует отметить, что перечень имеющихся проблем, с которыми сталкивается следствие по указанной категории преступлений, рассмотренный в данной статье, не является исчерпывающим и нуждается в дальнейшем освещении. Надеемся, что приведенные в данной статье рекомендации будут способствовать принятию обоснованных решений в ходе расследования преступлений по фактам невыплаты заработной платы.

¹ См.: Сведения о просроченной задолженности по заработной плате на 01.01.2018 // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/8.htm (дата обращения: 30.08.2018).

² См.: Выступление Председателя СК России А. И. Бастрыкина // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1200855> (дата обращения: 09.09.2018).

³ См.: *Передерий В. А.* Необходимы дополнительные меры по защите трудовых прав граждан // Российский судья. 2017. № 12. С. 52–56.

*Московская академия Следственного
комитета Российской Федерации*

Передерий В. А., доцент кафедры
криминалистики первого факультета
повышения квалификации (с дислокацией
в городе Ростов-на-Дону) института
повышения квалификации, полковник юстиции

*E-mail: 9151149167@mail.ru
Тел.: 8-918-029-06-76*

Голодный А. Н., ассистент
криминалистической лаборатории первого
факультета повышения квалификации
(с дислокацией в городе Ростов-на-Дону)
института повышения квалификации,
старший лейтенант юстиции

*E-mail: A2299154@yandex.ru
Тел.: 8-928-111-10-46*

*Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation*

Peredery V. A., Associate Professor
of the Department of Criminalistics of the First
Faculty of Advanced Training (with a dislocation
in Rostov-on-Don) of the Institute for Advanced
Studies, Colonel of Justice

*E-mail: 9151149167@mail.ru
Tel.: 8-918-029-06-76*

Golodny A. N., Assistant of the Forensic
Laboratory of the First Faculty
of Advanced Training (with a dislocation
in the city of Rostov-on-Don) of the Institute
for Advanced Studies,
Senior Lieutenant of Justice

*E-mail: A2299154@yandex.ru
Tel.: 8-928-111-10-46*

Е. Р. Россинская

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

**ЧАСТНАЯ ТЕОРИЯ ИНФОРМАЦИОННО-
КОМПЬЮТЕРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПРЕДМЕТ, ОБЪЕКТЫ, ИЗУЧАЕМЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ***

А н н о т а ц и я: в статье рассмотрены основы частной теории криминалистики, предметом которой являются закономерности возникновения, движения, собирания и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений. Объектами частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности являются, с одной стороны, сами компьютерные средства и системы как носители розыскной и доказательственной криминалистически значимой информации, а с другой – система действий и отношений в механизмах преступлений с использованием компьютерных средств и систем, а также криминалистических компьютерных технологий выявления, фиксации, изъятия, сохранения, исследования и использования криминалистически значимой доказательственной и ориентирующей информации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: криминалистика, информационно-компьютерное обеспечение, криминалистическая техника, криминалистическая тактика, компьютерные средства и системы, информационно-технологические следы.

**THE PRIVATE CRIMINALISTIC THEORY
INFORMATION AND COMPUTER SOFTWARE
OF THE CRIMINALISTIC ACTIVITIES:
SUBJECT, OBJECTS, INVESTIGATED REGULARITIES**

Abstract: the article describes a new private criminalistic theory information and computer software of the criminalistic activities. The objects of this theory are, on the one hand, computer tools and systems themselves as carriers of investigative and evidentiary forensic information, and on the other hand, a system of actions and relationships in crime mechanisms using computer tools and systems, as well as forensic computer technologies for identifying, fixing, removing, preservation, research and use of forensically significant evidentiary and orienting information.

Key words: criminalistics, information and computer support, forensic technology, forensic tactics, computer tools and systems, information technology trail.

Поступила в редакцию 1 декабря 2019 г.

* Работа выполнена по гранту РФФИ 2018 г. № 18-29-16003 «Концепция информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности».

© Россинская Е. Р., 2019

Особенности компьютерных технологий, зачастую используемых на различных стадиях преступной деятельности, вне зависимости от желания пользователя влекут возникновение уголовно-релевантной информации. А так как в настоящее время имеются научно обоснованные криминалистические методики обнаружения и исследования этой информации, она приобрела все необходимые качества следа, осознаваема в теории и практике как криминалистическая следовая информация.

О. Я. Баев

Внедрение во все сферы человеческой деятельности современных информационных компьютерных технологий не могло не затронуть и сферу судопроизводства по уголовным, гражданским и административным делам. Существенные изменения произошли в способах «традиционных» преступлений, поскольку практически любые преступления: присвоения, кражи, мошенничества, фальшивомонетничество, лжепредпринимательство, преступления в банковской сфере и многие другие совершаются с использованием компьютерных средств и систем. В последние 20 лет повсеместное распространение средств мобильной коммуникации привело к возникновению новых видов правонарушений, таких как создание и распространение вирусных и вредоносных программ для мобильных телефонов, использование мобильных средств связи для совершения мошенничества, вымогательства, поджогов, взрывов, террористических актов и пр. Переход к цифровым технологиям породил, с одной стороны, новые виды криминалистически значимой информации, фиксируемой на специфических компьютерных носителях, а с другой – широкое использование цифровых средств фиксации, сохранения, автоматизированной обработки и исследования доказательственной и ориентирующей криминалистически значимой информации.

Как мы уже неоднократно отмечали¹, а с нами солидарны и другие исследователи², к сожалению, закономерности возник-

новения, движения и видоизменения потоков криминалистически значимой информации с использованием компьютерных средств и систем пока не нашли достойного места в криминалистической науке, за исключением рассмотрения в методике исследования преступлений в сфере компьютерной информации.

Большинству криминалистов-практиков возможности получения криминалистически значимой компьютерной информации, которая будет иметь доказательственное значение, практически неизвестны. Полагаем, что для исследования компьютерных систем и средств необходим особый комплекс специальных знаний, тем более что, как справедливо отмечают некоторые ученые, при расследовании компьютерных преступлений возникают трудности даже с определением места его совершения³.

Очевидно, что возникла необходимость в разработке новой частной криминалистической теории: теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. Предметом этой теории могут служить *закономерности возникновения, движения, собирания и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовных дел*. Поскольку криминалистические методы и средства все шире востребуются гражданским и административным судопроизводством, где также в процесс доказывания широко интегрированы компьютерные средства и системы в целях полу-

чения участниками процесса доказательственной и ориентирующей информации, необходимо включить в предмет данной теории и закономерности, связанные с рассмотрением дел в гражданском, арбитражном, административном процессе, производстве по делам об административных правонарушениях. Однако приоритет, по нашему мнению, должен быть отдан раскрытию и расследованию преступлений, поскольку общей и главной задачей криминалистической науки является борьба с преступностью⁴.

Для исследования объектов частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности обратимся к криминалистической дефиниции механизма преступления, который представляет собой сложную динамическую систему, определяющую содержание преступной деятельности. Элементами механизма преступления являются субъекты преступления; отношение субъекта преступления к своим действиям, их последствиям, соучастникам; предмет посягательства; способ преступления; преступный результат; обстановка преступления (место, время и другие относящиеся к ней обстоятельства); поведение и действия лиц, оказавшихся случайными участниками события, и др.⁵

Применительно к механизму преступления можно обозначить закономерности частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности как закономерности:

- отражения в компьютерных средствах и системах информации о связях действий и их результатов, повторяемости действий в похожих ситуациях, стереотипов действий субъектов при совершении преступлений;

- формирования и реализации способа преступления, совершаемого с использованием информационных компьютерных технологий (связь способа с лич-

ностью преступника, зависимость способа от конкретных обстоятельств совершения преступления и т. д.);

- возникновения и развития обстоятельств, связанных с преступлением, сопряженным с использованием компьютерных средств и систем (как до, так и после его совершения) и значимых для расследования.

Другая группа закономерностей частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности включает создание и функционирование компьютерных технологий, обеспечивающих процессы выявления, фиксации, изъятия, сохранения, исследования, оценки и использования криминалистически значимой компьютерной информации, имеющей розыскное и доказательственное значение.

Таким образом, объектами частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности являются, с одной стороны, сами компьютерные средства и системы как носители розыскной и доказательственной криминалистически значимой информации, а с другой – система действий и отношений в механизмах преступлений с использованием компьютерных средств и систем, а также криминалистических компьютерных технологий выявления, фиксации, изъятия, сохранения, исследования и использования криминалистически значимой доказательственной и ориентирующей информации.

Частная теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности может объединять криминалистическое исследование компьютерных средств и систем; рассмотрение в криминалистической тактике особенностей тактики и технологии производства следственных действий, направленных на получение криминалистически значимой компьютерной инфор-

мации, и служить базой для разработки частных методик расследования компьютерных преступлений.

Отметим, что дефиниция «компьютерное преступление» должна употребляться не в уголовно-правовом аспекте, где это только затрудняет квалификацию деяния, а в криминалистическом, поскольку связана не с квалификацией, а именно со способом преступления и, соответственно, с методикой его раскрытия и расследования. Компьютерные преступления – термин, принятый во многих странах (computer crime), – имеют общую родовую криминалистическую характеристику, включающую сведения о способах преступлений, лицах, совершивших их, сведения о потерпевшей стороне и обстоятельствах, способствующих и препятствующих данным преступлениям.

Одной из основных составляющих этой теории является ранее описанный нами новый раздел криминалистической техники – «Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем»⁶. Предлагаемый нами раздел криминалистической техники должен содержать описание объектов криминалистического исследования, особенностей собирания (выявления, фиксации, изъятия) криминалистически значимой информации, возможностей судебно-экспертного исследования этих объектов.

Поддерживая нашу позицию о необходимости формирования новой частной криминалистической теории, связанной с исследованием компьютерной информации, В. Б. Вехов предлагает именовать ее «Криминалистическое исследование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты». Он определяет ее как «систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов, методик и рекомендаций по собиранию, исследованию и использованию компьютерной информации,

средств ее обработки и защиты в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений»⁷. Далее В. Б. Вехов подразделяет ее на следующие направления.

1. Криминалистическое учение о компьютерной информации.

2. Криминалистическое исследование компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей.

3. Криминалистическое использование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты»⁸.

Полагаем, что наш подход несколько шире, поскольку, как попытались показать ранее, рассматриваем информационно-компьютерное обеспечение всей криминалистической деятельности. В трактовке В. Б. Вехова учение «Криминалистическое исследование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты» вполне может быть частью нашей теории.

Планируем детально разработать эти проблемы в рамках гранта РФФИ «Концепция информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности».

Обычно компьютерные средства и системы приобщаются к материалам дела в качестве вещественных доказательств, но именно информация, содержащаяся в памяти данных устройств, является основным объектом криминалистического исследования. Информация представлена в неявном виде, и для обеспечения возможности ее восприятия необходимо использовать специальные средства.

Специфические особенности компьютерных средств и систем послужили причиной того, что в зарубежной практике выделен особый класс цифровых доказательств и описаны методы и приемы работы с ними⁹. При этом необходимо различать оригинал цифрового доказательства, его дубликат и копию. Оригинальным цифровым доказательством яв-

ляются материальные носители и такие информационные объекты, которые связаны с этими носителями на момент изъятия (получения). Дубликатом является точная цифровая репродукция всех информационных объектов, хранящихся на оригинальном материальном носителе, в то время как копией является точная репродукция информации, содержащейся в информационных объектах, независимая от материального носителя.

В отечественной литературе неоднократно высказывались предложения ввести для исследования компьютерных средств и систем новый вид следов – «виртуальные следы»¹⁰. По мнению этих авторов, «виртуальные следы» занимают промежуточное положение между идеальными и материальными следами. В обоснование необходимости выделения следов такого рода В. А. Мещеряков указывает на то, что «виртуальные следы» приближены к материальным следам, так как существуют реально на материальном носителе, их обнаружение и изъятие возможно только с применением программно-технических средств, потому что непосредственно они восприниматься не могут. В то же время включить их в состав материальных следов нельзя, в них существует доля субъективной природы, так как зависят они от способа их считывания, не имеют жесткой связи с устройством, осуществившим запись информации, являются весьма неустойчивыми, что приближает их к идеальным следам. Идеальными виртуальные следы также не являются, поскольку хранятся не в памяти человека, а на материальных объектах. Кроме того, В. А. Мещеряков отмечает, что «для каждой категории следов наработана положительная практика, которая нашла свое закрепление в нормах УПК...», а специфических норм для работы с виртуальными следами в действующем законодательстве нет. Далее

он сравнивает виртуальные следы с трасологическими и находит принципиальные отличия, которые, безусловно, есть.

Полагаем, что, во-первых, такая аналогия по меньшей мере некорректна, поскольку в криминалистике существует большое количество материальных следов, выявление которых невозможно без специальных технологий, причем эти следы могут быть *весьма неустойчивы, недоступны непосредственному восприятию, зависят от способа считывания*. Например, следы ДНК, ольфакторные следы (пахнущие следы человека), следы целого ряда веществ, невидимые следы рук и пр.

Во-вторых, апелляция к УПК при рассмотрении криминалистических дефиниций представляется нам также некорректной, поскольку появление новых объектов криминалистического исследования должно способствовать совершенствованию законодательства по их закреплению, а не наоборот – подгонять криминалистические дефиниции под нормы УПК, тем более что в других кодифицированных законах нормы, регламентирующие работу с материальными следами – доказательствами отличаются от норм УПК.

Дефиниция «виртуальный след» не нашла единодушной поддержки, некоторые оппоненты указывали на несоответствие академического значения термина «виртуальный» тем объектам, в отношении которых предлагалось ввести данное понятие. Сам термин «виртуальный» (от лат. *virtual* – возможный) трактуется в разных областях знаний по-разному. Если в физике виртуальное означает вычисленное, ненаблюдаемое (принципиально ненаблюдаемое), то в философии – доказанное неотражаемое, не имеющее образа и подобия в субъективном, т. е., более строго, не имеющее структурных и тонических репрезентантов.

Как справедливо указывает В. Б. Вехов, «с позиций криминалистики “виртуальных следов” не может быть в принци-

пе»¹¹. Мы, как и многие другие авторы¹², разделяем эту позицию и считаем, что описываемые следы являются материальными, поскольку зафиксированы на материальных носителях путем изменения свойств или состояния отдельных их элементов. Относить их к идеальным на том основании, что они не доступны непосредственному наблюдению, как предлагает А. Г. Волеводз¹³, полагаем нецелесообразным, поскольку запаховые следы также недоступны непосредственному восприятию, но это не означает, что они являются идеальными. Идеальные следы запечатлеваются в памяти человека, и на их состояние существенное влияние оказывают психофизиологические особенности личности, что никак не свойственно компьютерной информации.

Если выделять информацию, формирующуюся в процессе работы с вычислительной техникой, в особую группу материальных следов, то наиболее рациональным мы полагаем обозначить их как «информационно-технологические», поскольку формирование данных следов обусловлено спецификой реализации информационных технологий, и для их преобразования в доступную для восприятия форму информационные технологии также используются. С криминалистической точки зрения такие следы близки следам орудий, инструментов и механизмов, поскольку различные информационные технологии (программные и аппаратные средства) используются в качестве инструмента, и при

совершении определенных действий пользователя по известным алгоритмам и закономерностям будет формироваться доказательственная информация, представленная в цифровом виде и зафиксированная путем изменения свойств и состояния элементов носителя информации.

Однако это не окончание дискуссии. Интересным нам представляется и предложенное В. Б. Веховым понятие «электронно-цифровой след», под которым он подразумевает «любую криминалистически значимую компьютерную информацию, т. е. сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов»¹⁴.

В заключение следует отметить, что мы пока только в начале пути. Предстоит развить систему частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, включающую криминалистическое исследование компьютерных средств и систем; информационно-компьютерное криминалистическое обеспечение криминалистической тактики и технологии производства следственных действий; информационно-компьютерное обеспечение методик расследования преступлений; информационно-компьютерное криминалистическое обеспечение гражданского и административного судопроизводства.

¹ См.: Россинская Е. Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3, ч. II, Юридические науки. 2016. С. 109–117; *Ее же*. Информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности как частная криминалистическая теория // Воронежские криминалистические чтения. 2017. № 2 (19). С. 168–176.

² См., напр.: Вехов В. Б. Электронная криминалистика : понятие и система // Криминалистика : актуальные вопросы теории и практики : сб. трудов участников Международн. науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 2017. С. 40–46.

³ См.: Протасевич А. А., Зверьянская Л. П. Особенности осмотра места происшествия по делам о киберпреступлениях // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 2 (88). С. 2.

⁴ См.: Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова [и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 66.

⁵ См.: Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник. М., 2016. С. 17.

⁶ См.: Россинская Е. Р. Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем как формирующаяся отрасль криминалистической техники // Материалы Международной научно-практической конференции «Судебная идентификация. Правовые, методологические и технологические проблемы развития», посвященной 90-летию со дня рождения профессора В. Я. Колдина. М., 2015. С. 202–207.

⁷ Вехов В. Б. Указ. соч.

⁸ См.: Там же.

⁹ Guidelines for best practice in the forensic examination of digital technology. IOCE, May 2002. URL: [http://www.ioce.org/fileadmin/user_upload/2002/Guidelines for Best Practices in Examination of Digital Evid.pdf](http://www.ioce.org/fileadmin/user_upload/2002/Guidelines%20for%20Best%20Practices%20in%20Examination%20of%20Digital%20Evid.pdf) (дата обращения: 20.10.2016).

¹⁰ См.: Агibalов В. Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе : монография. М., 2012. С. 13 ; Меццяряков В. А. «Виртуальные следы» под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1 (4). С. 28–33 ; Смушкин А. Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. № 817. С. 43–45.

¹¹ Вехов В. Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки : монография. Волгоград, 2008. С. 90.

¹² См.: Нехорошев А. Б. Компьютерные преступления : квалификация, расследование, экспертиза / под ред. В. Н. Черкасова. Саратов, 2004. Ч. 2. С. 61–65 ; Поляков В. В. К вопросу об использовании понятий «виртуальные следы» и «электронно-цифровые следы» в криминалистике // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями, 2013. № 11-1. С. 123–125 ; Гаврилин Ю. В., Лыткин Н. Н. Понятие, свойства и криминалистическое значение компьютерно-технических следов преступления // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 4 (16). С. 49–55.

¹³ См.: Волеводз А. Г. Следы преступлений, совершенных в компьютерных сетях // Российский следователь. 2002. № 1. С. 6.

¹⁴ Вехов В. Б. Основы криминалистического учения... С. 90.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Россинская Е. Р., доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, директор Института судебных экспертиз, академик Российской академии естественных наук, Президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза»

E-mail: elena.rossinskaya@gmail.com;
elena@rossinskaya.ru
Тел.: 8 (499) 244-87-67; 8-916-674-56-10
ORCID 0000-0002-9102-634X

Moscow State Legal University
named after O. E. Kutafin (MSAL)

Rossinskaya E. R., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Forensic Expertise Department, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Forensic Expertise Institute, Active Member of the Russian Natural Sciences Academy, President of the Association of Educational Institutions «Forensic Expertise»

E-mail: elena.rossinskaya@gmail.com;
elena@rossinskaya.ru
Тел.: 8 (499) 244-87-67; 8-916-674-56-10
ORCID 0000-0002-9102-634X

В. И. Саньков

Следственный комитет Российской Федерации

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНКЕТИРОВАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ СК РОССИИ)

А н н о т а ц и я: в статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы проведения проверки показаний на месте с учетом мнения следователей, опрошенных по специально разработанной анкете. По результатам опроса сформулированы предложения, направленные на повышение качества и эффективности данного следственного действия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: проверка показаний на месте, актуальные вопросы, следователи, анкетирование.

TOPICAL ISSUES OF VERIFICATION OF EVIDENCE ON THE SPOT (BASED ON THE RESULTS OF THE SURVEY OF INVESTIGATORS OF THE IC OF RUSSIA)

A b s t r a c t: the article deals with some topical issues of verification of testimony on the spot, taking into account the opinion of investigators interviewed on a specially designed questionnaire. According to the results of the survey, proposals aimed at improving the quality and effectiveness of this investigative action are formulated.

Key words: verification of testimony on the spot, topical issues, investigators, questioning.

Поступила в редакцию 18 октября 2018 г.

Проверка показаний на месте – следственное действие, предусмотренное ст. 194 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее – УПК РФ), является одним из наиболее распространенных в следственной практике, входящих в структуру тактической комбинации (операции) по проверке «признавательных» показаний подозреваемого (обвиняемого). «Средством закрепления признавательных показаний лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, а следовательно, защиты опосредованного в протоколе соответствующего допроса до-

казательства, по праву является проверка его показаний на месте происшествия»¹.

Несмотря на более чем 15-летний период действия указанной нормы закона, в среде ученых продолжается дискуссия о роли и значении данного следственного действия, обоснованности его включения в систему следственных действий. По мнению профессора В. И. Зажицкого, данное «следственное действие с «участием» пластмассовой куклы следует исключить из системы следственных действий, предусмотренных УПК РФ, как необоснованное и бесперспективное»². Вместе с тем большинство авторов считает проверку показаний на месте самостоятельным, уникальным следственным действи-

ем, обладающим своими процессуальными и тактическими особенностями³.

С тактической точки зрения проведение данного следственного действия целесообразно в следующих типовых ситуациях: когда в показаниях допрошенного лица имеются данные о месте совершения преступления и маршруте движения к нему; в показаниях допрошенного лица содержатся сведения о местонахождении следов и иных объектов, имеющих значение для доказывания по делу; если нужно сопоставить показания разных лиц о расследуемых событиях в определенном месте и его деталях; когда в показаниях допрошенного лица имеются сведения об обстановке места происшествия⁴.

Комментируя цель проверки показаний на месте, которая заключается в установлении новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, профессор О. Я. Баев справедливо отмечал, что данное положение закона призвано «...не допустить подмену следственного действия простым “закреплением” ранее данных показаний, ситуации, когда увеличение объема следственной работы (за счет многочисленных дублирующих следственных действий) не приводит к значительному изменению качественной характеристики доказательственной базы обвинения»⁵.

Изучение следственной практики, а также общение со слушателями Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России) показало наличие ряда проблемных вопросов, возникающих при подготовке и проведении проверки показаний на месте, допускаемых при этом типичных процессуальных и тактических следственных ошибок. В связи с этим представляют интерес результаты проведенного анкетирования следователей следственных органов СК России по некоторым актуальным вопросам производства проверки показаний на месте⁶.

Одним из неоднозначно трактуемых как в теории, так и на практике является вопрос о допустимости изъятия в ходе проверки показаний обнаруженных объектов, поскольку в ст. 194 УПК РФ прямо об этом не сказано. Почти половина опрошенных (45 %) считают это допустимым, в то же время только 15 % изымают предметы и документы в ходе проверки показаний на месте, а большинство – в ходе иных следственных действий, как правило, осмотра места происшествия.

Ряд вопросов анкеты касался применения видеозаписи для фиксации хода и результатов проведения проверки показаний на месте. Несмотря на то, казалось бы очевидную пользу применения видеозаписи при производстве данного следственного действия, проведенное исследование показало недостаточную активность следователей в использовании этого способа фиксации.

Так, применяли видеозапись в каждом случае проведения проверки показаний на месте около 28 % опрошенных, не во всех случаях – 47 %, вообще не использовали – почти 23 %.

Причины неиспользования следователями видеозаписи:

- отсутствие технической возможности – 21,3 %;
- нежелание подозреваемого (обвиняемого) на ее применение – 22,2 %;
- отсутствие уверенности в том, что подозреваемый (обвиняемый) быстро и правильно укажет нужные место, объекты – 27,8 %;
- опасение того, что подозреваемый (обвиняемый) в ходе проверки изменит ранее данные «признательные» показания или полученные результаты не будут соответствовать объективно установленным данным – 18,5 %;
- иные причины – 22,2 %, к которым относятся отсутствие необходимости в видеозаписи (с учетом категории преступле-

ния, достаточность фотосъемки и иных средств фиксации); упрощение производства проверки, экономия времени; опасение признания протокола недопустимым доказательством из-за возможных процессуальных нарушений, ошибок следователя, наглядно зафиксированных на видеозаписи, и др.

При этом лишь около 12 % фактов неприменения видеозаписи были связаны с отсутствием необходимости ее применения. То есть в подавляющем большинстве случаев (88 %) такая необходимость имела, но по тем или иным причинам следователи не смогли применить видеозапись.

Вместе с тем именно применение в следственной практике современных технико-криминалистических средств является одним из основных направлений развития технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений. В связи с этим ученые, в частности, профессор А. Ф. Волынский, справедливо указывают на необходимость преодоления инертного отношения практических работников к использованию современных технических средств, прежде всего, видеозаписи следственных действий, которая применяется достаточно редко даже при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, что не соответствует тенденции развития криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства как за рубежом, так и в России. Для этого необходимо приобретение в требуемом количестве соответствующей техники и поддержание ее в состоянии постоянной готовности к применению при раскрытии и расследовании преступлений с помощью специалистов, находящихся рядом со следователем, т. е. непосредственно в штатах тех подразделений и служб, которые раскрывают и расследуют преступления⁷.

Почти половина опрошенных (45 %) испытывали трудности при подготовке и проведении проверки показаний на месте, основной причиной этого (97 %) являлись организационные сложности.

Результаты опроса показали, что достаточно распространены в следственной практике процессуальные и тактические нарушения при проведении проверки показаний на месте, в частности:

- неразъяснение прав и обязанностей участникам проверки показаний – 15,6 %;

- составление протокола проверки показаний спустя значительное время после ее производства – 49,6 %;

- постановка наводящих вопросов (следователем, защитником) – 11,1 %;

- иные «наводящие» высказывания, поведение участников проверки – 7,4 %;

- выборочное использование видеозаписи отдельных, интересующих следствие, этапов проверки показаний на месте, не обусловленное техническими причинами – 5,2 %;

- изъятие обнаруженных объектов, при котором лицо, чьи показания проверяются, вначале указывает на эти объекты и берет их в руки, после чего они изымаются следователем – 3,7 %;

- иные нарушения – 7,4 % (неуказание времени начала или приостановления видеозаписи, неточное указание времени приостановления и возобновления видеозаписи; неуказание причины приостановления видеозаписи; несоблюдение технических правил видеосъемки; постановка вопросов в ходе свободного рассказа или без разрешения следователя и др.).

Подавляющее большинство опрошенных (70 %) пояснили, что предварительно составляли письменный план проверки показаний на месте (сценарий фонограммы). В то же время высок удельный вес тех, кто обходился без такого плана –

30 %, причем среди них – следователи со стажем работы до 1 года. Данные цифры свидетельствуют о недостаточном внимании указанных следователей и их руководителей уделяемому планированию такого сложного в организационном и тактическом отношении следственного действия, как проверка показаний на месте.

Большинство опрошенных (70 %) также пояснили, что нуждаются в использовании типовых бланков, программ проведения данного следственного действия, заранее разработанных для конкретных следственных ситуаций, в том числе и следователи с опытом работы свыше 3 лет. Тем самым результаты анкетирования показали востребованность на практике реализации идеи алгоритмизации и программирования расследования. В этом отношении представляются также заслуживающими внимания предложения О. Я. Баева о восстановлении в УПК РФ главы 57 (перечень бланков процессуальных документов)⁸.

Таким образом, результаты опроса позволяют прийти к следующим выводам:

- необходимо более активное применение видеозаписи при производстве проверки показаний на месте, для чего требуется соответствующее техническое обеспечение следственных подразделений; установление психологического контакта с лицом, чьи показания необходимо проверить на месте, с целью убеждения его в целесообразности применения видеофиксации хода и результатов следственного действия (в совокупности это позволит устранить более 40 % причин неиспользования видеозаписи);

- следует обеспечить овладение следователей навыками процессуально и тактически грамотного проведения проверки показаний на месте, для чего необходимо тщательное планирование каждого такого следственного действия (в то время

как из числа опрошенных почти треть не использовали предварительно составленный письменный план проверки показаний (сценарий фонограммы данного следственного действия), применение тактических рекомендаций, типовых программ, алгоритмов его проведения, продумывание возможных вопросов и осложнений, могущих возникнуть во время проверки показаний на месте, чтобы следователь чувствовал себя уверенно перед видеокамерой, был готов к разрешению возникающих проблем, не допуская ошибок и просчетов, которые могут повлечь признание протокола проверки показаний недопустимым доказательством;

- особое внимание следует уделить своевременному составлению протокола проверки показаний на месте в соответствии с положениями ч. 1 ст. 166 УПК РФ, согласно которой протокол следственного действия составляется в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания, а также недопущению постановки наводящих вопросов, иных наводящих высказываний, поведения участников проверки (в совокупности данные нарушения составили 68 % от числа допущенных опрошенными при проведении данного следственного действия).

Результаты опроса подтвердили актуальность алгоритмизации следственной деятельности как одного из важных направлений развития частных методик расследования, необходимость разработки типовых алгоритмов, учебных протоколов проведения проверки показаний на месте в различных следственных ситуациях, которые послужили бы надежным ориентиром, своего рода стандартом качественной работы следователей.

С целью придания обязательного характера некоторым криминалистическим положениям, не нашедшим закрепления в уголовно-процессуальном законе, носящим

рекомендательный характер, которые по классификации профессора Е. Е. Центрова относятся к тактическим предписаниям⁹, целесообразна их регламентация в ведомственных и межведомственных организационно-распорядительных документах.

Полагаем, что реализация указанных мер, дальнейшее изучение и обобщение следственной практики, научное осмысление полученных результатов позволят повысить качество и эффективность проверки показаний на месте.

¹ Баев О. Я. Криминалистика. Лекционный курс : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 265.

² Зажицкий В. И. Нужно ли следственное действие с участием «куклы»? // Российская юстиция. 2012. № 9. С. 31–34.

³ См., напр.: Центров Е. Е. Ошибочные суждения о сути следственного действия «проверка показаний на месте» // Актуальные проблемы криминалистической тактики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 28 марта 2014 г.). М., 2014. С. 279–285.

⁴ См.: Баев О. Я. Краткий криминалистический комментарий к основам уголовно-процессуального доказывания. М., 2017. С. 130.

⁵ Там же. С. 131.

⁶ В 2017–2018 гг. опрошено 154 следователя СК России, в основном районных, межрайонных следственных отделов, почти половина из них (49,4 %) – со стажем работы до 1 года.

⁷ См.: Вольнский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учеб. пособие. М., 2016.

⁸ См.: Баев О. Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательств в уголовном судопроизводстве (правовые и криминалистические средства предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий : проблемы и возможные решения. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Центров Е. Е. Сущность и основные понятия криминалистической тактики // Вестник криминалистики. 2015. № 2 (54). С. 14–28.

*Следственный комитет
Российской Федерации*

Саньков В. И., кандидат юридических наук,
старший инспектор отдела исследования проблем
методик расследования преступлений управления
научно-исследовательской деятельности
(научно-исследовательского института
криминалистики) Главного управления
криминалистики (Криминалистического центра),
полковник юстиции

E-mail: sankov_icr@mail.ru
Тел.: 8-968-016-20-74

*Investigative Committee
of the Russian Federation*

San'kov V. I., Candidate of Legal Sciences,
Senior Inspector of the Department
of Investigation of Problems
of Methods of Investigation of Crimes
of the Department of Scientific Research
(Research Institute of Criminalistics)
of the Main Department of Criminalistics
(Forensic Center), Colonel of Justice

E-mail: sankov_icr@mail.ru
Tel.: 8-968-016-20-74

А. А. Светличный

Тульский государственный университет

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО УБИЙСТВА ПО НАЙМУ

А н н о т а ц и я: статья посвящена анализу криминалистической характеристики личности потерпевшего убийства по найму. На основании изученных автором материалов уголовных дел соответствующей категории выделены наиболее типичные группы жертв преступлений. Проведен сравнительный анализ половозрастной динамики потерпевших убийств по найму в 1990-е гг. и в настоящее время.

К л ю ч е в ы е с л о в а: убийство по найму, криминалистическая характеристика, личность потерпевшего, мотив преступления.

FORENSIC CHARACTERIZATION OF THE IDENTITY OF THE VICTIM OF MURDER FOR HIRE

A b s t r a c t: the article is devoted to the analysis of the forensic characterization of the identity of the victim of a murder for hire. Based on the criminal case materials of the relevant category studied by the author, the most typical groups of victims of crime are identified. A comparative analysis of the gender and age dynamics of victims of homicides in employment in the 1990s and now is carried out.

Key words: murder for hire, forensic characterization, identity of the victim, motive of the crime.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Убийство по найму является относительно «молодым» видом преступления. В конце 80-х – начале и середине 90-х гг. XX в. в нашем государстве в условиях социально-политических и экономических преобразований¹, в том числе развития и широкого распространения института приватизации, непрекращающейся криминализации экономики, активного внедрения лидеров преступных структур в коммерцию, бизнес, торговлю и политику, слабо контролируемого государством перераспределения собственности сформировалась крайне негативная криминогенная обстановка, характеризовавшаяся значительным ростом преступности, в особенности ее организованных форм. Увеличивалось число особо тяжких преступлений против личности, при этом су-

щественное количество приходилось на убийства (так, в 1994 г. зарегистрировано 32 286 убийств, в 1999-м – 31 140), многие из которых совершались по найму (например, в 1992 г. было зарегистрировано 102 убийства по найму, в 1993-м – 228, в 1994-м – 562, в 1999-м – 155).

В настоящее время, несмотря на стабилизацию общественных отношений в нашей стране², вызвавшую снижение численности преступлений (так, в 2009 г. зарегистрировано 17 681 убийство, в 2010-м – 15 563, в 2011-м – 14 305, в 2012-м – 13 265, в 2013-м – 12 361, в 2014-м – 11 813, в 2015-м – 11 325), заказные убийства совершаются реже, но все же имеют немалую долю среди умышленных убийств в нашей стране (в 2009 г. совершено 142 убийства по найму, в 2010-м – 175, в 2011-м – 94, в 2012-м – 107, в 2013-м – 112, в 2014-м – 110, в 2015-м – 115, в

2016-м – 117), что требует разработки и применения соответствующих мер, направленных на борьбу с ними³. При этом, чтобы представить реальные масштабы совершаемых наемных убийств, следует учитывать значительную долю латентных преступлений данного вида.

Убийства по найму неизменно вызывают значительный общественный резонанс, информация о наиболее громких делах такого рода всегда выносятся на общественное обозрение – выходит на первые полосы федеральных газет и освещается центральными теле- и радиоканалами. Вследствие этого предъявляются повышенные требования к деятельности следственных органов и уделяется особое внимание результатам их работы по раскрытию и расследованию заказных убийств.

Как показал анализ изученных нами 159 уголовных дел по данной категории, процесс их раскрытия и расследования представляет для органов дознания и следствия особую сложность, что, в свою очередь, обуславливает их низкую (менее 35 %) раскрываемость (так, в 2009 г. раскрыто 42 убийства по найму из совершенных 142, в 2010-м – 51 из 175, в 2011-м – 28 из 94, в 2012-м – 34 из 107, в 2013-м – 31 из 112, в 2014-м – 29 из 110, в 2015-м – 36 из 115, в 2016-м – 41 из 117). В значительной мере это связано с особым характером совершаемых по найму убийств, сложностью получения криминалистически значимой информации, на что обращают внимание более 71 % опрошенных нами следователей районных подразделений Следственного комитета РФ.

В структуре криминалистической характеристики убийства по найму особое место занимают сведения о потерпевшем.

По справедливому замечанию ряда исследователей, без учета данных о потерпевшем невозможно определить степень общественной опасности преступления и лица, его совершившего⁴. Сведения

о личности жертвы, как правило, становятся известными работникам правоохранительных структур на первоначальном этапе расследований убийств по найму, поскольку труп потерпевшего более чем в 83 % случаев обнаруживается уже при осмотре места происшествия.

Отметим, что первоначальные разработки о личности потерпевшего, как самостоятельном элементе криминалистической характеристики преступления, содержались в научных трудах Н. А. Селиванова⁵. В дальнейшем указанную точку зрения успешно развивали А. А. Хмыров⁶, Н. П. Яблоков⁷ и другие криминалисты.

В настоящее время изучением личности и поведения жертв преступлений, связи «преступник – жертва», а также роли жертвы в механизме преступления занимается виктимология – наука, положения которой тесно связаны с областью знаний криминологии, криминалистики, уголовного права и процесса⁸.

В научной литературе обоснованно признается, что виктимность на индивидуальном уровне обуславливается готовностью и способностью потенциальной жертвы противодействовать общественно опасному посягательству, предвидеть его и уметь своевременно отреагировать. Однако, как справедливо полагают исследователи в области криминологии, отнести жертв убийств, совершаемых по найму, к конкретной группе согласно общепринятой классификации практически невозможно, так как в зависимости от виктимологической ситуации имеют место не только агрессивные, активные и инициативные жертвы, но и некритичные, нейтральные и пассивные⁹.

Это обстоятельство, по замечанию И. С. Ильина, диктует необходимость дифференцированного подхода к выявлению виктимологических детерминантов, определению способов их нейтрализации в зависимости от групповой принадлежности жертвы¹⁰.

На основании проведенного нами исследования материалов уголовных дел мы предлагаем выделить следующие наиболее типичные группы жертв заказных убийств.

1. Лица, занимающие руководящие посты в крупных государственных и коммерческих структурах (руководители предприятий, акционерных обществ и объединений, финансово-кредитных учреждений, торговых комплексов и фирм, различных фондов) – 34 %.

2. Лидеры и члены преступных группировок и сообществ («воры в законе», «авторитеты») – 26 %.

3. Работники средств массовой информации (телевидения, радио, печати) – 12 %.

4. Представители мелкого и среднего бизнеса – 9 %.

5. Представители высших органов государственной власти, члены политических партий и общественных движений – 5 %.

6. Сотрудники правоохранительных органов (МВД, ФСБ, прокуратуры, судов, таможенных служб) – 4 %.

7. Иные лица, например, имевшие в собственности квартиры, частные дома, дачи, земельные участки и иное ценное имущество, или лица, устраняемые по мотиву ревности, мести, ставшие свидетелями преступления и др. – 10 %.

Представляет интерес динамика изменения возраста потерпевших по данной категории преступлений. Так, например, в середине 1990-х гг. жертвами от абсолютного большинства преступлений стали мужчины в возрасте 34–61 года (с преобладанием 40–45-летних), женщины в возрасте 30–50 лет; в начале 2000-х гг. – мужчины в возрасте 25–55 лет (с преобладанием 35–45-летних), женщины в возрасте 25–50 лет; в 2005–2018-х гг. – мужчины в возрасте 23–57 лет (с преоблада-

нием 37–43-летних), женщины в возрасте 22–45 лет; в последние годы средний возраст потерпевших мужчин составляет 30–40 лет, женщин – 34–43 года.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что возраст жертв данного вида преступления колеблется в достаточно широком диапазоне, однако в основном потерпевшими являются мужчины в возрасте от 20 до 60 лет, с преобладанием возрастной группы 30–45 лет, так как именно представители мужского пола занимают ключевые посты в политике, бизнесе и на производстве, кроме этого, преступной деятельностью в основном также занимаются мужчины. Возраст потерпевших женщин колеблется в пределах от 15 до 60 лет.

Отметим, что жертва наемного убийства связана со всеми другими элементами криминалистической характеристики данных преступлений¹¹, однако, по нашему мнению, наибольший интерес представляет ее связь с личностью организатора. Согласно изученным нами материалам уголовных дел, примерно в 75 % случаев потерпевший непосредственно знаком с заказчиком, а в 18,2 % случаев они являются родственниками.

Мы полагаем, что для успешного раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений необходимо тщательное изучение личности потерпевшего, сферы его деятельности, круга общения, интересов и увлечений, материального положения, взаимоотношений с коллегами по работе, друзьями, в семье. Выяснение данных вопросов может послужить для установления мотива совершения преступления, который, в свою очередь, позволит определить круг лиц, могущих быть заинтересованными в смерти жертвы.

¹ См.: Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики) : послание Президента РФ Федеральному Собранию от 24 февраля 1994 г. // Рос. газета. № 38. 25.02.1994 ; О действенности государствен-

ной власти в России : послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16 февраля 1995 г. // Рос. газета. № 36. 17.02.1995.

² См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. // Парламентская газета. № 45. 02–08.12.2016 ; Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию : послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. // Рос. газета. № 282. 13.12.2013 ; Послание Президента РФ Федеральному Собранию : послание Президента РФ Федеральному Собранию от 22 декабря 2011 г. // Рос. газета. № 290. 23.12.2011.

³ См.: О централизованном учете в системе Следственного комитета Российской Федерации нераскрытых убийств, других тяжких и особо тяжких преступлений против личности : приказ СК России от 11 августа 2011 г. № 123 // Документ официально опубликован не был.

⁴ См.: *Игнатъева М. В.* Процессуальные и организационные вопросы соблюдения прав и законных интересов потерпевших и обеспечение их личной безопасности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 8 ; *Баев О. Я.* Основы криминалистики : курс лекций. М., 2001. С. 79 ; *Радаев В. В.* Криминалистическая характеристика преступлений и ее использование в следственной практике. Волгоград, 1987. С. 11.

⁵ См.: *Селиванов Н. А.* Криминалистическая характеристика преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Соц. законность. 1977. № 2. С. 56.

⁶ См.: *Хмыров А. А.* Криминалистическая характеристика преступлений и пути доказывания по уголовному делу // Правоведение. 1978. № 3. С. 59.

⁷ См.: *Яблоков Н. П.* Криминалистическая характеристика преступления и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки методики расследования преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979. Вып. 30. С. 110–122 ; *Его же.* Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник Московского университета. Сер.: Право. 2000. № 2. С. 6 ; *Его же.* Криминалистика. М., 2000.

⁸ См.: *Квашиш В. Е.* Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. М., 1999. С. 16–17 ; *Полубинский В. И.* Криминальная виктимология. М., 1999. С. 38–48 ; *Ривман Д. В., Устинов В. С.* Виктимология. СПб., 2000. С. 7–18 ; *Судакова Т. Н.* Убийцы и их жертвы (криминологическое, виктимологическое и уголовно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. С. 164–165 ; *Франк Л. В.* О виктимологии и виктимности // Советское государство и право. 1976. № 4. С. 10.

⁹ См.: Криминология : учебник / под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева. СПб., 2002. С. 47 ; *Слинько М. И.* Заказное убийство. Криминологический аспект. М., 1997. С. 37.

¹⁰ См.: *Ильин И. С.* Актуальные проблемы виктимологической профилактики убийств, совершаемых по найму // Российский следователь. 2007. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 409.

Тулский государственный университет

Светличный А. А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела

E-mail: alexandrsvetl@rambler.ru
Тел.: 8-960-599-31-87

Tula State University

Svetlichny A. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Forensic Examination and Customs

E-mail: alexandrsvetl@rambler.ru
Tel.: 8-960-599-31-87

М. В. Стояновский

Воронежский государственный университет

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ И СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ

А н н о т а ц и я: в статье с системных позиций рассматривается сущность и значение криминалистической методики как раздела криминалистики. Автором определяются принципы построения криминалистических методик, характеризуются их структурообразующие элементы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: расследование, преступление, криминалистическая методика, механизм слеодообразования.

CRIMINALISTIC METHOD OF CRIME INVESTIGATION: PRINCIPLES OF CONSTRUCTION AND STRUCTURAL ELEMENTS

A b s t r a c t: in the article the essence and significance of criminalistic method as a part of criminalistics are considered from systemic perspective. The author defines the principles of criminalistic methods and characterizes their structural elements.

Key words: investigation, crime, criminalistic method, mechanism of trase formation.

Поступила в редакцию 19 октября 2018 г.

В специальной литературе содержится множество определений криминалистической методики – заключительного раздела криминалистики (своего рода ее «особенной части»), синтезирующего в своем содержании положения остальных ее разделов (в частности, криминалистической техники и криминалистической тактики) и адаптирующего их применение к специфическим условиям расследования преступлений отдельных видов и групп. Собственно, и анализ многочисленных определений самой криминалистической науки указывает на теснейшую взаимосвязь объекта и предмета криминалистики в первую очередь с криминалистической методикой, вооружающей следователя необходимым инструмента-

рием для достижения целей расследования преступлений.

Однако следует обратить внимание на неоднозначное толкование криминалистами сущности криминалистической методики, ее структурообразующих элементов, принципов построения частных криминалистических методик.

Данное обстоятельство (хотя оно и по природе своей закономерно) выступает условием продолжающейся дискуссии по существу концепции криминалистической методики как раздела криминалистики.

Предрасполагающими к такой дискуссии факторами являются, в частности, изменяющиеся условия социальной действительности, процессы модернизации законодательства, появление новых видов преступной деятельности, что, в

свою очередь, предопределяет необходимость совершенствования имеющихся и разработки новых криминалистических методик расследования преступлений. Как верно, на наш взгляд, пишет В. А. Журавель, при определении направлений научного поиска в сфере криминалистической методики ученым необходимо исходить из потребностей судебно-следственной практики, прогностического видения вероятных путей развития и структурных изменений преступных проявлений¹.

В связи с последним из указанных обстоятельств (отсутствием методик расследования новых или значительно видоизменившихся преступлений), замечает В. П. Бахин, вновь встает вопрос о месте и роли отдельных теоретических концепций в формировании и совершенствовании криминалистической методики², или, иначе говоря, об определенной модернизации концепции криминалистической методики.

Обратимся к некоторым определенным криминалистической методики, сформулированным в разные годы (десятилетия) развития отечественной криминалистики.

Так, по мнению Б. М. Шавера, криминалистическая методика есть часть науки криминалистики, «обобщающая опыт расследования отдельных видов преступлений, определяющая в строгом соответствии с требованиями... уголовно-процессуального закона и специфическими особенностями каждой категории дел научные приемы и методы раскрытия, расследования и предупреждения этих преступлений»³.

И. Ф. Крылов определил криминалистическую методику (методику расследования отдельных видов преступлений) как совокупность (систему) «научных положений, технических средств, тактиче-

ских приемов и методических рекомендаций (правил), применяемых при расследовании, раскрытии и предупреждении отдельных видов преступлений с учетом особенностей каждого из них и строгого соблюдения требований... законности»⁴.

В приведенных дефинициях, как видно, имеется лишь указание (без соответствующей конкретизации) на информационные основы криминалистической методики (в виде «особенностей расследуемой категории дел»; «учета особенностей» расследуемых видов преступлений), а также на принцип законности.

Одним из самых лаконичных является определение криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений, сформулированное И. Ф. Пантелеевым, как составной части криминалистики, которая «содержит основанные на законе криминалистические рекомендации о раскрытии конкретных видов (групп) преступлений, осуществляемом в форме уголовно-процессуальной деятельности»⁵.

Весьма созвучным дефиниции криминалистической методики является и определение цитируемым автором криминалистической науки как области знаний (науки) о раскрытии преступлений⁶.

Безусловно, в предмет изучения криминалистической методики (как и самой криминалистики) входят закономерности, характеризующие процесс раскрытия (расследования) преступлений, выражающиеся, в частности, в положениях частных криминалистических методик, правилах разработки и проверки версий, особенностях применения технических средств и тактических приемов при производстве следственных действий и др.

Однако определение криминалистической методики лишь через процесс раскрытия преступления, в буквальном

смысле отражая по своей сути целевое предназначение криминалистики (раскрытие как процесс и раскрытие как идеальная модель результата деятельности), игнорирует комплекс закономерностей, относящихся к системе «преступная деятельность».

В то же время авторы подобного рода определений (в частности, И. Ф. Пантелеев), не отражая в соответствующих дефинициях закономерности преступной деятельности, не оспаривают изучения криминалистикой и ее заключительным разделом также криминальной практики (совершенных преступлений), всего общего и типичного, что свойственно подготовке, совершению и сокрытию различных видов преступлений⁷.

Как справедливо, на наш взгляд, отмечает А. Н. Васильев, методику расследования отдельных видов преступлений как часть криминалистики «представляется более правильным охарактеризовать как основанную на изучении способов совершения преступлений и механизма формирования материальных и иных следов преступления систему наиболее целесообразных методов организации расследования в первоначальный и последующий его периоды, использования особенностей применения тактических приемов и научно-технических средств в специфических условиях расследования отдельных видов преступлений»⁸.

В указанном определении просматривается известная криминалистическая формула – «от метода совершения преступления – к методу его раскрытия».

В контексте вышеуказанной цитаты А. Н. Васильева и исследуемой проблематики в целом считаем весьма уместным привести мнение выдающегося российского криминалиста О. Я. Баева.

Исследуя сущность методических основ расследования преступлений отдель-

ных видов, О. Я. Баев пишет: «Нет ни малейшего сомнения в том, что обобщение криминалистикой опыта расследования преступлений, относящихся к отдельным видам... преследует цель выявления, обнаружения в этом опыте неких общих черт. Именно это позволяет использовать их при расследовании конкретных преступлений и формулируемых криминалистами в виде постулатов (теоретических, научных положений), на основе которых и разрабатываются частно-методические рекомендации...

Аксиоматично, что к таковым в первую очередь относятся носящие дихотомический характер закономерности механизма совершения преступления и его отражения вовне, ибо реконструкция любого события, имевшего место в прошлом, возможна лишь на основе логического осмысливания возникших в результате события следов»⁹.

Как видно, О. Я. Баевым в качестве структурирующего основания классификации криминалистических методик был выделен феномен механизма слеодообразования.

Сущность же методических основ расследования преступлений отдельных видов и групп О. Я. Баев определил рядом фундаментальных практически значимых положений.

Приведем их в сокращенной нами интерпретации:

– для совершения преступления определенного вида субъекту необходимо выполнить определенные типовые действия (так, преследуя цель умышленного причинения смерти другому лицу, субъект преступления, исходя из своих психофизиологических характеристик и объективных факторов, в частности, ситуационного характера, избирает способ совершения преступления – убийства: использование для умышленного причинения

смерти огнестрельного или иного оружия, отравление, удушение, сбрасывание с высоты и др.; для совершения изнасилования субъекту необходимо совершить насильственный половой акт, преодолев определенным способом сопротивление потерпевшей);

– в результате совершения соответствующих действий, predeterminedных способом совершения преступления, остаются определенные типовые следы на соответствующих (типовых) объектах-следоносителях;

– отсутствие следа есть также важный криминалистически значимый признак, указывающий, например, на криминальную инсценировку;

– исследование соответствующих объектов-следоносителей осуществляется на основе спланированной (типовой) деятельности следователя¹⁰.

Как видно из указанных постулатов, появление типичных (ожидаемых) следов есть результат реализации объективной стороны преступления, или, говоря проще, – действий (бездействия) преступника.

Установление же криминалистически значимых обстоятельств (обстоятельств, связанных с событием преступного деяния) суть иной деятельности – по переработке механизма следообразования на основе типичных версий.

К слову отметим, что в 1935 г. группой российских ученых-криминалистов (В. И. Громыным, С. М. Потаповым, И. Н. Якимовым и др.) для достижения целей расследования (предлагались типовые схемы расследования) была предложена классификация преступлений, предусматривающая их подразделение на три основные группы.

1. Преступления, оставляющие определенные материальные следы на предметах внешнего мира (террористические акты, убийства, кражи, поджоги и др.).

По этим делам расследование рекомендовалось начинать с исследования этих следов и от них идти к исследованию других обстоятельств дела.

В частности, после осмотра места происшествия рекомендовалось допросить «наличных свидетелей», т. е. тех, кто был очевидцем или первым обнаружил происшествие, или что-либо знает о нем, а также потерпевших и др.

Обнаруженные материальные следы рекомендовалось подвергнуть экспертному исследованию.

2. Преступления, непосредственно материальных следов не оставляющие (должностные и хозяйственные преступления).

Отправной точкой расследования преступлений данной группы, по мнению авторов данной классификации, являлся анализ действий конкретных лиц (обвиняемых), исходя из информации, носителем которой выступают письменные документы и свидетельские показания.

В первую очередь рекомендовалось изучить поступившие материалы, принять меры к уточнению фактической стороны преступления, допросить лиц, обладающих криминалистически значимой информацией, назначить бухгалтерскую экспертизу.

3. Промежуточные виды преступлений (например, дела о нарушении правил техники безопасности).

При расследовании преступлений третьей группы одинаково важную роль играют как анализ информации, имеющейся на месте происшествия, так и криминалистическое исследование документов.

В качестве отдельной методической рекомендации рассматривалась типовая схема расследования после привлечения обвиняемого (главной задачей рассматривалась проверка обоснованности обвинения на основании информации,

полученной непосредственно от обвиняемого и анализа полученных объективных данных)¹¹.

Однако указанные схемы расследования носили, главным образом, характер общих методических рекомендаций (для достаточно объемных классов преступлений), указывающих, в частности, на определенную последовательность производства следственных мероприятий. При этом во внимание принимался, так сказать, «общий план» следовой обстановки совершенных преступлений, не отражающий криминалистическую общность механизма слеодообразования преступлений тех или иных видов (что, например, общего, типичного в «следовых картинах» краж и поджогов?).

Что же касается основанных на вышеприведенной классификации преступлений типовых схем расследования, то, в принципе, их можно именовать общими методиками расследования, отражающими наиболее общие закономерности криминалистической деятельности¹². Однако предмет методики расследования преступлений составляют закономерности поисково-познавательных процессов, обусловленные именно следовой картиной¹³.

Так, возвращаясь к научным постулатам, сформулированным О. Я. Баевым, исследовавшим криминалистические черты многочисленных видов преступлений, следует отметить, что О. Я. Баев выявил обусловленные типовым механизмом слеодообразования классы криминалистически сходных видов преступлений, расследование которых, образно выражаясь, «подчиняется» единым методикам (к примеру, методика расследования изнасилований и насильственных действий сексуального характера).

Более того, О. Я. Баевым на данной методологической основе были выявлены особенности криминалистического

сходства более двадцати видов преступлений, совершаемых по должности и службе, что, в свою очередь, позволяет рассматривать такого рода совокупность преступлений в качестве объекта единой криминалистической методики – методики расследования умышленных преступлений, совершаемых по должности и службе. При этом важно обратить внимание и на то, что многие из выделенных О. Я. Баевым видов деяний предусмотрены в различных главах и разделах УК РФ¹⁴.

В криминалистической литературе нет единства мнений о принципах построения (формирования) криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений (Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, И. А. Возгрин, О. А. Крестовников, А. В. Шмонин и др.).

В сути своей, все принципы имеют теоретическое и практическое значение. Однако для большей убедительности (в прагматическом плане), как нам представляется, необходима конкретизация отдельных принципов, выраженных в наиболее общих их системах.

Так, например, О. А. Крестовников выделяет следующие принципы:

- принцип типизации;
- принцип оптимального уровня общности методики;
- принцип системности;
- принцип оптимального уровня алгоритмизации¹⁵.

В частности, характеризуя принцип типизации, О. А. Крестовников отмечает, что криминалистическая методика должна исходить из многофакторной модели исследуемого типа преступной деятельности, закономерных связей между различными элементами этой деятельности¹⁶.

Нам думается, что данный принцип может быть представлен системой ряда принципиально значимых положений, к которым следует отнести:

– учет уголовно-правовой классификации преступлений и, в частности, состава преступления;

– учет типовых элементов криминалистической характеристики преступлений определенного вида (по терминологии О. А. Крестовникова, – «типовой информационной модели преступления»; к слову, заметим, что обоснование О. А. Крестовниковым отличия последней из приведенных категорий от традиционной категории «криминалистической характеристики преступлений» является не вполне убедительным¹⁷);

– учет криминалистической классификации преступлений;

– учет типовой следственной ситуации;

– учет типового перечня обстоятельств, подлежащих установлению по расследуемому уголовному делу.

Принцип оптимального уровня общности методики, на наш взгляд, должен предполагать в качестве основополагающей подсистемы учет типового механизма следообразования (значимость указанной конструкции в положениях, сформулированных О. Я. Баевым, определена в вышеуказанных положениях настоящей публикации).

Последние из указанных О. А. Крестовниковым два принципа (принцип системности и принцип оптимального уровня алгоритмизации), в сути своей, по нашему мнению, представляют собой единый постулат.

Собственно и сам автор отмечает, что «методика представляет не механическую сумму отдельных рекомендаций и советов, а целостную систему, представляющую программу или алгоритм деятельности, обеспечивающей получение намеченного результата»¹⁸.

Характеризуя данный принцип более конкретно, нам видится в нем, так ска-

зать, этапность в методике расследования, предполагающая определенные действия (следственные и оперативно-розыскные), выполняемые в определенной методической (значимой для целей расследования) последовательности.

Структурообразующими элементами криминалистической методики расследования преступлений (в широком смысле), как представляется нам, являются исходные положения криминалистической методики (частных методик расследования), отраженные в вышеобозначенных принципах ее построения, а также в определенных классификационных разновидностях.

Так, исходя из обобщения научных представлений о систематике частных криминалистических методик, на наш взгляд, можно выделить следующие их подсистемы:

1) видовые криминалистические методики (методика расследования краж; методика расследования убийств и т. п.);

2) подвидовые криминалистические методики (методика расследования квартирных краж; методика расследования убийств матерью новорожденного ребенка и т. п.);

3) групповые криминалистические методики (методика расследования криминалистически сходных видов преступлений, например, методика расследования изнасилований и насильственных действий сексуального характера).

Сразу же оговоримся, что на доктринальном уровне понятие групповой методики толкуется и иначе – в более широком смысле.

Так, например, В. П. Бахин использует понятие «вневидовых» методик расследования – методик, отражающих иные особенности расследуемых групп преступлений. К таковым В. П. Бахин относит методику расследования преступлений

несовершеннолетних, методику расследования преступлений, совершенных иностранцами (либо против них), методику расследования преступлений прошлых лет. По замечанию указанного автора, в основе таких методик находятся особенности, обусловленные спецификой личности субъекта преступления, проявлением фактора времени и другими обстоятельствами, отражающими своеобразие совершения и расследования данных групп преступлений¹⁹.

Нам же представляется, что выделение такого рода криминалистических методик есть систематика наиболее общего уровня, требующая своей детализации (опосредования) применительно к отдельному виду или группе преступлений.

В ином случае (без такого рода детализации) следует вести речь, главным образом, об особенностях (в частности, тактического характера) или же методических основах расследования преступлений, совершаемых субъектами той или иной классификационной группы.

Так, обобщенный опыт расследования преступлений отдельных видов, совершаемых, к примеру, лицами женского пола, опосредованно позволяет говорить о типичных следах, указывающих на типовые признаки субъекта (лицо женского пола), причастного к определенному виду преступлений.

В методическом плане знание таких криминалистических особенностей, безусловно, имеет значение в первую очередь для выдвижения и проверки следственных версий (версии о субъекте преступления).

То же самое можно сказать, например, о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними лицами.

Гораздо более значительным разнообразием по совершаемым видам преступлений от подростковой и женской

преступности отличается структура, например, рецидивной «мужской» преступности.

Однако, даже учитывая некоторые общие черты преступлений, совершаемых субъектами той или иной классификационной группы (будь то женщины, несовершеннолетние или рецидивисты), вряд ли можно всерьез вести речь о единстве методик расследования, например:

- мошенничества, совершенного женщиной, и детоубийства (убийства матерью новорожденного ребенка);

- изнасилования, совершенного подростком, и совершенной им же кражи; и т. п.

Все эти преступления настолько различны по своим сущностным характеристикам (предопределенным в первую очередь объективными признаками деяния), что признак субъекта, их совершающего, в методическом плане не может иметь доминирующего системообразующего значения.

В этом плане мы совершенно солидарны с мнением О. А. Крестовникова, отмечающего, что «преступления, лишённые родства по способу и механизму и поэтому не имеющие общей информационной матрицы, не могут рассматриваться в одной методике, поскольку такая методика не может предложить общей системы криминалистических средств для их расследования»²⁰.

Происходят социальные преобразования, изменяются законы; отдельные нормы уголовного закона декриминализируются, другие деяния, напротив, обретают статус преступных. В этой связи необходимы новые научные разработки, обобщения, систематизации в области криминалистической методики – раздела криминалистики, образно выражаясь, – с прагматических позиций наиболее «уязвимого криминальной действительностью».

- ¹ См.: Журавель В. А. Концептуальные подходы к модернизации криминалистических методик // Современное состояние и развитие криминалистики / под ред. Н. П. Яблокова, В. Ю. Шепитько. Харьков, 2012. С. 187.
- ² См.: Бахин В. П. Криминалистика. Проблемы и мнения (1962–2002). Киев, 2002. С. 176.
- ³ Криминалистика. Часть вторая / под ред. С. П. Митричева, П. И. Тарасова-Родионова. М., 1952. С. 4.
- ⁴ Криминалистика / под ред. И. Ф. Крылова. Л., 1976. С. 436.
- ⁵ Криминалистика / под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. М., 1988. С. 23.
- ⁶ См.: Там же. С. 5.
- ⁷ См.: Там же. С. 7.
- ⁸ Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978. С. 24.
- ⁹ Баев О. Я. Методические основы расследования преступлений. Часть 1. Механизм следообразования как структурирующее начало методики расследования преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 2 (25). С. 351.
- ¹⁰ См.: Баев О. Я. Криминалистика. Лекционный курс. М., 2017. С. 291–309.
- ¹¹ Приводится по: Васильев А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. С. 35–36.
- ¹² См.: Крестовников О. А. Системно-деятельностный анализ методологии криминалистики. М., 2013. С. 250–251.
- ¹³ См.: Корноухов В. Е. Методика расследования преступлений : теоретические основы. М., 2010. С. 137.
- ¹⁴ См.: Баев О. Я. Криминалистика. Лекционный курс. С. 328–329.
- ¹⁵ См.: Крестовников О. А. Указ. соч. С. 249–252.
- ¹⁶ См.: Там же. С. 249.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 85–96.
- ¹⁸ Там же. С. 251–252.
- ¹⁹ См.: Бахин В. П. Указ. соч. С. 186.
- ²⁰ Крестовников О. А. Указ. соч. С. 251.

Воронежский государственный университет

Стояновский М. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

E-mail: mstoyanovskiy@mail.ru
Тел.: 8-910-282-54-19

Voronezh State University

Stoyanovsky M. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: mstoyanovskiy@mail.ru
Tel.: 8-910-282-54-19

Л. А. Суворова, М. С. Цуроев

Воронежский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ПО ГОЛОСУ И УСТНОЙ РЕЧИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: в данной статье рассматриваются актуальные проблемы производства проведения опознания по голосу и устной речи, а также даются рекомендации по практическому производству этого следственного действия.

Ключевые слова: криминалистика, предъявление для опознания, опознание по голосу, практические рекомендации.

PROBLEMS OF VOICE AND SPEECH IDENTIFICATION DURING THE IDENTIFICATION PARADE

Abstract: the article deals with the modern problems of voice and verbal speech identification parade and develops some suggestions for practical use of this investigative action.

Key words: forensics, identification parade, voice identification, practical suggestions.

Поступила в редакцию 20 октября 2018 г.

Статья 193 УПК РФ регламентирует производство предъявления для опознания. Это одно из следственных действий (в частности, наряду с допросом), в ходе которого происходит «работа» с идеальными следами.

Применительно к принятым в криминалистике категориям опознание – один из способов отождествления. Отождествление, как известно, может проводиться как по материально-фиксированным отображениям (например, следы), так и по чувственно-конкретным представлениям (образам), сохранившимся в памяти человека.

В следственной практике установление тождества объектов по материальным отображениям в основном проводится судебной экспертизой, а по памя-

ти – следственным действием – предъявлением для опознания.

Предъявление для опознания представляет собой процессуальное отождествление по мысленному образу лицом объекта, который оно ранее воспринимало. Восприятие объекта до опознания и его отождествление во время опознания происходят без использования специальных познаний и технических средств. Этим оно отличается от идентификационной экспертизы.

Необходимость в опознании возникает тогда, когда нужно установить, является ли данный объект тем самым, который ранее воспринимал опознающий, т. е. осуществить идентификацию. Опознание – это «процесс и результат отнесения предъявленного объекта к определенному ранее сформированному психическому образу»¹, действие сличения наличного стимула с уже созданным и за-

писанным в памяти эталоном, отнесение стимула к определенной категории².

При производстве опознания опознающий производит мысленное сравнение запечатленного в его памяти образа ранее наблюдавшегося объекта с объектом идентифицируемым, предъявляемым ему в числе других объектов. Итогом этого сравнения служит логический вывод об их тождестве, сходстве или различии³.

В основе этого следственного действия лежит психическое узнавание. Психологи различают два основных вида узнавания⁴: симультанное⁵ (синтетическое) и сукцессивное⁶ (аналитическое). Верным, на наш взгляд, является мнение, что «положение УПК о необходимости выяснить признаки объекта, который предъявляется для опознания, фактически закрепляет сукцессивное узнавание»⁷ как способ формирования соответствующего судебного доказательства.

Следует обратить внимание на то, что при опознании весь механизм мыслительного информационно-логического процесса узнавания скрыт от следователя и не подлежит количественным измерениям и математическим описаниям. Следователю сообщаются опознающим лишь конечные результаты, надежность которых он должен проверить путем анализа и сопоставления с другими доказательствами. Поэтому можно сделать вывод о том, что получение информации о содержании следа памяти в ходе следственных действий является одной из центральных проблем криминалистики, поскольку в познании любого преступления значительное место занимают свидетельства очевидцев преступного события, которое запечатлелось в их сознании в виде следов памяти⁸.

Наряду с другими видами предъявления для опознания в теории и практике выделяются повторное и неоднократное опознание. В ч. 3 ст. 193 УПК РФ закреп-

лено, что не может проводиться повторное опознание лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам. Запрет повторного опознания связан с возникновением в этом случае практически неустранимого сомнения в том, что опознающий узнал объект не по тому образу, который сохранился в памяти с момента преступления, а по тому, который возник в результате первоначального опознания. Вместе с тем важно уточнить, что повторным является опознание тем же лицом и по тем же самым признакам. Повторное опознание не допускается и тогда, когда первоначальное было проведено с существенным нарушением норм УПК или когда первоначальное узнавание состоялось вне процессуальной формы (например, при оперативном отождествлении личности).

Как правило, неоднократные предъявления для опознания связаны с продолжительными поисками преступника, которые чреваты тем, что со временем в памяти пострадавшего образ человека, подлежащего опознанию, стирается. Анализ следственной и судебной практики свидетельствует еще и о том, что неоднократное восприятие разных предъявляемых лиц с определенным промежутком времени приводит к угасанию прежнего образа, возникшего от первоначального восприятия. Случалось, когда после неоднократного участия в предъявлении для опознания, направленного на установление искомого лица, опознающий терял уверенность в возможности опознания и сам осознавал это или же ошибочно заявлял об опознании тех или иных граждан, признавая их за то лицо, которое наблюдалось им ранее.

В. В. Степанов и Ю. Н. Михайлова отмечают, что, несмотря на законодательное закрепление объектов предъявления для опознания (лицо, в том числе по фотографии, предмет, труп), до сих

пор возможности данного следственного действия трактуют в теории и на практике гораздо шире, чем это вытекает из закона. Так, результаты проведенного анкетирования показали, что работники правоохранительных органов считают возможным предъявление для опознания почерка, участков местности и помещений и других объектов, не включенных в норму права⁹. Это свидетельствует о том, что законодательство не успевает за объективными процессами, происходящими в обществе.

Также к «нетрадиционным» для данного следственного действия объектам опознания, а потому вызывающим споры на практике о его допустимости, относятся человеческий голос и речь, походка, запах.

Закон прямо предусматривает лишь визуальное опознание, что вытекает из используемых терминов: «они видели» (ч. 2 ст. 193), «внешне сходных» (ч. 4 ст. 193). Однако опознание возможно и с помощью других органов чувств при опознании по голосу и речи, на ощупь (слепой вполне способен узнать объект по тактильным ощущениям, что может быть дополнительно подтверждено следственным экспериментом). Если в восприятии лица, наблюдавшего ранее исследуемый объект, активно участвовало несколько видов ощущений, возможно проведение не одного, а нескольких опознаний. При этом следует выбрать правильную последовательность проведения каждого из опознаний, чтобы предыдущее не ставило под сомнение последующее. Например, сначала проводится опознание по голосу и речи, затем по признакам внешности или по походке.

Из числа динамических признаков, характеризующих внешность человека, как наиболее ценные для опознания рассматриваются особенности голоса (речи) и походки.

В контексте настоящей статьи остановимся на проблемах такого вида предъявления для опознания по динамическим (функциональным) признакам, как опознание по голосу (речи).

Следует отметить, что ряд авторов (как правило, входящих в состав адвокатского сообщества) приходят к выводу об отсутствии предусмотренной в законе возможности производства опознания по признакам, которые недоступны опознающему путем визуального наблюдения за объектом, например, по голосу, запаху, вкусу и т. п. «Этот вывод, – отмечает Е. А. Рубинштейн, – основывается на буквальном толковании ч. 2 ст. 193 УПК РФ, в которой указывается, что опознающие допрашиваются об обстоятельствах, при которых они *видели* объекты и, следовательно, могут указать на их приметы и особенности. Фиксация мысленного образа объекта с помощью иных органов чувств (обоняния, осязания, слуха, вкуса) не имеет значения для уголовного процесса, поскольку не позволяет адекватно проверить соответствие между мыслительным образом и самим объектом»¹⁰.

Считаем целесообразным привести мнение адвоката А. Васильева о допустимости такого доказательства, как опознание по голосу (авторский стиль изложения сохранен).

«Квалифицированный адвокат по уголовным делам, – разъясняет А. Васильев, – должен знать, какие возражения он как защитник может выдвинуть для того, чтобы опорочить доказательство, полученное в результате проведения подобного следственного действия.

Эти возражения таковы:

1. Название протокола (Протокол предъявления лица для опознания) не соответствует сущности проведенного по уголовному делу следственного действия. В действительности Потерпевшему предъявлялось не лицо (в данном случае –

Подозреваемый), а звукозапись его голоса и речи. Имело место следственное действие, не предусмотренное уголовно-процессуальным законом.

2. Нормы ст. 193 УПК РФ допускают исключительно визуальное опознание. В этом нетрудно убедиться, если рассмотреть их в совокупности. Способность человека устанавливать тождество наблюдаемых в разное время лиц или предметов по их характерным приметам и особенностям сомнению не подлежит. Но критически важно, что эта способность может быть проконтролирована следователем и судом (да и адвокатом тоже): одним из главных процессуальных условий предъявления лица для опознания является предварительный допрос опознающего о приметах и особенностях, по которым лицо или предмет могут быть опознаны (см. ч. 2 ст. 193 УПК), и его последующие объяснения, по каким приметам или особенностям он опознал данное лицо или предмет (см. ч. 7 ст. 193 УПК РФ).

Но звуки голоса в большинстве случаев не поддаются детальному описанию. Поэтому требования ч. 2 ст. 193 УПК РФ при опознании по голосу не могут быть соблюдены.

3. Отсутствие в уголовно-процессуальном законе указания на возможность опознания человека по голосу и речи вовсе не является пробелом в законодательстве, поскольку способность человека к надежному опознанию по голосу другого человека не может быть научно обоснована. Бывший заместитель начальника отдела фоноскопических экспертиз ЭКЦ МВД России, автор-разработчик методик проведения этих экспертиз полковник милиции доктор юридических и филологических наук, профессор Елена Галяшина в одной из своих книг отмечает: «Основным недостатком метода аудитивного (т. е. слухового. – А. В.) анализа... является его субъективный характер и высокая обу-

словленность индивидуальными врожденными или тренированными способностями эксперта к аудитивному восприятию речевых особенностей. Поэтому данный метод используется только в совокупности с другими более объективными методами анализа речевых сигналов» (см. издание «Судебная фоноскопическая экспертиза». М., 2001. С. 207).

Примечание: здесь Галяшина имеет в виду инструментальные методы, т. е. применение экспертом специальных компьютерных программ. Только совокупность различных методов (аудитивный, речевой и инструментальный) дает надежный и достоверный результат идентификации подозреваемого лица. Таким образом, в уголовном деле речь может идти только о фоноскопической экспертизе, но не об опознании по голосу.

4. В итоге всех перечисленных выше нарушений страдает установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок собирания доказательств, что дает адвокату по уголовным делам основания для ходатайства об исключении из перечня доказательств протокола предъявления лица для опознания»¹¹.

Соглашаясь, что отсутствие детальной регламентации процедуры опознания по речи и голосу или хотя бы указания на возможность такого вида опознания в нормах уголовно-процессуального законодательства вызывает проблемы на практике, связанные с ходатайствами стороны защиты о признании протоколов данных следственных действий недопустимыми доказательствами, следует отметить возникшую насущную практическую потребность в данном виде опознания, обусловленную в ряде случаев особенностями совершения преступлений (например, вымогательство по телефону).

Полагаем, что идентификация человека по функциональным (динамическим) признакам возможна в силу их ин-

дивидуальности, устойчивости и относительной неизменяемости.

«Отождествление личности по таким признакам, – отмечает А. И. Попов, – оказывается возможным вследствие того, что они могут индивидуализировать человека, выделять его из совокупности других лиц»¹².

Особенностью предъявления для опознания по голосу является то, что идеальное отражение, сохранившееся в памяти опознающего, было получено не *визуальным* способом (т. е. с помощью органов зрения), а *аудиальным* (т. е. с помощью органов слуха). Поэтому и в процессе опознания решающую роль будут играть те анализаторы, которые являлись ведущими в процессе восприятия информации.

Частные признаки голоса и речи связаны чаще всего с индивидуальным строением гортани, дефектами голосового аппарата, заболеваниями горла. Большинство криминалистов среди особенностей речи выделяют темп и недостатки произношения (местный говор, картавость, шепелявость и заикание¹³; косноязычие, своеобразие акцента¹⁴ и т. д.).

Голос – это звуковой компонент речи. Учитывая свойства голоса, исследователи предприняли попытки объединить их по соответствующим признакам в самостоятельные группы. Например, Г. И. Кочаров выделял в нем диапазон, высоту, силу и тембр¹⁵; Н. В. Терзиев делил голоса на мужской, женский, детский, юношеский, старческий; по тембру – на низкий, средний, высокий; по звуку – на звонкий, глухой, хриплый, грудной, носовой, гортанный; по интонации – на сухой, певучий, мягкий, резкий, протяжный, отрывистый; по силе – на слабый, средний, сильный¹⁶; З. Г. Самошина различает голоса по тембру (сопрано, дискант, тенор, альт, баритон, бас), по силе (слабый, средний, сильный), среди особенностей выделяет хрипоту и осиплость¹⁷ и т. д.

Опознание по голосу в процессе расследования преступлений используется гораздо реже, чем опознание по внешности. Отчасти это связано с тем, что в теории недостаточно разработана методология проведения данного вида опознания. Поэтому определенный интерес представляет экспериментальный материал, касающийся проблемы распознавания личности говорящего по голосу¹⁸.

В одном из городских скверов поздно вечером находились Х. и его знакомая Р. Неожиданно к ним подошел мужчина, который вначале попросил закурить, сказал несколько фраз по поводу своего нахождения в сквере, а затем отозвал на несколько шагов в сторону Х. Там неизвестный продолжал разговор достаточно громко, из которого Р. поняла, что тот намеревается ее изнасиловать. Затем Р. услышала, как вскрикнул Х., и увидела, что он упал. Неизвестный быстро прошел мимо, произнося угрозы, и скрылся, Р. бросилась к Х., который скончался у нее на глазах от обширной раны в груди.

На допросе Р. показала, что в темноте она не рассмотрела детально черты лица преступника. Она запомнила, что это был мужчина выше среднего роста, худощавый, с большой шевелюрой и усами. При этом она хорошо запомнила его голос и речь, так как в темноте внимательно вслушивалась в разговор неизвестного с Х. В числе отличительных черт признаков Р. назвала глуховатые тона голоса, слова, произносимые как бы в нос, некоторую задержку при произнесении первой буквы в слове, монотонность речи. Она запомнила фразы, которые произносил преступник.

В эту же ночь сотрудниками уголовного розыска на основании примет и оперативных учетов преступник был задержан. При обыске в его квартире обнаружены вещественные доказательства как этого преступления, так и других нераскрытых убийств, совершенных на сексуальной поч-

ве. В ходе следствия возникла необходимость предъявления Р. подозреваемого для опознания. С учетом ее показаний опознание следовало произвести по голосу и особенностям речи. Организовано оно было следующим образом.

Кабинет разгородили плотной шторой. На одной половине были размещены опознаваемый в числе еще трех человек. Здесь же находились следователь, двое понятых, специалист-криминалист с видеокамерой и синхронной звукозаписью. В другой половине кабинета за ширмой также расположились двое понятых, специалист-криминалист с видеокамерой, синхронной звукозаписью и следователь, ведущий уголовное дело. Опознаваемых следователь обозначил по номерам: первый, второй, третий, четвертый – и через сотрудника милиции пригласил опознающую в ту часть кабинета, которая отгорожена ширмой от опознаваемых. Разъяснив Р. порядок предъявления для опознания, следователь через ширму предложил предъявляемым поочередно, называя свой номер, произносить соответствующий текст, который включал слова и фразы, запомнившиеся опознающей.

Прослушав эти небольшие тексты, Р. опознала голос и особенности речи человека под номером три. На вопрос следователя она ответила, что хотела бы еще раз услышать голоса предъявляемых для опознания. Тексты были произнесены вновь, но уже в другой очередности. Опознающая и в этом случае указала на голос того же человека, несмотря на то, что он говорил под другим номером. На вопрос следователя опознающая заявила, что уверена в том, что опознала голос того самого человека, который убил Х.¹⁹

Приведем один неоднозначный пример из следственной практики автора данной статьи, где предъявление для опознания по голосу по своей сути больше походило на следственный эксперимент.

На турбазе «Веневитиново» отдыхали студенты ВГУ и Воронежского политехнического института. Одна компания примерно из двадцати человек в ходе распития спиртного начала «приставать» к другим студентам, в результате чего возник конфликт, который перерос в массовую обоюдную драку. Один из участников, студент С., погиб. В ходе предварительного расследования по возбужденному уголовному делу были установлены все участники конфликта, но не удалось выяснить, кто именно нанес удар ножом и был причинителем смерти С. Ни один из них не признавал, что участвовал в драке; все говорили, что не видели, кто нанес смертельный удар, так как стояли поодаль. Однако был установлен свидетель – девушка Н., которая в момент драки находилась внутри домика, возле которого происходила драка. Она слышала, как один из участников конфликта кричал: «Бейте, режьте его!».

Девушка хорошо запомнила голос и тембр кричавшего. Было принято решение о предъявлении для опознания по голосу всех двадцати человек.

Девушка находилась в комнате вместе с понятыми и следователем. В соседнюю комнату приглашалось по трое опознаваемых, там также присутствовала еще пара понятых. Все опознаваемые по очереди произносили установленную фразу. По результатам предъявления для опознания каждой тройки составлялся протокол.

На шестой тройке девушка узнала голос М. В протоколе следственного действия отметили только порядковый номер опознаваемого, пока не предлагая ему назвать свою фамилию. В рамках этого же следственного действия М. предложили выбрать очередность и повторить фразу, он решил говорить первым. После всех трех прослушанных голосов девушка пояснила, что ей знаком первый, что

также отметили в протоколе. Затем М. опять предложили произнести установленную фразу в избранной им очередности. На этот раз М. решил говорить третьим, девушка снова его опознала. После этого М. предложили назвать свою фамилию и отразили это в протоколе. Также в протоколе было указано, при каких обстоятельствах девушка слышала этот голос и что она его узнает по тембру (баритон), по интонации (сухой, отрывистый), а также по хрипоте и осиплости.

Вступивший в уголовное дело адвокат заявил ходатайство о признании предъявления для опознания М. недопустимым доказательством, поскольку такой вид опознания не предусмотрен УПК РФ. Кроме того, по его мнению, не было ясно, каким образом по указанным признакам девушка смогла опознать М., не имея специальных навыков. В ходе предварительного расследования было установлено, что девушка имела высшее музыкальное образование (копия диплома была приобщена к уголовному делу).

В последующем М. признал свое участие в драке и указал на человека, который нанес удар ножом погибшему С.

На практике возникают ситуации, когда расследуются, так сказать, «дистанционные» преступления, т. е. когда потерпевший вообще не видел преступника, так как тот находился в другом месте и общение между ними происходило по телефону.

Осужденный К., отбывающий наказание в исправительной колонии в виде лишения свободы за совершение изнасилования, с помощью телефона выходил в Интернет, где в социальных сетях познакомился с девочкой восьми лет, несколько раз с ней созванивался. Войдя в доверие, К. склонял девочку к тому, чтобы она прислала ему свои фото в обнаженном виде. Девочка рассказала об этом родителям, и по их заявлению было возбуждено уголов-

ное дело. В ходе предварительного расследования был установлен номер телефона, с которого осуществлялся выход в Интернет и звонки девочке. В ходе одного из обысков данный телефон был обнаружен в камере у осужденного К. Однако К. утверждал, что этот телефон «был в пользовании у всей зоны» и, по его мнению, не было оснований полагать, что развращал девочку именно он.

Девочка в ходе допроса смогла описать признаки голоса, и было принято решение провести опознание по схеме, описанной в предыдущем примере. Каждый из трех раз она узнавала именно голос К.

После опознания К. признал вину.

Следует отметить, что Верховный Суд РФ в своих решениях признает правомерным опознание лица по голосу²⁰.

В связи с этим целесообразно предложить следующие методические правила проведения подобного вида опознания:

а) опознающий подробно допрашивается об обстоятельствах, при которых он слышал устную речь опознаваемого, и ее характерных особенностях;

б) в одной из смежных комнат с открытой дверью в другую комнату размещаются опознающий, четверо понятых и следователь, разъясняющий указанным лицам их права и обязанности (если понятых можно разместить так, чтобы они видели и слышали все происходящее в обеих комнатах, то достаточно двух человек);

в) если опознающими являются свидетель или потерпевший, они предупреждаются об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Опознающему разъясняется, что какие-либо высказывания в ходе опознания он может сделать только после вопроса следователя или при завершении опознания;

г) следователь и двое понятых переходят в соседнюю комнату, куда также

приглашаются опознаваемый и еще двое заранее подобранных лиц, голоса которых не сильно отличаются от голоса опознаваемого (на этом этапе данного следственного действия опознающий и предъявляемые ему лица, находясь в разных комнатах, не должны видеть друг друга);

д) следователь предупреждает присутствующих о проведении опознания, однако не говорит, что оно будет осуществлено по устной речи, и предлагает опознаваемому занять любое место среди предъявляемых лиц;

е) следователь по очереди (очередность выбирается опознаваемым) начинает беседовать на отвлеченную тему с предъявляемыми лицами, а также предлагает им прочесть заранее подготовленный текст, содержащий отдельные слова, которые опознаваемый произносил, когда его ранее слышал опознающий. Беседа должна проводиться таким образом, чтобы по характеру вопросов и ответов опознающий не мог догадаться, кто является опознаваемым;

ж) после двукратного проведения беседы с каждым из предъявляемых лиц следователь останавливается в дверях между комнатами и предлагает опознающему сообщить результаты опознания,

указав, каким по счету в порядке очередности отвечал человек, которого он опознал;

з) по предложению следователя опознающий проходит в комнату, где находятся предъявляемые лица, и еще раз говорит, опознал ли он кого-либо по устной речи, и если да, то по каким ее признакам. Если следователь намерен затем провести опознание по внешности, то опознающий в помещение, где находится опознанный, не входит.

Опознающему и опознаваемому предлагается сделать по желанию дополнительные заявления, касающиеся проведенного следственного действия. В завершение следователь составляет протокол. При составлении протокола всем участникам следственного действия напоминает их право делать замечания, подлежащие занесению в протокол. Весь ход опознания целесообразно фиксировать с использованием аудио- или видеозаписи. Это позволит суду убедиться в объективности проведенного следственного действия и стать в определенной мере его непосредственным участником.

Кроме того, в случае необходимости может быть произведена видеофоноскопическая экспертиза по данным записям.

¹ Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии. М., 1996. С. 510.

² См.: Зинченко Т. П. Опознание и кодирование. Л., 1981. С. 9.

³ См.: Криминалистика : в 2 т. / под ред. Р. С. Белкина, В. П. Лаврова, И. М. Лузина. М., 1988. Т. 2. С. 119.

⁴ См.: Шехтер М. С. Психологические проблемы узнавания. М., 1967.

⁵ При одновременном узнавании лицо формирует свой вывод, исходя из общего узнавания объекта, в основном без анализа признаков (например, опознание часто наблюдаемых лиц). При одновременном узнавании происходит мгновенное совпадение образа человека (предмета), находящегося в памяти опознающего, и объекта, наблюдаемого им при предъявлении для опознания.

⁶ Сукцессивное узнавание происходит постепенно, путем мысленного сравнения, выделения, отбора и сопоставления отдельных признаков объекта, запечатленного в памяти и воспринимаемого при опознании.

⁷ Михайлова Ю. Н. Информационная сущность предъявления для опознания и его тактические основы : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 86.

⁸ См.: Тимошенко П. Ю. Тактические и технические аспекты обнаружения и использования идеальных отображений в криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1988. С. 27.

⁹ См.: Степанов В. В., Михайлова Ю. Н. Научные и правовые основы тактики предъявления для опознания при расследовании преступлений. Саратов, 2003. С. 22–23.

¹⁰ Рубинштейн Е. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под общ. ред. Г. М. Резника. М., 2014. С. 502.

¹¹ Опознание по голосу недостоверно и незаконно. URL: www.advoc.biz/stats/iz-dokumentov/oroznanie-po-golosu.html (дата обращения: 13.10.2018).

¹² Попов А. И. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / под общ. ред. О. Г. Ковалева. М., 2007. Т. 1. С. 677.

¹³ См.: Кочаров Г. И. Опознание на предварительном следствии. М., 1995. С. 34.

¹⁴ См.: Самошина З. Г. Криминалистическое отождествление человека по признакам внешности. М., 1963. С. 22.

¹⁵ См.: Кочаров Г. И. Опознание на предварительном следствии. М., 1995. С. 34.

¹⁶ См.: Терзиев Н. В. Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности. М., 1956. С. 94.

¹⁷ См.: Самошина З. Г. Криминалистическое отождествление человека по признакам внешности. М., 1963. С. 21.

¹⁸ См.: Пашина А. Х., Морозов В. П. Опознание личности по голосу на основе его нормального и инвертированного во времени звучания // Психологический журнал. 1990. Т. 11, № 3. С. 70–78.

¹⁹ См.: Гинзбург А. Я. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике. М., 1996. С. 43–44.

²⁰ См.: Определение ВС РФ от 7 апреля 2006 г. № 43-О06-4сп.

Воронежский государственный университет

Суворова Л. А., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики, адвокат
ВОКА АК «Баев и партнеры»

E-mail: maidon@yandex.ru
Tel.: 8-903-851-59-51

Цуроев М. С., преподаватель кафедры
криминалистики

E-mail: msturoev@fkr36.ru
Tel.: 8 (473) 220-85-14

Voronezh State University

Suvorova L. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Forensics Department,
Attorney

E-mail: maidon@yandex.ru
Tel.: 8-903-851-59-51

Tsuroev M. S., Lecturer of Forensics
Department

E-mail: msturoev@fkr36.ru
Tel.: 8 (473) 220-85-14

О. Ю. Цурлуй

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИКИ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы использования криминалистических знаний участниками уголовного судопроизводства в связи с осуществлением ими своих процессуальных функций. Особое внимание уделено активности суда в осуществлении доказывания в ходе судебного следствия.

Ключевые слова: криминалистические знания, доказывание, криминалистическая тактика, участники судебного разбирательства.

THE USE OF CRIMINALISTICS KNOWLEDGE IN COURT PROCEEDINGS AND ITS PLACE IN THE SYSTEM OF CRIMINALISTICS

Abstract: the article deals with questions of use of criminalistics knowledge by the criminal proceeding participants in connection with their functions. Special attention is paid to the activity of the court in the implementation of proof in trial.

Key words: criminalistics knowledge, prove, criminalistic tactics, criminal proceeding participants.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Уголовно-процессуальная деятельность складывается из системы основанных на законе процессуальных действий, совершаемых как органами государства, так и всеми участвующими в производстве по делу лицами, в том или ином процессуальном качестве вовлекаемыми в производство по делу и наделяемыми в этой связи процессуальными правами или обязанностями к совершению конкретных действий¹. Однако сложно представить эффективное расследование, раскрытие и рассмотрение уголовных дел без использования субъектами уголовно-процессуальной деятельности достижений криминалистики.

Безусловно, в состязательном судебном разбирательстве в доказывании по делу, которому и посвящен этап судебного следствия, необходимо активное участие именно сторон (как обвинения, так и защиты). На суд же возлагается исключительно функция разрешения дела, что внешне выражается в его известной пассивности, во всяком случае, по сравнению с участием суда в судебном разбирательстве, характерном для розыскного (следственного) типа процесса. Поэтому именно стороны нуждаются в криминалистической тактике судебного следствия, т.е. в первую очередь должны разрабатываться тактические приемы и рекомендации деятельности сторон в судебном следствии, с одной стороны, для

уголовного преследования, а с другой – для профессиональной защиты².

В уголовном судопроизводстве основными субъектами деятельности выступают участники уголовного судопроизводства, определяемые п. 58 ст. 5 УПК РФ как лица, принимающие участие в уголовном процессе. То есть это лица, уполномоченные законом осуществлять профессиональную деятельность, а также лица, являющиеся участниками уголовно-процессуальных отношений, не реализующие профессиональные полномочия, но наделенные правами и обязанностями при производстве по уголовному делу.

Условно участников уголовного судопроизводства можно разделить на лиц: 1) призванных выполнять профессиональные уголовно-процессуальные функции, реализовать определенные законом процессуальные полномочия; 2) исполняющих возложенные на них законом обязанности и реализующих предоставленные им права; 3) оказывающих содействие при выполнении отдельных процессуальных действий.

Первая группа представляет собой профессиональных участников уголовного судопроизводства, вторая и третья включают соответственно непрофессиональных участников процессуальной деятельности.

Основное содержание «уголовно-процессуальной деятельности, как отметил О. Я. Баев, состоит в уголовно-процессуальном исследовании преступлений, осуществляемом на всех стадиях и этапах этой деятельности, реализуется уполномоченными на то должностными лицами, органами и лицами, участвующими в ней в силу предписаний и разрешений закона»³. При этом «закономерности возникновения в результате совершения преступления информации, ее сохранения, возможности собирания и исследования подчиняются определенным объективным за-

кономерностям, которые изучает теория доказательств и криминалистика»⁴. «Именно криминалистика изучает закономерности возникновения, сохранения, переработки информации при доказывании, но в целях оптимизации средств и методов информационно-поисковой и познавательной деятельности при процессуальном исследовании преступлений»⁵. Формирование на основе такой информации доказательств осуществляется профессиональными участниками уголовного судопроизводства путем реализации ими своих функций и с использованием криминалистических средств и методов.

Необходимо заметить, что криминалистические рекомендации не могут быть сформулированы без указания адресата, на кого они рассчитаны. Каждое лицо, выполняющее профессионально какую-либо обязательную функцию, обладает своим процессуальным статусом, реализует предоставленные полномочия своими приемами и методами, по-разному оценивает одни и те же ситуации, складывающиеся на определенный момент, по-разному организует осуществление своей деятельности и достижение поставленных целей. Поэтому возможно говорить о разработке целенаправленных самостоятельных криминалистических рекомендаций и для следователя, и для государственного обвинителя, и для адвоката, а также криминалистических рекомендаций для судьи⁶.

Иными словами, к субъектам, чья профессиональная деятельность, регламентированная нормами уголовно-процессуального закона, направлена на исследование преступления с использованием криминалистических знаний, очевидно, относятся следователь (руководитель следственного органа), дознаватель (начальник подразделения дознания), прокурор, адвокат-защитник, адвокат –

представитель потерпевшего или свидетеля, суд.

Как утверждал О. Я. Баев, в рамках криминалистики исследуются «уголовно-релевантные закономерности преступной деятельности, возникновения и существования информации в результате совершения преступлений, ее собирания, исследования, использования и оценки и основанные на познании этих закономерностей средства и методы информационно-познавательной деятельности дознавателя, следователя, специалиста, эксперта, прокурора и адвоката, каждым в соответствии со своей процессуальной функцией и полномочиями»⁷.

Соответственно, под использованием криминалистических знаний в уголовно-процессуальной деятельности следует, на наш взгляд, понимать применение профессиональными субъектами уголовно-процессуального исследования преступления средств криминалистической техники, тактических приемов и методов расследования отдельных видов преступлений в целях собирания, исследования, использования и оценки доказательств.

Однако здесь возникает один нюанс. Такой раздел криминалистики, как криминалистическая техника, представляет собой совокупность научно обоснованных технических и научно-технических средств обнаружения, исследования и использования главным образом материальных доказательств. Следовательно, дознаватель при производстве следственных действий прибегают к использованию технических средств в вышеназванных целях как самостоятельно, так и с помощью эксперта или специалиста.

Методические положения расследования отдельных видов преступлений используют в своей деятельности следователь, дознаватель. Однако прибегать к научно обоснованным разработкам данного раздела криминалистики всецело может

и должен адвокат-защитник подозреваемого/обвиняемого в ходе адвокатского расследования. Представляется очевидным, что «выполнение адвокатом – защитником своей уголовно-процессуальной функции, рациональная и эффективная реализация им своих полномочий находят непосредственное выражение в его тактической и методической деятельности по защите представляемого лица от осуществляемого в отношении него уголовного преследования»⁸.

Особого внимания требует вопрос о субъектах криминалистической тактики. Криминалистическая тактика – это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих доказывание, и приемов конкретных процессуальных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию преступлений⁹. Содержание криминалистической тактики, по мнению О. Я. Баева, дает возможность «использования закономерностей возникновения, сохранения, собирания, исследования и оценки информации и разработки допустимых путей использования результатов проявления этих закономерностей на всех уровнях деятельности по доказыванию»¹⁰.

В предлагаемых криминалистикой способах доказывания находят свое отражение условия и порядок собирания, исследования и оценки доказательств, в том числе проведения отдельных следственных действий, планирования, организации и оценки на всех уровнях для достижения результата доказывания – выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию¹¹. Криминалистическая тактика – «подводная часть айсберга доказывания,

зачастую без нее доподлинное расследование и искание истины оказывается чисто обрядовой регистрацией всевозможных фактов, которые всплыли сами собой»¹².

Дискуссионным остается вопрос о суде как субъекте криминалистической тактики.

Как отмечал Л. Е. Ароцкер, криминалистическая тактика судебного следствия – это система основанных на уголовно-процессуальном законе приемов и методов планомерной подготовки и проведения судебного следствия и отдельных судебных действий, обеспечивающая установление истины по делу. Тактика судебного следствия определяется судом при рассмотрении каждого конкретного уголовного дела с учетом исследования всех доказательств¹³.

Бесспорно, «задача суда – единственного органа осуществления правосудия по уголовным делам – слушать, исследовать и принимать законное, обоснованное и справедливое решение. Суд по определению решает задачи не поискового, а чисто исследовательского характера»¹⁴.

О. Я. Баев справедливо заметил, что не суд как таковой, а две состязающиеся в суде стороны (обвинения и защиты) являются субъектами криминалистики, «потребителями» достижений этой науки при судебном рассмотрении уголовных дел: прокурор – государственный обвинитель и адвокат – защитник подсудимого. Стороны, осуществляя свои процессуальные функции, используют криминалистические средства для собирания, представления, исследования доказательств и убеждения суда в правомерности и обоснованности избранной позиции¹⁵.

Однако особенностью доказывания в стадии судебного разбирательства является то, что «суд осуществляет его не отдельно от сторон, а при их непосредственном и активном участии. При этом

суд, в том числе по собственной инициативе, вправе собирать новые доказательства для проверки сформированных сторонами соответствующих совокупностей доказательств»¹⁶, в связи с чем собирание судом доказательств служит целям «проверки обоснованности обвинения или доводов, приводимых стороной защиты»¹⁷.

Суд, выполняя свою главную задачу – ведение дела, разумеется, должен обладать правом вмешиваться в доказательственный процесс, активизируя стороны, в частности в ситуациях, когда стороны были поставлены ходом производства в неравные или несправедливые условия, грозящие одной из них неблагоприятным исходом дела¹⁸.

В свою очередь, толкование норм действующего уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих институт доказывания, в частности ст. 17, ч. 1 ст. 86, ч. 1 ст. 87, ст. 88 УПК РФ, позволяет, на наш взгляд, заключить, что суд является субъектом доказывания по уголовному делу. При этом в качестве способов собирания доказательств, в том числе в ходе судебного заседания, закон определил производство следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Перечень судебных действий следственного характера, производство которых разрешено в судебном следствии, достаточно широк, в связи с чем суд обладает достаточно обширными средствами доказывания в ходе судебного разбирательства по уголовному делу.

Как отмечает С. А. Шейфер, «право суда собирать новые доказательства является несомненным. Это необходимо для проверки уже имеющихся в уголовном деле доказательств, для устранения пробелов в доказательственном материале, касающемся существенных обстоятельств дела, для того, чтобы мотивировать итоговое решение по делу, привести

доказательства, на которых основан вывод суда»¹⁹.

Осуществление судом доказывания по уголовному делу необходимо, как отмечалось, для вынесения обоснованного итогового решения по делу. Постановление по каждому уголовному делу «законного, обоснованного и справедливого приговора, основанного на правильной проверке и оценке судом доказательств, представленных сторонами, не позволяет устранить суд от участия в исследовании материалов уголовного дела, поскольку позиция стороннего наблюдателя для суда не гарантирует реализацию назначения уголовного судопроизводства»²⁰.

В других же элементах этого процесса – проверке и оценке доказательств, – учитывая содержание функции разрешения дела, ограничение активности суда нельзя признать целесообразным. Во всяком случае, степень активности суда в проверке и оценке доказательств должна определяться необходимостью успешного осуществления функции разрешения дела, включая в конечном итоге принятие законного, обоснованного и справедливого решения по делу, к чему суд обязывается законом (ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 297 УПК РФ). Для успешной проверки и оценки

доказательств суд наделяется полномочиями по участию в их исследовании в ходе судебного следствия и должен делать это с той степенью активности и в целом эффективности, которая требуется для выполнения указанной обязанности²¹.

Следует согласиться с тем, что «устранение суда из числа субъектов доказывания резко снизит шансы на достижение указанной цели, уменьшит число гарантий ее достижения, и поэтому за судом должна оставаться обязанность принять все возможные меры к ее установлению»²². В связи с этим позволим себе высказать мнение о том, что деятельность суда по осуществлению доказывания не нарушает принцип состязательности, не доказывает ни вину, ни невиновность подсудимого. Деятельность суда при собирании, проверке и оценке доказательств в рамках судебного разбирательства необходима для вынесения справедливого и обоснованного приговора по уголовному делу.

Таким образом, эффективное участие суда в исследовании доказательств для решения задач, поставленных перед ним законом, предопределяет необходимость разработки и использования определенной тактики этой деятельности суда.

¹ См.: *Лупинская П. А.* Понятие уголовного судопроизводства // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 20.

² См.: *Мезинов Д. А.* К вопросу о значении тактики деятельности суда в состязательном судебном следствии // Российская юстиция. 2009. № 3.

³ *Баев О. Я.* Избранные труды : в 2 т. Воронеж, 2011. Т. 1. С. 317.

⁴ *Газетдинов Н. И.* Роль суда в состязательном процессе // Российский судья. 2007. № 11. С. 23.

⁵ Там же. С. 25.

⁶ См.: *Шукин В. И.* Защита доказательств в ходе расследования преступлений // Российский следователь. № 1. 2004. С. 2–7; *Яльшев С. А.* О некоторых нерешенных проблемах современной российской криминалистики // Российский следователь. 2012. № 12. С. 14–16.

⁷ *Баев О. Я.* К дискуссии об объекте, предмете и субъектной системе современной криминалистики // Воронежские криминалистические чтения. 2013. № 15. С. 57.

- ⁸ Баев М. О. Теоретические и практические основы профессиональной защиты от уголовного преследования : монография. М., 2014. С. 3.
- ⁹ См.: Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник для вузов. М., 1998. С. 453.
- ¹⁰ Баев О. Я. К дискуссии об объекте, предмете и субъектной системе современной криминалистики. С. 24.
- ¹¹ См.: Там же. С. 25.
- ¹² Громов В., Лаговнер Н. Искусство расследования преступлений. М., 1927. С. 130–131 ; Щукин В. И. Расследование незаконной перевозки запрещенных веществ и предметов на железнодорожном транспорте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 23.
- ¹³ См.: Ароцкер Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1964. С. 29.
- ¹⁴ Газетдинов Н. И. Роль суда в состязательном процессе // Российский судья. 2007. № 11. С. 28.
- ¹⁵ См.: Баев О. Я. Избранные труды. С. 583.
- ¹⁶ Андрющенко Т. И. Суд как субъект доказывания в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2012. С. 19.
- ¹⁷ Лупинская П. А. Указ. соч. С. 51.
- ¹⁸ См.: Криминалистика : учебник / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2011. С. 73.
- ¹⁹ Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам : проблемы теории и правового регулирования. М., 2009. С. 30–31.
- ²⁰ Аширбекова М. Роль суда в доказывании в призме правоприменения // Мировой судья. 2009. № 5. С. 8.
- ²¹ См.: Мезинов Д. А. К вопросу о значении тактики деятельности суда в состязательном судебном следствии // Российская юстиция. 2009. № 3.
- ²² Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 37.

Центральный филиал Российского
государственного университета правосудия

Цурлуй О. Ю., кандидат юридических наук,
доцент кафедры судебной экспертизы
и криминалистики

E-mail: kijalis@yandex.ru
Тел.: 8 (473) 271-54-15

Central Branch of Russian State University
of Justice

Tsurluy O. Yu., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Forensic Expertise and Criminalistics

E-mail: kijalis@yandex.ru
Tel.: 8 (473) 271-54-15

УДК 343.121

К. М. Баева

Воронежский государственный университет

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ САНКЦИИ КАК СПОСОБ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И НЕЙТРАЛИЗАЦИИ
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ**

Аннотация: в статье рассматривается вопрос применения процессуальных санкций как способа противодействия злоупотреблению правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве, анализируется их классификация; предлагается внесение изменений в действующее законодательство в целях противодействия злоупотребления правом стороной защиты.

Ключевые слова: злоупотребление правом, уголовное судопроизводство, адвокат-защитник, сторона защиты, процессуальные санкции, противодействие и нейтрализация злоупотреблению правом.

**PROCEDURAL SANCTIONS AS A WAY TO COUNTER
AND NEUTRALIZE THE ABUSE OF THE RIGHT
BY THE DEFENSE IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Abstract: the article discusses the use of procedural sanctions as a way to counter the abuse of the right by the defense in criminal proceedings, analyzes their classification; it is proposed to amend the current legislation in order to counter the abuse of the right by the defense.

Key words: abuse of rights, criminal justice, defense lawyer, protection side, procedural sanctions, counteraction and neutralization of abuse.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Анализ действующего законодательства, юридической литературы, а также исследование отечественного и зарубежного опыта законодательного предупреждения злоупотребления правом позволяет сделать вывод о том, что данная дефиниция слабо разработана как в теоретическом плане, так и в плане практического применения.

Институт запрета злоупотребления правом не нашел своего отражения в действующем законодательстве, однако

необходимость признания фактов злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве рождена не теоретическими изысканиями, а многочисленными инцидентами судебной практики, и «оптимистическое предположение о том, что “право либо есть, либо его нет”, противоречит реалиям современной отечественной практики уголовного судопроизводства, постоянно, можно сказать, ежедневно имеющей дело с различными видами и формами злоупотребления правами»¹.

© Баева К. М., 2019

Однако, несмотря на то, что данный институт еще не опосредован специальными нормами УПК РФ, можно с уверенностью говорить о том, что накоплен практический опыт использования смежных норм права и конституционных положений в борьбе с правовыми злоупотреблениями. Об этом свидетельствуют целый ряд определений и постановлений судов различного уровня – от районных судов до Конституционного и Верховного Суда РФ².

Анализируя теоретические исследования о сущности злоупотребления правом применительно к уголовному процессу, мы пришли к выводу, что такое поведение нельзя отнести ни к правомерному, ни к особым формам правового поведения. Полагаем, что злоупотребление правом имеет все признаки умышленного проступка, причиняющего вред гражданам и организациям либо наносящего ущерб общественным институтам, степень общественной опасности которого определяется законодательно. Как общественно осуждаемое поведение, оно несет негативные последствия для субъекта-правообладателя.

Полагаем, что как и за любое иное нарушение закона, за злоупотребление правом должна быть предусмотрена юридическая ответственность, заключающаяся в применении мер государственного принуждения к лицу, злоупотребляющему своими правами. Анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать однозначный вывод о возможности применения в отношении лица, злоупотребляющего своим правом, определенных мер государственного принуждения.

Субъект, злоупотребляющий правом, по нашему мнению, должен претерпевать неблагоприятные последствия, которые необходимо определить как санкции. При этом, по мнению Е. В. Рябцевой, можно выделить два вида санкций.

К первому виду автор относит карательные санкции, которые предусматривают определенные ограничения по отношению к лицу, злоупотребляющему своими правами. Так, например, ст. 258 УПК РФ предусматривает меры воздействия на лицо за нарушение порядка в судебном заседании. К таким мерам законодатель относит предупреждение о недопустимости такого поведения, удаления нарушителя из зала судебного заседания, наложение денежного взыскания. Все эти меры являются способами реагирования на злоупотребления со стороны участников уголовного судопроизводства, в том числе и на участников со стороны защиты. Как указано в определении Конституционного Суда РФ от 13 октября 2009 г. № 1112-О-О³, ч. 3 ст. 258 УПК РФ, допускать удаление подсудимого из зала судебного заседания лишь в качестве меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании, суд не лишает его права участвовать в судебном заседании и осуществлять свою защиту в суде в установленных законом процессуальных формах, а только исключает возможность злоупотребления им своими правами. При этом суд обязан указать фактические обстоятельства допущенных нарушений порядка в ходе судебного заседания и привести достаточные аргументы в обоснование вывода о необходимости удаления подсудимого. Подсудимый при этом не лишен права оспорить удаление из зала судебного заседания.

Ко второму виду санкций применительно к злоупотреблению правом Е. В. Рябцева относит санкции ничтожности, которые предусматривают отказ лицу, злоупотребляющему своими правами, в защите данных прав либо ограничение в пользовании этими правами. Особенность применения санкций при злоупотреблении правом заключается в том, что они не сопровождаются нака-

занием лица, злоупотребляющего своим правом. Последствия злоупотребления связаны либо с ограничением данного права, либо с отказом в его защите. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 217 УПК РФ в случае, если обвиняемый и его защитник без уважительных причин не ознакомились с материалами уголовного дела в установленный судом срок, следователь вправе принять решение об окончании производства данного процессуального действия, о чем выносит соответствующее постановление и делает отметку в протоколе ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела.

Типичной иллюстрацией данного вида злоупотребления правом со стороны защиты является следующий пример.

17 декабря 2015 г. после окончания следственных действий по уголовному делу руководитель следственного органа уведомил об этом обвиняемого А. А. Мигулю и его защитников – адвокатов А. и К. В связи с явным затягиванием обвиняемым А. А. Мигулей ознакомления с материалами дела решением суда был установлен срок такого ознакомления до 16 часов 30 минут 15 апреля 2016 г. После этого обвиняемый отказался от услуг защитников и обратился 13 апреля 2016 г. с ходатайством о назначении ему защитника, которое было удовлетворено; ему был назначен защитник – адвокат Ф. Впоследствии постановлением суда от 3 мая 2016 г. был установлен срок ознакомления защитника Ф. с материалами дела и вещественными доказательствами до 18 часов 6 мая 2016 г. Заключив новое соглашение с адвокатом К., обвиняемый А. А. Мигуля подал 5 мая 2016 г. ходатайство о допуске ее в качестве защитника и предоставлении ей возможности ознакомиться с материалами уголовного дела, которое было удовлетворено. В связи с

истечением установленного судебным решением срока 6 мая 2016 г. руководитель следственного органа вынес постановление об окончании производства ознакомления защитника К. с материалами уголовного дела⁴.

Как видно из вышеприведенного примера, для затягивания дела обвиняемый сменил адвоката, который, в свою очередь, начал снова (после предыдущего защитника) знакомиться с материалами уголовного дела. Таким образом, смена адвоката сопровождалась такой формой злоупотребления правом, как чрезмерно длительное ознакомление с материалами дела со стороны защиты.

Кроме того, одним из наиболее распространенных способов злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве является заявление многочисленных однотипных, мотивируемых одними и теми же основаниями ходатайств с целью затягивания процесса. В связи с этим в настоящее время появилась тенденция отклонения следователем ходатайств, заявляемых стороной защиты. Часть 2 ст. 159 УПК РФ устанавливает правило об обязательности удовлетворения определенного круга ходатайств. Законодатель определил перечень процессуальных действий, в производстве которых отказано быть не может. Так, подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действиях, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела. Часть 2 ст. 120 УПК РФ содержит положение, согласно которому отклоненное ходатайство может быть заявлено повторно тем

же заявителем и тому же должностному лицу, которое его отклонило. Полагаем необходимым внести изменения в указанную норму и императивно закрепить следующее положение в целях ограничения возможности злоупотреблений своими правами стороной защиты: «В случае отклонения ходатайства оно может быть заявлено повторно только в случае указания иных и (или) дополнительных оснований».

Продолжая анализ применения санкций как способа противодействия злоупотреблению правом, не можем не сказать о том, что нередко конфликты участников уголовного судопроизводства со стороны защиты возникают не только с процессуальными оппонентами, но и с судом: адвокаты «безнаказанно срывают судебные заседания», допускают «злоупотребления при предоставлении доказательств», «широко используются злоупотребления при исследовании доказательств, особенно при рассмотрении дела судом с участием присяжных», применяется тактика «незаконного воздействия и при выступлениях в прениях» и т. д.⁵

Полагаем, что большинство злоупотреблений защиты предоставленными ей правами связаны с тем, что его нормы действующего уголовно-процессуального законодательства часто весьма противоречивы, что создает объективные предпосылки для таких злоупотреблений. Существенная часть положений УПК РФ, регламентирующих процессуальные права участников, содержит оценочные понятия и категории, что создает дополнительные возможности для разного рода злоупотреблений. Это, в свою очередь, позволяет констатировать, что в законе проблема злоупотребления участниками судопроизводства процессуальными правами фактически не опосредована, отсутствует и дефиниция понятия «злоупотреб-

ление правом», и общий запрет такого поведения.

Как справедливо отметил Ф. М. Ягофаров, «закон, как нам представляется, не научный журнал, и на его страницах не должны присутствовать различные толкования одного и того же понятия. Если нормативный акт наводнен противоположными идеями, то это не может не отразиться на его качестве»⁶.

При этом, как показывает анализ норм УПК РФ, в Кодексе сформулированы несколько частных случаев запрета на злоупотребление.

В части 5 ст. 165 УПК РФ, устанавливающей порядок неотложного производства следственных действий, в отношении которых обязательно наличие судебного решения, закрепляется, что суд в установленный срок проверяет его законность и имеет право признать действие незаконным, что влечет за собой признание его результатов недопустимыми доказательствами; ч. 3 ст. 50 УПК РФ ограничивает сроки ожидания защитника и дает право следователю назначить защитника самостоятельно либо провести следственное действие без защитника. Кроме того, ч. 2 ст. 189 УПК РФ устанавливает императивный запрет на постановку наводящих вопросов при производстве допроса. Другая дефиниция предусмотрена ч. 3 ст. 217 УПК РФ, позволяющей судебным решением установить стороне защиты определенный срок ознакомления с материалами уголовного дела. Других ограничений злоупотребления процессуальными правами УПК РФ не содержит.

Убеждены, что злоупотребление правом – это проступок, степень общественной опасности которого и, соответственно, степень криминализации в каждом конкретном случае определяется законодательно. Как показал проведенный нами анализ действующего законодательства,

помимо процессуальной ответственности, недобросовестный участник со стороны защиты может быть привлечен к другим видам ответственности.

Так, в отношении обвиняемого, подозреваемого к таким видам ответственности можно отнести:

– гражданскую ответственность в рамках ст. 10 ГК РФ;

– административную ответственность, предусмотренную КоАП РФ;

– уголовную ответственность, предусмотренную УК РФ: ст. 128.1 «Клевета», ст. 298.1 «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава», ст. 303 «Фальсификация доказательств», ст. 309 «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу», ст. 310 «Разглашение данных предварительного следствия», ст. 319 «Оскорбление представителя власти»; ст. 327 «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков» и др.

В отношении профессионального адвоката-защитника добавляется и еще один немаловажный механизм воздействия – дисциплинарная ответственность в рамках ст. 33 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской

Федерации»⁷ и раздела II Кодекса профессиональной этики адвоката⁸.

Таким образом, в настоящее время злоупотребление правом является одним из самых противоречивых и малоизученных феноменов в области уголовного процесса. Представляется, что закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве механизма реагирования в форме процессуальных санкций на возможные злоупотребления будет способствовать состязательности, в том числе реализации принципа противодействия, по крайней мере, с наиболее явными злоупотреблениями участников уголовного судопроизводства.

Завершая данное исследование, которое по понятным причинам не претендует на полноту, так как имеющие место проблемы были лишь тезисно обозначены и характеризуют основные способы противодействия и нейтрализации злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве посредством применения в отношении них процессуальных санкций, хотели бы отметить, что недостаточная определенность и многозначность отдельных правовых норм, отсутствие необходимых указаний в законе на то, как их следует понимать, какие последствия должно претерпеть лицо, злоупотребляющее правом, существенно осложняют процесс его реализации.

¹ Баев М. О., Баев О. Я. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2014. С. 16.

² См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Череповского Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью второй ст. 18 УПК РФ : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июня 2006 г. № 243-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был) (дата обращения: 03.11.2018) ; Определение Верховного Суда от 7 ноября 2005 г. по делу № 14-005-32. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был) (дата обращения: 15.10.2018).

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голубева Николая Рудольфовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционно-

го Суда РФ от 13 октября 2009 г. № 1112-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.11.2018).

⁴ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мигули Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 1398-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2018).

⁵ Гордейчик С. В. Злоупотребление правом на защиту // Законность. 2006. № 12. С. 12.

⁶ Ягофаров Ф. М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2003. С. 21.

⁷ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 26 апреля 2002 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15 мая 2002 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23, ст. 2102; 2017. № 31 (Часть I), ст. 4818.

⁸ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (в ред. от 20.04.2017) // Вестник Федеральной палаты адвокатов Рос. Федерации. 2003. № 2 ; 2017. № 2.

Воронежский государственный университет

Voronezh State University

Баева К. М., преподаватель кафедры
уголовного процесса

Baeva K. M., Lecturer of the Criminal Process
Department

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru
Tel.: 8-919-246-97-21

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru
Tel.: 8-919-246-97-21

А. Р. Белкин

Российский технологический университет

ПРИНЦИП СВОЕВРЕМЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ*

А н н о т а ц и я: статья исследует проблемы обеспечения соблюдения сроков в уголовном судопроизводстве. На многочисленных примерах показано, что понятие своевременности извещения в УПК определено неясно. Предлагается норма весьма высокого уровня, призванная устранить разночтения и лакуны в УПК.

К л ю ч е в ы е с л о в а: сроки в уголовном процессе, извещения, уведомления, своевременность.

PRINCIPLE OF TIMELESS IN THE CRIMINAL PROCESS

A b s t r a c t: the article examines the problems of ensuring the observance of time limits in criminal procedure. On numerous examples it is shown that the notion of the timeliness of the notification in the CPC is unclear, a very high-level norm, designed to eliminate discrepancies and gaps in the CPC being proposed.

К e y w o r d s: terms in the criminal process, notifications, timeliness.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Исчисление различных сроков, применяемых в уголовном судопроизводстве, к сожалению, не всегда определяется и регламентируется Уголовно-процессуальным кодексом достаточно однозначно. Появление в УПК РФ ст. 6¹, вводящей понятие разумного срока уголовного судопроизводства, но фактически определяющей его интуитивно, на чисто понятийном уровне¹, стимулировало интерес к уточнению понимания и других сроков, играющих заметную роль в ходе процесса.

В первую очередь сказанное касается срока, в течение (или в пределах) которого участники должны быть информи-

рованы о принятых решениях и предстоящих действиях или судебных заседаниях.

Начнем с того, что способ информирования в УПК почти нигде явно не определяется. Например, часть 2 ст. 112 («Обязательство о явке») требует *своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд*, причем грозит весьма серьезными последствиями нарушения данного обязательства; но как именно осуществляется такой вызов, отнюдь не уточняет. Правда, часть 2 ст. 188 («Порядок вызова на допрос») явно предусматривает, что *повестка вручается лицу, вызываемому на допрос, под расписку либо передается с помощью средств связи*, но какие это средства – и тут не указано, зато перечислены грозные санкции в случае неявки по неуважительным причинам.

Между тем по общему правилу государственные органы и должностные лица вправе применять лишь те средства и методы, которые явно им дозволены, опре-

* Работа представляет собой расширенный вариант доклада, сделанного в апреле 2018 г. на VI Международной научно-практической конференции «Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика».

делены в качестве допустимых в законе. В итоге в большинстве случаев для уведомления используется почта, скорость доставки у которой, увы, совершенно недостаточна.

Ситуация усугубляется еще и тем, что само понятие уведомления в УПК тоже не уточнено и может пониматься двояко.

Приведем несколько характерных примеров. Часть 8 ст. 108 («Заключение под стражу») предусматривает направление постановления судьи лицу, возбудившему ходатайство, прокурору, подозреваемому, обвиняемому или потерпевшему и требует немедленного исполнения этого постановления. При этом часть 11 той же статьи допускает апелляционное обжалование такого постановления *в течение 3 суток со дня его вынесения* (а вовсе не с момента получения копии этого постановления апеллятором). Допустим, прокурор или обвиняемый присутствовали при провозглашении этого постановления, но присутствия потерпевшего часть 4 ст. 108 вообще никак не предусматривает, так что он об этом постановлении узнаёт много позже и почти наверняка – уже после истечения срока апелляционного обжалования².

Много интересного таит в себе и ст. 118 («Порядок наложения денежного взыскания и обращения залога в доход государства»). Составленный протокол о нарушении рассматривается судьей в течение 5 суток с момента его поступления в суд, провинившееся лицо вызывается в суд, но неявка его *без уважительных причин не препятствует рассмотрению протокола*. Будет ли несвоевременное получение нарушителем извещения сочтено судом уважительной причиной? Весьма сомнительно, тем более что суд и не узнаёт этой причины, так что нарушителю придется решение обжаловать.

Аналогичный «капкан» заложен и в часть 3 ст. 125 («Судебный порядок рас-

смотрения жалоб»): судебное заседание по жалобе проводится *не позднее чем через 5 суток со дня поступления жалобы*, причем и здесь *неявка лиц, своевременно извещенных о времени рассмотрения жалобы <...>, не является препятствием для рассмотрения жалобы судом*. Что такое *своевременно извещенных*, в чем заключается эта своевременность – закон не говорит.

Часть 5 ст. 215 («Окончание предварительного следствия с обвинительным заключением») требует от обвиняемого, не содержащегося под стражей, явиться для ознакомления с материалами уголовного дела до истечения 5 суток со дня объявления об окончании следственных действий либо со дня окончания ознакомления с материалами дела иных участников уголовного судопроизводства. Во втором из этих случаев уведомление за пять суток до обвиняемого может и не дойти, а следовательно, не узнав об этом, может направить материалы уголовного дела прокурору.

Часть 4 ст. 231 УПК («Назначение судебного заседания») гласит: *стороны должны быть извещены о месте, дате и времени судебного заседания не менее чем за 5 суток до его начала*. Что такое *извещены*? Значит ли это, что они реально получают соответствующее уведомление или что это уведомление в указанный срок должно быть им направлено? Очевидно, увы, второе, ибо иначе следовало бы указать, каким образом суд узнаёт, что уведомление получено. Но за 5 суток направленное уведомление рискует и не дойти³.

Еще хуже обстоит дело с вызовом на предварительное слушание – часть 2 ст. 234 прямо говорит, что *уведомление о вызове сторон в судебное заседание должно быть направлено не менее чем за 3 суток до дня проведения предварительного слушания*. С учетом того, что контрольный срок почтовой доставки корреспонденции в зависимости от местонахождения адресата может оказаться гораз-

до большим⁴, шансы участника хотя бы узнать о проведении предварительного слушания до его начала явно невелики. А между тем часть 4 той же ст. 234 вновь напоминает, что *неявка других* (кроме обвиняемого. – А. Б.) *своевременно извещенных участников производства по уголовному делу не препятствует проведению предварительного слушания*. Напомним, кстати, что и обжалование в этой ситуации проблематично, поскольку часть 7 ст. 236 УПК исключает обжалование решения о назначении судебного заседания, принятого судьей на предварительном слушании.

Аналогичная спорная процедура заложена и в другие нормы УПК, в том числе и в нормы, регламентирующие заседания апелляционного суда. Часть 2 ст. 389¹¹ УПК предусматривает извещение участников не менее чем за 7 суток до начала заседания, вновь не уточняя, что имеется в виду под извещением. Однако если апелляционная инстанция базируется достаточно далеко, то и семи суток для доставки извещения в отдаленный регион может не хватить. Между тем часть 3 ст. 389¹² («Участие сторон в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции») трафаретно сообщает, что *неявка лиц, своевременно извещенных о месте, дате и времени заседания <...>, не препятствует рассмотрению уголовного дела*. По делам же частного обвинения часть 4 той же статьи и вовсе указывает, что при неявке в суд без уважительных причин частного обвинителя или его представителя (законного представителя), *подавших апелляционную жалобу, суд апелляционной инстанции прекращает апелляционное производство по его жалобе*.

И уж совсем диковинно выглядит ситуация, описываемая в ст. 389³⁶ («Повторное рассмотрение уголовного дела судом апелляционной инстанции»).

Идея повторного рассмотрения одного и того же дела в апелляционном порядке без отмены решения, принятого при первом рассмотрении, – юридический нон-сенс. Допустим, при первом рассмотрении апелляционный суд принял некое решение. Повторное апелляционное рассмотрение привело к появлению иного решения. Часть 2 ст. 389³⁶ предлагает обжаловать это повторное решение в кассационном порядке (в соответствии с главой 47¹ УПК), но об обжаловании первого решения при этом речь не идет. Однако это первое решение тоже может быть обжаловано в кассационном порядке⁵. Так возникает непонятный феномен – наличие двух разных кассационных жалоб в одном и том же уголовном деле, причем соединить их невозможно, ибо обжалуются разные решения апелляционных судов.

Понятно, что эта странная ситуация возникла исключительно вследствие того, что вторая апелляционная жалоба была доставлена слишком поздно, когда апелляционное производство по первой жалобе уже завершилось принятием решения. Возможным выходом в таком случае могла бы быть отмена первого решения апелляционного суда и реальное повторное рассмотрение обеих жалоб совместно⁶. Однако куда логичнее было бы закрепить в законе норму, требующую от апеллятора спешным порядком уведомлять суд о том, что жалоба подана, – в этом случае суд первой инстанции дождался бы ее доставки и уже после этого отправлял бы все дело в апелляционный суд.

Сходная мера могла бы быть предложена и в дополнение к ст. 390 («Вступление приговора в законную силу и обращение его к исполнению»). Часть 1 этой статьи говорит, что *приговор суда первой инстанции вступает в законную силу по истечении срока его обжалования в апелляционном порядке, если он не был обжалован сторонами*. Однако по истечении

срока обжалования суд первой инстанции, вообще говоря, не может знать, обжалован ли приговор, поскольку жалоба, поданная по почте, может находиться еще в пути и срок ее доставки, увы, не может быть уверенно определен. Уведомление о поданной жалобе, направленное спешным порядком, снимает и эту проблему.

Мы коснулись лишь некоторых неясностей и странностей, обнаруживаемых в тексте УПК. На самом деле их значительно больше, и связаны они с тем, что никак не учтена принципиальная неопределенность сроков доставки извещений (уведомлений), а само понятие *своевременно извещены* не определено однозначным образом.

Определенные надежды на улучшение ситуации могут возлагаться на использование электронных документов, недавно введенное в УПК новой ст. 474¹ («Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве»); однако статья эта затрагивает лишь ходатайства, заявления, жалобы, представления, подаваемые в суд, и требует использования электронной подписи, применение которой в России пока достаточно редко. Более продуктивным представляется закрепление на законодательном уровне требования использовать средства срочной связи для обеспечения своевременности извещения участников и получения ходатайств и жалоб.

Первый шаг в этом направлении уже сделан – в части 5¹ ст. 42 УПК закреплено право потерпевшего указать свой адрес электронной почты, номера телефонов, а также иные сведения, *которые могут обеспечить своевременное получение потерпевшим <...> информации*. Правда, пока это касается лишь возможности *получать информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, <...> о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы, а так-*

же о рассмотрении судом связанных с исполнением приговора вопросов об освобождении осужденного от наказания, об отсрочке исполнения приговора или о замене осужденному неотбытой части наказания более мягким видом наказания (п. 21¹ части 2 ст. 42).

Нам представляется, что подобное право следует заметно расширить, распространить его действие на более широкий круг участников и признать обеспечение своевременности в уголовном процессе нормой весьма высокого уровня. С этой целью предлагается дополнить УПК РФ новой статьей 7², поместив ее в главу 2 («Принципы уголовного судопроизводства»).

Статья 7². Своевременность в уголовном судопроизводстве.

1. Участники уголовного процесса должны быть своевременно извещены обо всех затрагивающих их процессуальных решениях и процессуальных действиях, предполагающих их участие.

2. Если в настоящем Кодексе указан конкретный срок извещения, то в любом случае это означает, что соответствующее извещение должно быть получено адресатом до истечения данного срока.

3. В целях обеспечения своевременности извещения суд, прокурор, следователь, дознаватель, помимо почтовой связи, по возможности использует ускоренную доставку, телефакс, смс-уведомления, электронную почту, средства интернет-связи.

4. При неявке участника уголовного судопроизводства проведение судебного заседания или производство процессуального действия в его отсутствие допустимы лишь при достоверном установлении факта его своевременного извещения. Несвоевременная доставка извещения или уведомления является уважительной причиной для неявки участника уголовного судопроизводства и ис-

ключает применение в отношении него мер процессуального принуждения. Процессуальный срок, пропущенный в связи с несвоевременным извещением, может быть восстановлен судом по ходатайству несвоевременно извещенного лица.

5. Участник уголовного судопроизводства вправе указать свой адрес электронной почты, номера телефонов и иные сведения, которые могут обеспечить своевременное получение им извещений либо уведомлений. Соответствующая информация приобщается к уголовному делу и используется в порядке части второй настоящей статьи.

6. При подаче апелляционной жалобы по почте лицо, подающее жалобу, одновременно по электронной почте или телефаксу извещает суд, вынесший обжалуемое решение, о факте подачи жалобы. Получив такое уведомление, суд продлевает срок апелляционного обжалования до момента получения жалобы, но не более чем на 10 суток.

Получив такое уведомление, суд продлевает срок апелляционного обжалования до момента получения жалобы, но не более чем на 10 суток.

¹ Напомним, что ранее мы предлагали дополнить УПК новой статьей «Справедливость уголовного судопроизводства», дав ей № 6¹, а статью «Разумный срок уголовного судопроизводства» поместить ниже, присвоив ей № 7¹ (см.: *Белкин А. Р.* УПК РФ: отменить *нельзя* поправить? : в 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 22–26). В свете этого для вводимой ниже статьи предлагается дать № 7².

² Уместно напомнить, что автором не раз высказывалось предложение разрешить потерпевшему и его представителю участвовать в судебном заседании, проводимом в порядке ст. 108, а возможно, и разрешить самому ходатайствовать перед судом о применении такой меры пресечения, как заключение под стражу (см., напр.: *Белкин А. Р.* УПК РФ: отменить *нельзя* поправить? : в 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 247).

³ Неожиданным исключением выглядит ст. 326 («Составление предварительного списка присяжных заседателей»), согласно части 6 которой *включенным в предварительный список кандидатам в присяжные заседатели не позднее чем за 7 суток до начала судебного разбирательства в р у ч а ю т с я* (выделено нами. – А. Б.) *извещения с указанием даты и времени прибытия в суд.*

⁴ См., напр.: <https://postmania.ru/delivery-period>

⁵ Причем, подчеркнем, вновь вынесенные апелляционные приговор, определение, постановление могут быть обжалованы, *если они противоречат ранее вынесенному решению суда апелляционной инстанции.* А если не противоречат (например, вообще касаются совсем других аспектов приговора суда первой инстанции) – тогда как? Получается, что тогда это новое решение и обжаловать нельзя?

⁶ Это следовало бы предусмотреть и в случае, когда вторая жалоба приходит в апелляционный суд, когда судебное разбирательство по первой жалобе уже началось, но еще не завершено. Текущая редакция УПК такой случай даже не упоминает.

Российский технологический университет

Белкин А. Р., доктор юридических наук, профессор, и. о. зав. кафедрой «Уголовно-правовое обеспечение национальной безопасности»

E-mail: anatbel@yandex.ru

Tel.: 8-926-427-80-56

Russian Technological University

Belkin A. R., Doctor of Legal Sciences, Professor, Acting Head of the Department «Criminal Legal Support National Security»

E-mail: anatbel@yandex.ru

Tel.: 8-926-427-80-56

Т. А. Красноруцкая

Воронежский институт МВД России

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

А н н о т а ц и я: в статье рассматриваются проблемы совершенствования уголовно-процессуальной деятельности начальника подразделения дознания в стадии возбуждения уголовного дела. Обосновывается необходимость расширения его процессуальных возможностей в рассматриваемой стадии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: начальник подразделения дознания, дознаватель, прокурор, стадия возбуждения уголовного дела, полномочия, проблемы.

CRIMINAL-PROCEDURAL ACTIVITY OF THE CHIEF OF THE UNDERSTANDING THE UNDERSTANDING AT THE STAGE OF EXCITATION OF THE CRIMINAL CASE: PROBLEMS OF THE RIGHT REGULATION

Abstract: the article deals with the problems of improving the criminal procedure activity of the head of the investigation unit at the stage of initiation of criminal proceedings. The necessity of expansion of its procedural opportunities in the considered stage is proved.

Key words: chief of division of inquiry, the investigator, the Prosecutor, the stage of initiation of criminal proceedings, the powers of the problem.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

В теории уголовного процесса учеными в последние годы активно высказываются предложения о ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, которая препятствует, по их мнению, доступу к правосудию всех граждан в связи с возможностью вынесения решения об отказе в возбуждении уголовного дела¹.

Однако с 2002 г. нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), касающиеся возбуждения уголовного дела, претерпели множество изменений. Это говорит о том, что законодатель пока не склоня-

ется к мнению ученых упразднить стадию возбуждения уголовного дела, а идет по пути совершенствования данной стадии, повышения эффективности предварительного расследования.

Так, по поводу изложенного Г. П. Химичева и О. В. Химичева справедливо отмечают, что ликвидировать стадию возбуждения уголовного дела в том виде, в каком она существует почти полвека, нецелесообразно. Наиболее конструктивный путь состоит в устранении пробелов и противоречий в законодательном регулировании рассмотрения сообщения о преступлении и в совершенствовании практики применения предписаний закона².

© Красноруцкая Т. А., 2019

На важную роль данной стадии указывает и то, что именно на этой стадии зарождаются уголовно-процессуальные отношения, которые получают свое развитие в дальнейших стадиях уголовного процесса. Кроме того, стадия возбуждения уголовного дела имеет свои характерные черты, заключающиеся в установлении законных поводов и оснований для возбуждения уголовного дела, а также выявлении в деянии признаков преступлений или обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу. Принятые на данной стадии решения позволяют органам предварительного следствия и дознания расширить круг процессуальных действий, которые могут быть произведены в ходе расследования уголовного дела. Речь идет и о процессуальных действиях, которые носят принудительный характер и влекут ограничения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Процессуальное влияние прокурора на предварительное следствие в связи с изменениями и дополнениями, которые были внесены в УПК РФ в 2007 г., сузилось. Процессуальными полномочиями по осуществлению контроля за уголовно-процессуальной деятельностью следователя в стадии возбуждения уголовного дела законодатель наделил руководителя следственного органа. Следователь больше не нуждался в согласовании своих действий с прокурором и с руководителем следственного органа при возбуждении уголовного дела, а также при отказе в возбуждении уголовного дела³. Применительно к дознанию полномочия прокурора претерпели лишь некоторую корректировку. Прокурор лишился полномочий, касающихся возбуждения уголовного дела, дачи поручения его расследования дознавателю, дачи согласия дознавателю на возбуждение уголовного дела (исключение ч. 4 ст. 20 УПК РФ

и др.). Все это привело к существенному ослаблению значения прокуратуры как органа, быстро реагирующего на проблемы, которые возникают в досудебном производстве⁴.

Процессуальные полномочия начальника подразделения дознания согласно уголовно-процессуальному законодательству представлены двумя группами:

- 1) полномочия, которые начальник подразделения дознания осуществляет в стадии возбуждения уголовного дела;
- 2) полномочия, которые указанный участник осуществляет в стадии предварительного расследования, проводимого в форме дознания.

Отметим, что законодатель четко не определил полномочия начальников подразделения дознания и дознавателей в стадии возбуждения уголовного дела, что вызывает критику со стороны ученых. По их мнению, «вряд ли можно признать нормальным такое положение, когда в уголовно-процессуальном законе не установлен механизм реализации полномочий сотрудника органа дознания по проверке сообщений о преступлении, в результате чего он вынужден исполнять предписания закона, по сути дела, нарушая закон»⁵.

Решение данной проблемы видится в следующем:

- 1) необходимо увеличить круг следственных действий, которые могут быть выполнены до возбуждения уголовного дела. Так, А. Б. Соловьев отмечает необходимость проведения экспертизы до возбуждения уголовного дела, объясняя это тем, что по уголовным делам, возбужденным по преступлениям против личности, наркотизма и др. отсутствие заключения экспертизы делает подчас невозможным соблюдение законности при решении вопроса о возбуждении уголовного дела⁶. А. А. Усачев предлагает «предусмотреть возможность проведения любых следственных действий в слу-

чаях, когда иным образом (без их производства) невозможно принять решение о наличии или отсутствии основания для возбуждения уголовного дела»⁷.

Федеральный закон Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» расширил полномочия органов предварительного расследования при проверке сообщения о преступлении. Так, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, при проверке сообщения о преступлении возможно получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Принимая во внимание обозначенную направленность расширения процессуальных возможностей лиц, ведущих процесс, до того как будет принято решение о возбуждении уголовного дела, следует обратить внимание, что такое расширение должно быть разумным;

2) необходимо расширить круг субъектов, которые наделены полномочиями по проверке сообщения о преступлении и принятию по нему решения путем включения начальника подразделения дознания (дополнить ст. 144, 146 УПК РФ).

Это предложение вытекает из анализа ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ, согласно которой начальник подразделения дознания впра-

ве возбудить уголовное дело в порядке, установленном УПК РФ, принять уголовное дело к своему производству и произвести дознание в полном объеме, обладая при этом полномочиями дознавателя. Таким образом, правовые средства начальника подразделения дознания, которые необходимы, чтобы выполнить указанные полномочия, должны быть такими же, как и у дознавателя.

Заметим, что некоторые уголовно-процессуальные нормы указывают обратное. Так, ч. 1 ст. 146 УПК РФ содержит перечень субъектов, наделенных правом принимать решение о возбуждении уголовного дела. В данный перечень законодатель включил руководителя следственного органа, следователя, дознавателя и орган дознания. Однако начальника подразделения дознания там нет, что является, безусловно, неправильным. Кроме того, указанного участника уголовного судопроизводства нет и среди лиц, которые наделены обязанностью незамедлительно направлять прокурору копию постановления о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ).

Начальник подразделения дознания отсутствует и в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, где речь идет о субъектах, которые обязаны осуществлять проверку сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, и в ч. 1 ст. 148 УПК РФ, согласно которой только руководитель следственного органа, следователь, дознаватель или орган дознания могут вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, и в других нормах УПК РФ (например, п. 25 ст. 5, ч. 1 и 2 ст. 67, ч. 1 ст. 214, ч. 1 ст. 453 УПК РФ).

В связи с этим в литературе неоднократно высказывались предложения дополнить вышеуказанные нормы за счет начальника подразделения дознания. В противном случае останется противоречие между полномочиями, которыми

наделен начальник подразделения дознания, и его возможностью осуществлять уголовное преследование лично⁸.

Все эти обстоятельства объединяет то, что выполняемые руководителем следственного органа, следователем и дознавателем процессуальные полномочия

не должны быть чужды для начальника подразделения дознания, так как полностью соответствуют его процессуальному статусу, закрепленному ст. 40.1 УПК РФ. К сожалению, законодатель не предусмотрел указанного участника в перечисленных нормах.

¹ См.: Кругликов А. П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 58.

² См.: Химичева Г. П., Химичева О.В. Возбуждение уголовного дела : противоречия в правовой регламентации // Закон. 2009. № 1. С. 46.

³ См.: Насонова И. А., Моругина Н. А. Руководитель следственного органа в стадии возбуждения уголовного дела : прошлое и настоящее // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 1. С. 126.

⁴ См.: Арепьева Т. А. Начальник подразделения дознания в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 123.

⁵ Повышение квалификации дознавателей и старших дознавателей отделов, отделений дознания горрайлинорганов внутренних дел : учеб. пособие / А. М. Андриянов [и др.]. М., 2008. С. 482.

⁶ См.: Соловьев А. Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии). М., 2003. С. 48.

⁷ Усачев А. А. Возбуждение уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. С. 9.

⁸ См.: Насонова И. А., Арепьева Т. А. Оптимизация участия начальника подразделения дознания как одно из условий совершенствования правовой регламентации уголовно-процессуальной деятельности // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 248.

Воронежский институт
МВД России

Красноруцкая Т. А., кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры административного права

E-mail: s.tatjana020382@mail.ru
Тел.: 8-951-544-02-02

Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

Krasnorutskaya T. A., Candidate of Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Administrative Law

E-mail: s.tatjana020382@mail.ru
Tel.: 8-951-544-02-02

Ю. С. Кудрявцев

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия

РЕЦЕНЗИЯ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА

А н н о т а ц и я: в статье рассматривается возможность оценки экспертного заключения путем производства рецензии. Приводится понятие рецензии, ее структура. Анализируются вопросы отношения участников судопроизводства к рецензии на заключение эксперта.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экспертиза, заключение эксперта, оценка, заключение специалиста, суд, судопроизводство, рецензия.

REVIEW AS ONE OF THE METHODS OF EVALUATION

Abstract: the article discusses the possibility of assessing the expert opinion by the review. The concept of the review, its structure is given. The questions of attitude of participants of legal proceedings to the review of the expert opinion are analyzed.

Key words: expertise, expert opinion, assessment, expert opinion, court, proceedings, review.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

В настоящее время практически абсолютное большинство рассматриваемых в судах дел не обходится без производства различного рода экспертиз. Судебная экспертиза оценивается по общим правилам оценки доказательств. Статья 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» гласит: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»¹.

Однако, как верно отмечают Е. Р. Росинская, Е. И. Галяшина в своей книге, оценить научную обоснованность, полноту и обстоятельность проведенного экспертом исследования, примененных экспертом методов и методик, использования технических средств при проведении исследования и полученных с их помощью результатов участники судопроизводства не в состоянии, так как не обладают необходимыми для этого специальными познаниями².

Существенную помощь суду в оценке экспертного заключения может оказать специалист.

Согласно ст. 58 УПК РФ «специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для

содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию»³. Однако в законодательстве прямо не указано, что специалист может привлекаться судом для оценки заключения эксперта.

В настоящее время на практике широкое использование знаний специалиста осуществляется в виде письменной рецензии на заключение эксперта.

В переводе с латинского «*recensio*» означает «просмотр, сообщение, оценка, отзыв о чем-либо». Рецензия экспертного заключения – это анализ заключения эксперта на соответствие нормативно-правовым актам и методике производства определенного рода экспертиз. При производстве рецензии рецензент не подменяет эксперта, не делает выводы о верности сделанных экспертом выводов, а лишь указывает на недостатки проведенного экспертом исследования и каким образом они могли повлиять на выводы эксперта.

В государственных экспертных учреждениях рецензия выполненным заключениям эксперта осуществляется в качестве контроля за уровнем подготовки эксперта, проверки его квалификации, устранения в последующем выявленных недостатков.

В действующем законодательстве, в судопроизводстве нет такого понятия, как рецензия на заключение эксперта. Адвокаты рецензию на заключение эксперта используют в качестве приложения к ходатайству о назначении повторной экспертизы.

В практической деятельности в подавляющем большинстве рецензия на заключение эксперта выполняется в него-

сударственных экспертных организациях. Заказчиком такой рецензии, как правило, является сторона, недовольная результатами экспертизы, выполненной в порядке судопроизводства. Целью такой рецензии является выявить как можно больше недостатков в проведенной экспертизе, а целью заказчика – участника процесса – добиться посредством рецензии назначения в суде повторной экспертизы. Естественно, у суда возникает мнение о «заказном» характере такой рецензии, изложенные в ней доводы не соответствуют действительности. Отчасти это верно, за производство рецензии заказчик платит деньги, и ему нужен результат в его пользу. В данном случае в рецензии делается акцент на выявление недостатков в экспертизе, если в дальнейшем необходимо будет исключить заключение эксперта из числа доказательств по делу, либо акцентируются положительные стороны, если заказчику требуется подтвердить результаты экспертизы. Но указанные недостатки при анализе экспертного заключения можно избежать, если специалист будет выбираться и привлекаться судом, а не сторонами судопроизводства. Следовательно, вознаграждение за свою работу такой специалист будет получать от суда и не будет зависим от сторон.

По нашему мнению, суду не стоит однозначно подходить к решению вопроса об отклонении рецензии, так как такая рецензия окажет помощь участникам процесса правильно провести оценку выполненного экспертом исследования. Если в рецензии указаны ошибки проведенного экспертом исследования, то каждый недостаток необходимо рассмотреть в судебном заседании, оценить его, выяснить, каким образом он влияет на формирование выводов, сделанных экспертом. Если недостатки признаются существенными, то необходимо назначить повтор-

ное исследование. Если же выявленные недостатки не существенны, то они могут быть устранены путем допроса эксперта в судебном заседании.

Как уже отмечалось ранее, рецензия не определена в процессуальном законодательстве как форма документа. На практике такие документы оформляются заключением специалиста. Ни в одном нормативном акте также не определено, что должно содержаться в заключении специалиста. В результате специалисты различных негосударственных экспертных учреждений оформляют рецензии по-своему, порой такая рецензия переполнена совершенно не нужными данными (реквизитами экспертного учреждения, учредительными документами и т. д.).

На наш взгляд, рецензия (заключение специалиста) должна быть выполнена по форме, близкой к форме заключения эксперта, т. е. состоять из трех частей: вводной, аналитического исследования и выводов.

Во вводной части должны быть отражены:

- дата, время и место проведения рецензии;
- основания проведения рецензии;
- краткие сведения об экспертном учреждении;
- сведения о специалисте (рецензенте): фамилия, имя, отчество, его профильное образование, сведения о повышении квалификации, переподготовке, стаже работы по специальности;
- вопросы, поставленные на разрешение специалиста;
- представленные ему материалы.

В аналитической части заключения специалиста отражается краткое описание предоставленных ему материалов, из текста заключения эксперта приводятся вопросы, поставленные перед экспертом, и выводы по ним.

В дальнейшем специалист должен провести общий анализ структуры заключения эксперта и дать краткую характеристику. При анализе структуры заключения эксперта в поле зрения специалиста должны быть:

– исходные данные – материалы, которыми располагал эксперт при исследовании, их достаточность или недостаточность для исследования и решения поставленных вопросов;

– примененные методы и методики исследования, обоснованность их выбора: адекватность объектам, соответствие условиям применения, достаточность для сделанного вывода;

– полученные результаты и их экспертная оценка: критерии, которыми руководствовался эксперт при оценке полученных результатов, соответствие экспертной оценки полученным результатам.

В итоге анализа заключения эксперта и других материалов (если они ему представлены) специалист составляет представление о соответствии структуры заключения общепринятым методическим требованиям, обязательным для соблюдения в данной предметной экспертной области знаний.

В последующем специалист проводит более подробный анализ заключения эксперта с выявлением недостатков и ошибок. Внимание специалиста должно быть обращено:

– на ошибки процессуального характера. Ошибки такого характера относятся к существенным. Несоблюдение норм действующего законодательства может повлечь за собой непризнание заключения эксперта в качестве доказательства по рассматриваемому делу;

– полноту, всесторонность, объективность, мотивированность, убедительность, научную обоснованность проведенного исследования. Полнота иссле-

дования означает, что все предоставленные эксперту объекты были исследованы, применены все методы и технические средства для получения достоверных выводов на поставленные перед экспертом вопросы. Всесторонность исследования означает, что экспертом должны быть исследованы все важнейшие свойства, качества и признаки представленных объектов, их связи, отношения и зависимости. Всесторонность предполагает исследование всех объективно возможных вариантов при осуществлении экспертизы, тем самым предотвращая односторонность и субъективизм экспертного исследования. При проведении исследования эксперт не должен придерживаться только одной из версий, определяя при этом значимость одних признаков, качеств, свойств и существенно занижая значимость других. Объективность исследования непосредственно связана с научной и практической обоснованностью, предполагающей применение только тех технических средств и методов, которые изучены и объяснены или разработаны наукой либо основаны на очевидных закономерностях, процессах, явлениях. К мотивированности исследования следует отнести соблюдение законов логики, отсутствие противоречий в заключении эксперта. Убедительность заключения эксперта означает, что все представленные эксперту материалы исследованы, правильно применены методы, верно оценены результаты исследования, а выводы обоснованы и являются следствием проведенного исследования.

Оценке подвергается и оформление результатов проведенного экспертом исследования. Текст заключения эксперта должен содержать все реквизиты, предусмотренные законом и внутренними нормативными актами ведомственной экспертной организации. Заключение долж-

но состоять из трех частей: вводной, исследовательской и выводов. Если к заключению прилагаются иллюстрации, то они должны быть оформлены согласно требованиям методических рекомендаций, предъявляемым к такого рода приложениям, т. е. отвечать требованиям наглядности, аккуратности, информативности. В тексте заключения должны содержаться ссылки на иллюстрации.

Наличие в тексте заключения эксперта грамматических, орфографических ошибок, небрежное оформление иллюстраций может свидетельствовать о недостаточно внимательном проведении экспертом исследования, что непосредственным образом отражается на результатах.

При анализе заключения эксперта все выявленные недостатки, ошибки необходимо разделить на существенные и несущественные. Существенные – это те, которые оказывают или могут оказать влияние на результаты проведенного исследования. Несущественные формально признаются ошибками, но на результаты проведенного экспертом исследования влияния не оказывают. Несущественные ошибки могут быть устранены путем допроса эксперта в судебном заседании. Наличие же существенных ошибок требует проведения повторного исследования.

При проведении рецензирования заключения эксперта специалист не должен касаться общей оценки заключения как признания (либо непризнания) его в качестве доказательства. Это прерогатива суда. Основная задача специалиста – выявить недостатки в заключении эксперта и обосновать, насколько они влияют или могут повлиять на сделанные экспертом выводы.

Таким образом, использование письменного заключения специалиста по анализу экспертного заключения может оказать существенную помощь участникам

судопроизводства в оценке экспертного заключения. По мнению В. Е. Ляпичева, А. В. Досовой, «использование заключения специалиста, несомненно, способствует, с одной стороны, упрощению и объективизации оценки заключения эксперта судом, а с другой стороны, укрепле-

нию принципа состязательности в судопроизводстве и, следовательно, помогает объективному расследованию дела⁴.

Но в настоящее время вопрос о привлечении специалиста для оценки экспертного заключения требует детальной проработки.

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в ред. от 08.03.2015) // Рос. газета. 2001. 5 июня. № 106. Ст. 8.

² См.: *Россинская Е. Р., Галяшина Е. И.* Настольная книга судьи : судебная экспертиза. М., 2010. С. 141–150.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29.07.2018).

⁴ См.: *Ляпичев В. Е., Досова А. В.* Оценка достоверности заключения по результатам комплексной экспертизы документов органами расследования // Судебная экспертиза. Научно-практический журнал. 2011. № 4 (28). С. 44.

*Центральный филиал Российского
государственного университета правосудия*

Кудрявцев Ю. С., старший преподаватель
кафедры судебной экспертизы
и криминалистики

*E-mail: kyus63@yandex.ru
Тел.: 8 (473) 271-54-15*

*Central Branch of Russian State University
of Justice*

Kudryavtsev Yu. S., Senior Lecturer of
the Department of Forensic Expertise and
Criminalistics

*E-mail: kyus63@yandex.ru
Tel.: 8 (473) 271-54-15*

Т. Э. Кукарникова

Воронежский государственный университет

**ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы процессуального оформления электронных доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, а также выявлены критерии допустимости и выделены особенности собирания данного вида доказательств.

Ключевые слова: доказывание, собирание доказательств, допустимость доказательств, электронные доказательства, выемка, электронный носитель информации, информация.

ELECTRONIC EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: the aim of this research is to show the significance of digital evidence, also some problems of procedural implementation of digital evidence in criminal proceeding in the Russian Federation and showing the acceptance criteria and emphasize collecting peculiarities of this kind of evidence.

Key words: proving, evidence collecting, admissibility of evidence, digital evidence, seizure, data storage device, information.

Поступила в редакцию 20 октября 2018 г.

Стремительное развитие компьютерных технологий, появление все более эффективных средств накопления, хранения, обработки, передачи и использования информации предопределило не только возникновение пресловутой компьютерной преступности, но и определенную трансформацию средств борьбы как с новейшими, так и с традиционными видами преступлений. В данном случае мы имеем в виду, в частности, вовлечение в орбиту уголовного судопроизводства электронных документов, отдельным аспектам которого посвящена данная статья.

Анализ главы 10 УПК РФ (доказательства в уголовном судопроизводстве) показывает, что в целом документы как источники судебных доказательств выступают в трех следующих видах:

1) как протоколы допросов, других следственных и судебных действий; заключение эксперта (ст. 74 УПК);

2) как иные документы, которые допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК (ч. 1 ст. 84 УПК). При этом они могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи, иные носители информации (ч. 2 ст. 84 УПК);

3) как вещественные доказательства в случаях, если они служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления либо были объектом, на который были направлены преступные действия, или если они могут служить средством для обнаружения преступле-

ния и установления обстоятельств уголовного дела (ст. 81 УПК).

Проблема использования в доказывании электронных документов, в смысле информации, полученной с помощью средств электронно-вычислительной техники (цифровых видео-, фотокамер, персональных компьютеров), стала в последнее время более чем актуальной. В настоящее время существует немало исследований, посвященных собиранию, проверке и оценке компьютерных или электронных доказательств¹.

Очевидно, что информация, записанная в компьютерной форме, есть документ, поскольку она обладает следующими присущими любому документу признаками.

1. Как и любой документ, компьютерная информация исходит от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан.

2. Компьютерную информацию, запечатленную в файлах, можно, как и документ, считать доказательством, если сведения, изложенные в ней, имеют значение для уголовного дела и с их помощью может быть установлено наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Насколько нам известно, первым юридическим актом в нашей стране, который регулировал вопросы использования электронных документов в судебном разбирательстве, были Инструктивные указания Государственного Арбитража СССР от 29 июня 1979 г. № И-1-4 «Об использовании в качестве доказательств по арбитражным делам документов, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники» (далее – Указания). Заметим, что данные Указания не предусматривают возможности использования в арбитражном процессе непосредственно самих электронных доку-

ментов, а лишь регулируют правовое положение их бумажных копий: документы, подготовленные с помощью электронно-вычислительной техники, должны приниматься органами арбитража на общих основаниях в качестве письменных документов (п. 1 Указаний).

Говоря об этих Указаниях, попутно нельзя не обратить внимание на весьма оригинальное положение, в этих указаниях содержащееся: бумажные копии одного и того же электронного документа равны по своему статусу, но если для разрешения спора требуется подлинник, то суду должен быть предоставлен первый (!) полученный экземпляр бумажной копии. Это все равно что говорить: если мы при помощи копировального аппарата сделаем 2 копии документа, то та первая копия, которую мы получили, по своему статусу в судебном процессе является выше второй и, кроме того, еще и подлинником! Причем непонятно, каким образом стороной будет осуществляться доказывание того, что эта копия является первой.

В рекомендациях, содержащихся в Письме Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 19 августа 1994 г. № С1-7/ОП-587, указывается: в случае, когда стороны изготовили и подписали договор с помощью электронно-вычислительной техники, в которой использована система цифровой (электронной) подписи, они могут представлять в арбитражный суд доказательства по спору, вытекающему из этого договора, также заверенные цифровой (электронной) подписью. Причем надо заметить, что указывается конкретный вид доказательств, к которому относятся электронные документы – письменный документ, что как раз свойственно для гражданского и арбитражного судопроизводства.

В уголовном судопроизводстве электронные документы могут выступать как

в качестве письменных документов, так и в виде вещественных доказательств, протоколов следственных действий, заключений экспертиз.

На настоящий момент основным правовым актом, регулирующим информационные отношения, возникающие в связи с использованием электронных документов в нашей стране, является Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»².

В 2010 г. ст. 2 данного Федерального закона дополнена п. 11.1, предусматривающим понятие электронного документа, под которым теперь понимается «документированная информация, представленная в электронной форме, т. е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах».

Кроме того, Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронной документации в деятельности органов судебной власти» в УПК РФ также внесены существенные изменения: в названия части шестой, разд. XIX, гл. 56, ст. 474 включены слова «электронные документы», «использование электронных документов» и введена новая статья – ст. 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве», в которой указано и на использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет³.

Как документ, так и компьютерная информация приобретают значение доказательств в уголовном судопроизводстве, когда они отвечают требованиям относимости и допустимости.

Относимость электронного документа предполагает то, что содержащиеся в нем сведения входят в круг обстоятельств, входящих в предмет доказывания по конкретному делу, либо выступают в качестве так называемых промежуточных фактов. Как справедливо замечают К. Б. Калиновский и Т. Ю. Маркелова, электронная информация может быть относимой к делу точно так же, как и любые другие непроцессуальные данные. Следовательно, она свободно может использоваться в качестве ориентирующей, тактической информации⁴.

Правила допустимости доказательств должны обеспечить достоверность средств доказывания и тем самым создать надежный фундамент для признания доказанными или недоказанными определенных обстоятельств. Обязательным требованием к доказательствам является то, что они должны быть собраны в соответствии с требованиями закона: надлежащим субъектом, в надлежащем порядке и из надлежащих источников. То есть в уголовном деле должны содержаться данные о том, каким образом компьютерная информация, хранящаяся в памяти персональных компьютеров, была введена в канву материалов уголовного дела.

Говоря о критериях допустимости электронных доказательств, Р. Г. Бикмиев и Р. С. Бурганов выделяют несколько их видов. Во-первых, общие, которые присущи всем доказательствам. Например, составление протокола, собирание их специально уполномоченным лицом, указанным в законе, участие определенных лиц (понятые, специалист) и т. д. Во-вторых, специальные, присущие только электронным доказательствам. Так, компьютерная экспертиза должна проводиться компетентным специалистом, осмотр сайта должен проводиться следователем, дознавателем, сотрудником органа дознания с участием специалиста и

понятых, ход и результаты следственного действия должны быть зафиксированы в соответствующем протоколе и др.⁵

Некоторые авторы, в частности, А. Р. Белкин, предлагают делить документы на безбумажных носителях на вещественные доказательства и иные документы⁶:

- программные продукты со следами изменения команд, создания условий самоизменения программы, несанкционированного изменения алгоритма – вещественные доказательства;

- носители информации об обстоятельствах, имеющих значение для дела, которые, в принципе, по своей сути не слишком отличаются от их бумажных копий, – иные документы.

Однако, на наш взгляд, в случае работы с электронными документами в широком смысле слова в роли иных документов могут выступать различные носители, содержащие техническую или служебную информацию (например, электронное сообщение, если оно получено в результате использования средств автоматического контроля компьютерной системы, регистрирующих ее пользователей или моменты подключения к ней абонентов, а также журналы учета сбойных ситуаций и т. п.).

Кроме того, как отмечает П. С. Пастухов, электронными вещественными доказательствами могут выступать не только материальные носители электронной информации, но и сама электронная информация, ставшая результатом преступного действия, сгенерированная в информационной среде как след преступления. Говоря о возможности и необходимости признания электронной информации в качестве вещественного доказательства, он приводит следующие обстоятельства.

1. Электронная информация, когда-то циркулировавшая в прошлом в виртуальном пространстве, создана в ма-

териальной среде, где она накапливается, архивируется и хранится, где ее можно просмотреть и исследовать.

2. Эта материальная среда хранения электронной информации реально существует, имеет свой специфический вид, обладателя, свои электронные носители, название, назначение.

3. Согласно примечанию к ст. 272 УК РФ, под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи, что свидетельствует о ее энергетической (вещественной) природе.

4. Компьютерную информацию можно измерить через специфические средства измерения – байты.

5. Компьютерной информации можно придать неизменяемый вид в специальном неизменяемом формате, а также вычислить хеш-функцию⁷.

Электронные документы – вещественные доказательства, отличаются тем, что они были созданы определенной автоматизированной системой обработки информации (АСОИ) в конкретный день, час, минуту, секунду (причем подобные данные о времени могут иметь подчас решающее значение в суде – при расхождении времени на двух компьютерах в несколько минут могут возникнуть сложности с доказыванием того, на каком компьютере эти данные появились впервые) как без непосредственного участия человека, так и с его участием, и в определенный момент времени находятся на конкретном носителе.

Достаточно часто приходится иметь дело с компьютерной информацией, передаваемой по сетям (самый простой пример – это почтовое сообщение, переданное либо через почтовый сервер сети Интернет, либо с помощью специальных почтовых программ The Bat!, MS Outlook

Express и т. п., входящих в стандартный набор операционной системы или офисного набора программ). Подобные данные можно разделить на 2 группы, исходя из их содержания:

1) передача технических данных (управляющих кодов, сигналов различных процессов (служб), участвующих в работе различных операционных систем, прикладных программ, и др.);

2) передача персонифицированной информации (личная переписка, информация о ком-то или о чем-то, которая может иметь ориентирующее значение при установлении круга знакомых или объектов интереса пользователя данной системы).

Примечательно, что в последнее время все большее количество преступлений в сфере компьютерной информации связано именно с передачей данных посредством сетевых коммуникаций с целью несанкционированного получения информации и паролей с удаленных компьютеров-«жертв». В этом случае на магнитных носителях (в данном случае на винчестере, в оперативной памяти и т. п.) компьютера-«жертвы» остаются следы в виде компьютерной информации, которая впоследствии может выступать в качестве источника доказательств по данному делу. В. А. Мещеряковым достаточно подробно описаны характеристики и расположение слеодообразующих и следовоспринимающих объектов в компьютерных системах преступника и «жертвы»⁸. Однако даже если на данном компьютере найдено достаточно информации, служащей подтверждением несанкционированного вхождения в систему (и других противоправных деяний), следователи могут столкнуться с такими трудностями, как различное шифрование передаваемых пакетов данных, необходимость поиска доказательственной информации на устройствах памяти промежуточных систем, которые правонарушитель мог

оставить для последующей работы над ними или для использования последних как стартовой площадки для осуществления проникновения в компьютерные системы (в случаях, когда для доступа к компьютеру-«жертве» используется компьютер-посредник).

В своей монографии Н. В. Галяшин при оценке электронных документов как доказательств предлагает их деление на следующие виды:

1) документы, хранимые на компьютере, – это документы, содержащие текст, составленный человеком или несколькими людьми и сохраненный в электронном виде. Примером являются сообщения электронной почты, файлы обработки текстов и сообщения интернет-чатов. Если документы приняты для доказывания истинности содержащихся в них заявлений, представившее их лицо должно привести обстоятельства, свидетельствующие о том, что утверждения, содержащиеся в документах, заслуживают доверия и документы должны быть подлинными;

2) документы, созданные компьютером, содержат результат работы компьютерных программ, полученный без вмешательства человека. Данные интернет-провайдеров о входе в систему, телефонные записи и чеки из банкоматов являются документами, созданными компьютером. В отличие от документов, хранимых на компьютере, документы, созданные компьютером, не содержат утверждений людей и являются лишь результатом работы компьютерной программы, предназначенной для обработки входящих данных по определенному алгоритму;

3) наконец, существует третья категория цифровых (электронных) документов: некоторые компьютерные документы одновременно созданы компьютером и хранятся на компьютере. Например, подозреваемый в деле о мошенничестве

мог использовать программу электронных таблиц для обработки финансовых показателей, связанных с мошеннической схемой. Сторона, требующая принятия документа в качестве доказательства, должна ответить на вопрос о достоверности производных доказательств, связанный с изначально введенными данными, и о подлинности (аутентичности), связанный с компьютерной обработкой⁹.

При этом, как показывает изучение следственной практики, существуют особенности, связанные с закреплением полученной (найденной) информации и проблемой доказывания подлинности полученных электронных (цифровых) документов.

Основываясь на данной классификации, Н. В. Галяшин (и мы с ним полностью согласны) констатирует, что проблемы подлинности компьютерных данных часто принимают одну из трех форм. «Так, например, стороны могут оспорить подлинность документов, созданных компьютером и хранимых на компьютере, подняв вопрос о том, могли ли документы быть изменены или повреждены после того, как они были созданы. Или, например, стороны могут усомниться в подлинности документов, созданных компьютером, оспорив надежность компьютерной программы, создавшей документ. Наконец, стороны могут оспорить подлинность документов, хранимых на компьютере, поставив под сомнение личность их автора»¹⁰.

Вопрос о возможности изъятия компьютерной техники и информации, способе упаковки, транспортировки и хранения изъятых объектов решается следователем в каждом конкретном случае совместно со специалистом. Процессуальный порядок изъятия объектов определяется общими требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

При проведении выемки и изъятия в ходе обыска электронных носителей информации важно, чтобы эти носители были зафиксированы и сохранены в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент производства соответствующего действия. Однако при старте (включении) большинства операционных систем изменения на диск обязательно будут внесены в файл виртуальной памяти, или, как его называют, в файл подкачки. Существует вероятность, что в файле подкачки могут сохраниться фрагменты документов, с которыми работали в последнее время, а затем зашифровали. Также необходимо учитывать то, что преступником могут быть предприняты меры для ограничения возможности копирования. В этой ситуации целесообразно использовать данные оперативной разработки, полученные через телефонные компании, провайдеров Интернета и т. д., говорящие о том, что с данного компьютера осуществляется выход в сеть, в частности, доступ непосредственно к объекту преступления.

Отсюда вытекает и другая проблема – получение доступа к удаленной компьютерной системе с возможностью контролировать действия преступника. В этом случае возникают две ситуации – либо владелец этой системы осведомляется о производимом следственном действии, либо нет, и доступ осуществляется оперативно.

При изъятии компьютерной информации не следует использовать свободное место изымаемого диска, так как будет утрачена возможность восстановления или частичного восстановления файлов. Практически любой текстовый редактор в процессе своей работы с документом создает временные файлы, в которые записываются фрагменты исходного файла. После завершения работы редактор удаляет временные файлы, но, как правило, физически содержимое диска при

удалении не изменяется. Если известны номера блоков, в которых обнаружена доказательственная информация, то ее можно сохранить в файле.

При изъятии в ходе обыска электронных носителей информации нужно довольно четко представлять, что именно должно быть изъято. Если известно, где на диске хранится программа или нужный документ, то вопрос собственно решен. Если же такой информации нет, то возможен вариант поиска необходимой информации с помощью операционной системы, загружаемой с диска. Этот простейший способ имеет ряд недостатков. Во-первых, нет полной гарантии, что не начнет работу система защиты на аппаратном или программном уровне изымаемого компьютера. Во-вторых, объем изымаемой информации может оказаться гораздо больше, чем количество свободного места на диске.

Другой, более надежный и эффективный вариант – это снятие винчестера с исследуемого компьютера и установка его на стендовый компьютер в качестве дополнительного. Эта несложная процедура дает гарантию того, что ни одна программа, в том числе и вирусная, не будет каким-либо образом автоматически запущена с исследуемого винчестера, и любая найденная информация может быть быстро скопирована. Наконец, существует

комплекс программ, которые специально созданы для осмотра и исследования изъятых в ходе выемки и обыска электронных носителей информации.

После сбора доказательств наступает самый сложный момент – их проверка. Сложность заключается в том, что обычно на жестких дисках и им подобных носителях информации количество файлов измеряется зачастую десятками тысяч, причем часть из них – системные файлы, часть – прикладные программы – их наличие предполагает их использование или изучение, но гораздо большую доказательственную силу имеют сами данные, полученные с помощью этих программ – из них можно определить, что было объектом работы конкретных программ. Также данные могут быть спрятаны, зашифрованы или стертые (преднамеренно уничтожены). В связи с этим исследование собранных доказательств должно производиться соответствующим экспертом с последующей выдачей соответствующего заключения.

Нам представляется, что проблема использования электронного документа как источника доказательств в уголовном судопроизводстве в настоящее время все более актуализируется и, несомненно, требует дальнейших углубленных исследований как с позиции теории судебного доказывания, так и криминалистики.

¹ См.: *Ефремов И. А.* О достоверности электронных документов при осуществлении уголовного судопроизводства // Информационное право. 2006. № 2 ; *Зигура Н. А.* Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010 ; *Кукарникова Т. Э.* Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003 ; *Полякова Т. А.* Вопросы создания правовых условий внедрения электронного документооборота и использования электронных документов в качестве доказательств // Человек : преступление и наказание. 2008. № 1 ; *Тульская О. В.* Некоторые проблемы использования электронных документов в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2009. № 6 (14).

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 19.07.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 11.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

⁴ См.: Калиновский К. Б., Маркелова Т. Ю. Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Российский следователь. 2001. № 6. С. 18–19.

⁵ См.: Бикмиев Р. Г., Бурганов Р. С. Собираение электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Информационное право. 2015. № 3. С. 17–21.

⁶ См.: Белкин А. Р. Теория доказывания : науч.-метод. пособие. М., 1999. С. 165.

⁷ См.: Пастухов П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.) : сборник научных статей. М., 2017. С. 306–310.

⁸ См.: Мецзяков В. А. Преступления в сфере компьютерной информации : основы теории и практики расследования. Воронеж, 2002. С. 108–110.

⁹ См.: Галяшин Н. В. Показания с «чужих слов» как производные доказательства в уголовном процессе : монография. М., 2017. 176 с.

¹⁰ Там же.

Воронежский государственный университет

Кукарникова Т. Э., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики

E-mail: tanya@law.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 255-84-91

Voronezh State University

Kukarnikova T. E., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: tanya@law.vsu.ru

Tel.: 8 (473) 255-84-91

А. В. Пучнин

Воронежский институт МВД России

СУДЕБНОЕ САНКЦИОНИРОВАНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

А н н о т а ц и я: в статье рассматриваются порядок судебного санкционирования проведения оперативно-розыскных мероприятий, правоприменительная деятельность суда по принятию решений о проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина.

К л ю ч е в ы е с л о в а: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, судебное санкционирование оперативно-розыскной деятельности.

JUDICIAL SANCTIONING OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

A b s t r a c t: the article considers the procedure for judicial authorization of carrying out operational-search measures, law enforcement activities on making decisions on the conduct of operational-search measures limiting the constitutional rights of a person and a citizen.

Key words: operational search activities, operational search activities, judicial authorization of operational search activities.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Оперативно-розыскная деятельность способна выявить преступление на самых ранних его стадиях, предотвратить наступление вредных последствий либо пресечь преступную деятельность. Одновременно оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) является эффективным механизмом проверки информации о подготовке, совершении преступления, предполагает значительное вмешательство органов, ее осуществляющих, в частную жизнь граждан.

Для проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, перечисленных в ст. 9 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), требуется судебное санкционирование.

В теории ОРД под судебным санкционированием понимают правопримени-

тельную деятельность суда по принятию решений (даче санкций) на проведение отдельных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), ограничивающих конституционные права человека и гражданина.

Порядок судебного рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ определен в самом общем виде ст. 9 Закона об ОРД. В данной статье установлено общее правило территориальной подсудности рассмотрения постановлений органов, осуществляющих ОРД, о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан на тайну связи и на неприкосновенность жилища. Такие дела рассматриваются, как правило, по месту проведения ОРМ либо по месту нахождения органа, вынесшего постановление об их проведении. Данное законоположение, закрепляющее механизм предварительного судебного контроля за проведе-

нием ОРМ, направлено непосредственно на защиту конституционных прав личности, а не на их ограничение.

В ст. 9 Закона об ОРД предусматривается возможность изменения общей подсудности при возникновении необходимости проведения ОРМ в отношении судьи. В случае появления обоснованных опасений в возможности рассекречивания ОРМ, которые запланированы в отношении судьи, материалы о проведении ОРМ могут быть переданы на рассмотрение в иной равнозначный суд. Основанием для этого является решение Председателя Верховного Суда РФ либо его заместителя, принятого по результатам рассмотрения ходатайства оперативного подразделения.

Специальный порядок получения разрешения суда на проведение ОРМ в отношении судей служит дополнительной гарантией, установленной с целью обеспечения их независимости, а также обеспечения таких конституционно значимых ценностей, как самостоятельность судебной власти в системе разделения властей и справедливость правосудия.

В ч. 2 ст. 9 Закона об ОРД порядок рассмотрения судьей материалов о разрешении на проведение ОРМ не определен, а содержится только предписание, что рассмотрение таких материалов должно осуществляться единолично и незамедлительно. При этом судье запрещено отказывать в рассмотрении представленных материалов, он может ограничиться изучением письменных документов. При исследовании материалов с согласия судьи могут присутствовать и давать пояснения представители оперативного подразделения, осуществляющего ОРД.

Для рассмотрения судьей названных выше материалов и принятия по ним решения необходимы юридические и фактические основания.

Юридическим основанием служит мотивированное постановление одного из

руководителей подразделения, полномочного осуществлять ОРД. Этот процессуальный документ носит комплексный характер: являясь письменно оформленным решением уполномоченного должностного лица, оно в то же время по своей сути представляет собой ходатайство перед судом о даче разрешения на осуществление ОРМ.

Постановление вправе вынести только руководитель подразделения, полномочного осуществлять ОРД. Оно должно содержать следующие реквизиты: гриф секретности, дата, место вынесения, точное наименование должности, фамилия и инициалы лица, вынесшего постановление, описательно-мотивировочная часть с обоснованием необходимости проведения конкретного ОРМ, наименование ОРМ, срок проведения, если он ограничен законом, подпись должностного лица, заверенная печатью. Обращение в суд с таким постановлением производится с обязательным соблюдением условий проведения ОРМ, установленных ст. 8 Закона об ОРД.

Фактическим основанием признается наличие в представляемом судье материале сведений, определяемых ст. 7 Закона об ОРД как основания для проведения ОРМ¹.

По требованию судьи представляются иные материалы, касающиеся оснований проведения ОРМ. Часть 3 ст. 9 Закона об ОРД предусматривает право судьи истребовать дополнительные материалы, имеющие отношение к основаниям и обосновывающие необходимость проведения ОРМ, если судья признает это нужным. Дополнительно могут запрашиваться данные о личности, с помощью которых можно идентифицировать конкретного человека.

К данным об организации и тактике проведения ОРМ относятся сведения, определяющие действия по подготовке, обеспечению и проведению конкретных действий, оптимальное использование оперативно-розыскных сил и средств,

комплекс приемов и средств достижения поставленной цели при проведении ОРМ.

Судья, рассматривая постановление руководителя оперативного подразделения, должен удостовериться в законности и обоснованности проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан.

Проведение ОРМ будет признано законным:

1) при наличии таких документов, как:

– постановление о возбуждении ходатайства перед судом о даче разрешения на проведение ОРМ, вынесенное надлежащим должностным лицом оперативного подразделения, и при наличии законных оснований для вынесения этого постановления;

– судебное постановление, разрешающее проведение ОРМ;

– указания в судебном постановлении срока проведения ОРМ;

2) при соблюдении:

– срока проведения ОРМ, определенного судебным постановлением;

– процедуры продления срока ОРМ;

– порядка проведения ОРМ в случаях, не терпящих отлагательства.

Под законностью понимается соответствие предоставленных материалов требованиям нормативных правовых актов, а под обоснованностью – мотивировка необходимости проведения ОРМ, что должно быть подтверждено соответствующими сведениями.

Полагаем, что именно подобная совокупность сможет стать достаточным основанием для удовлетворения заявленного ходатайства. Иное влечет отказ в судебном санкционировании ОРМ. При этом достаточность предоставленных фактических данных судья оценивает по внутреннему убеждению, сформированному в результате их изучения.

Необходимость соблюдения требований конспирации обуславливает пре-

доставление судье минимального объема сведений, которыми обладает инициатор постановления. Сотрудники оперативных подразделений считают, что для принятия судьей решения достаточно наличие постановления руководителя подразделения, осуществляющего ОРД, и справки, отражающей информацию о лице, в отношении которого это мероприятие будет проводиться, и другие сведения, имеющие значение для принятия решения.

Поскольку дача разрешения на проведение ОРМ ограничивает конституционные права граждан, целесообразно судьям активнее реализовывать предусмотренное ст. 9 Закона об ОРД право требовать представления других материалов, имеющих отношение к основаниям проведения ОРМ (с учетом исключения, установленного этой нормой). Такими материалами являются результаты ранее проведенных ОРМ, включая не требующих судебного санкционирования, а также находящиеся в распоряжении инициатора постановления материалы контрольно-ревизионных, надзорных органов и т. д.

Важным обстоятельством, хотя и определяемым требованиями конспирации, является то, что не только представленный судье материал, но и постановление судьи не хранятся в суде.

Закон об ОРД не допускает возможности отказа судьи в рассмотрении материалов об ограничении конституционных прав граждан, однако не обязывает и давать разрешение на проведение ОРМ «автоматически».

Рассмотрение материалов судьей завершается вынесением мотивированного постановления о разрешении проведения ОРМ либо об отказе в этом. Какие-либо предписания, освобождающие суд от соблюдения требования мотивированности решения, в ст. 9 Закона об ОРД не установлены. В связи со сказанным судья, отказывая в проведении ОРМ, обязан в со-

ответствующем решении обосновать свой отказ, ссылаясь на нормы права, указывая на отсутствие оснований и условий для проведения ОРМ и приводя иные аргументы, подтверждающие незаконность запрашиваемого мероприятия. Основанием для отказа в проведении ОРМ является также недостаточная мотивированность постановления, неполное представление данных, в связи с чем невозможно или затруднительно вынести решение о проведении ОРМ. В то же время следует учитывать изъятие из общего правила о том, что основанием для отказа в проведении ОРМ не является непредставление данных о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, о лицах, содействующих им на конфиденциальной основе; об организации и тактике ОРМ.

Постановление судьи как об отказе в санкционировании проведения ОРМ, так и санкционирующее его проведение должно быть заверено печатью и выдано инициатору проведения ОРМ с одновременным возвращением представленных им материалов. В постановлении устанавливается срок его действия с учетом исследованных фактических данных и ходатайства, содержащегося в постановлении субъекта ОРД, иницирующего проведение ОРМ. Этот срок не должен составлять более шести месяцев со дня вынесения постановления. Сделав ссылку на предельный срок, законодатель тут же его фактически устранил, когда предоставил возможность продления данного срока с учетом обстоятельств конкретного дела.

При необходимости продления срока судья выносит дополнительное решение на основании вновь представленных материалов. Кроме других материалов судье направляется справка о результатах ОРМ, полученных в течение ранее предоставленного срока. Повторно возбудить

ходатайство перед судом о санкционировании конкретного ОРМ после окончания шестимесячного срока возможно в виде исключения при возникновении вновь открывшихся фактических данных. К числу таких данных можно отнести сведения о совершении новых преступлений или появлении других лиц, причастных к преступлению, информация о которых появилась по истечении срока действия первого решения суда, санкционировавшего проведение ОРМ.

Как показывает практика, в крупных административных центрах с высокой плотностью населения образуются определенные кварталы (правительственные, жилые и пр.) с высокой концентрацией лиц, в отношении которых установлен специальный порядок осуществления ОРД. Подобная ситуация в некоторых случаях существенно осложняет получение судебного решения на проведение оперативно-розыскных мероприятий (например, получение у сотовых операторов информации о лицах, чьи абонентские устройства находились в районе совершения тяжкого или особо тяжкого преступления). Это обусловливается неотвратимостью проведения в общем порядке ОРМ в отношении лиц, обладающих «иммунитетом» в ОРД.

При отказе судьи в проведении ОРМ, которое ограничивает конституционные права граждан, оперативное подразделение, осуществляющее ОРД, вправе обратиться по тому же вопросу в вышестоящий суд. Буквальное толкование ч. 1 ст. 9 Закона об ОРД в ее взаимосвязи с положением ч. 7 этой статьи, как отмечает О. А. Вагин, означает, что не допускается повторное обращение по этому же вопросу к другому судье или в другой равнозначный суд². В случае отказа суда в проведении ОРМ оперативное подразделение имеет право обратиться по этому же вопросу, но только в вышестоящий

суд. Иное, по смыслу указанных положений, порождало бы злоупотребление правом, нарушение закрепленного ст. 6 Закона о судебной системе требования об обязательности решений суда. В вышестоящий суд представляются мотивированное постановление руководителя подразделения, осуществляющего ОРД, и другие материалы, касающиеся оснований для проведения ОРМ. Суд вправе потребовать представления мотивированного постановления нижестоящего суда об отказе в проведении запрашиваемого ОРМ. Если инициатору проведения мероприятия такое постановление не выдано, то он должен об этом указать в постановлении, ссылаясь на необоснованность отказа.

Следует отметить, что обращение в вышестоящий суд признается новым обращением о рассмотрении материалов об ограничении конституционных прав граждан, а не обжалованием решения нижестоящего суда. Об этом говорит законодательная формулировка, согласно которой подразделение, осуществляющее ОРД, вправе обратиться в вышестоящий суд «по этому же вопросу», а также то, что суд не отменяет решение нижестоящего суда, а принимает самостоятельное решение, отвечающее тем же требованиям,

т. е. обоснованности и мотивированности. На основании этого в вышестоящий суд могут представляться как документы, ранее представлявшиеся судье, так и новые, свидетельствующие об обоснованности планируемого проведения ОРМ.

Нельзя оставить без внимания положения ч. 7 ст. 9 Закона об ОРД, обязывающие руководителей судебных органов создавать условия, которые обеспечивают защиту информации, содержащейся в представляемых оперативно-служебных документах. Однако такое общее указание явно недостаточно, оно способно порождать неоднозначное толкование данных мер, приумножает количество ошибок, совершаемых в деятельности правоприменительных органов.

С нашей точки зрения, необходимо в законодательном порядке конкретизировать основные меры защиты указанных сведений, что будет способствовать единообразному применению рассматриваемой нормы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что судебное санкционирование в оперативно-розыскной деятельности представляет собой правоприменительную деятельность суда по принятию решений (даче санкций) на проведение отдельных ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина.

¹ См.: Сумин А. А. Судебное рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела : проблемы теории и практики // Адвокат. 2012. № 12.

² См.: Вагин О. А., Исиченко А. П., Четин А. Е. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) // Деловой двор. 2008.

*Воронежский институт
МВД России*

Пучнин А. В., кандидат юридических наук,
доцент кафедры оперативно-розыскной
деятельности

E-mail: lex-puch@yandex.ru

*Voronezh Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia*

Puchnin A. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of
Operational-Investigation Activities

E-mail: lex-puch@yandex.ru

С. Б. Россинский

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ПРОТОКОЛ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО КАК БОЛЬНОЙ ЗУБ: ЛЕЧИТЬ ИЛИ УДАЛЯТЬ?

Аннотация: настоящая статья посвящена рассмотрению протокола задержания подозреваемого как уголовно-процессуального акта, фиксирующего решение следователя о краткосрочном ограничении конституционного права человека на свободу и личную неприкосновенность.

Отталкиваясь от подлинного назначения задержания подозреваемого, автор приходит к выводу об отсутствии в протоколе задержания того «высокого» правового смысла, который вкладывается в иные резолютивные акты предварительного расследования. В этой связи предлагается исключить протокол задержания из сферы уголовно-процессуального регулирования с передачей в административное ведение полиции и иных «силовых» ведомств, осуществляющих фактическое задержание и доставление потенциальных подозреваемых.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, неприкосновенность личности, полицейское задержание, протокол задержания подозреваемого, уголовно-процессуальный акт.

PROTOCOL FOR DETAINING A SUSPECT AS A SICK TOOTH: TO TREAT OR DELETE?

Abstract: the author of the article considers the protocol of detention of a person on suspicion of committing a crime as a procedural act, which fixes the investigator's decision on the short-term restriction of the right to liberty and personal inviolability.

The author builds on the true purpose of the suspect's arrest and concludes, that in the protocol of detention there is no "high" legal meaning, which is invested in other resolutions of preliminary investigation. The author proposes to exclude the protocol of detention from the sphere of criminal procedure regulation with the transfer to the administrative authority of the police and other departments carrying out the actual detention and delivery of potential suspects.

Key words: detention of a suspect, inviolability of the person, police detention, protocol of detention of the suspect, criminal procedure act.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Согласно ч. 1 ст. 92 УПК РФ после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол его задержания. Таким образом, действу-

ющий уголовно-процессуальный закон придает протоколу задержания значение некоего резолютивного акта (акта-решения), порождающего возникновение принципиально новых публично-правовых отношений между государством и личностью.

© Россинский С. Б., 2019

Вместе с тем любой специалист должен прекрасно понимать, что протокольная форма фиксации решения о задержании подозреваемого мало соответствует его процессуальной природе, его резолютивному характеру. Как совершенно справедливо отметили О. Я. Баев и М. О. Баев, протокол задержания подозреваемого выполняет функции обычного постановления следователя; он содержит все необходимые для того элементы и атрибуты – от даты и времени его составления до подписи должностного лица, принявшего данное процессуальное решение¹, ведь протоколами (от греч. *protokollon* – первый лист манускрипта) в уголовном судопроизводстве РФ принято считать документы, фиксирующие ход и результаты следственных, судебных и иных процессуальных действий (актов-действий). Тогда как публично-правовые акты-решения в досудебном производстве оформляются иными документами – постановлениями.

Согласно п. 25 ст. 5 УПК РФ постановление – это любое решение, вынесенное в ходе досудебного производства, за исключением обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления. Всякая прочая, помимо задержания, мера уголовно-процессуального принуждения применяется на основании соответствующего постановления следователя или суда. Кстати, еще в 1999 г., т. е. до принятия УПК РФ, В. Н. Григорьев прямо предлагал оформлять решение о задержании подозреваемого постановлением как документом, в большей степени соответствующим сущности указанного процессуального распорядительного акта².

Непонятно, почему авторы действующего Кодекса, прямо определив задержание подозреваемого как меру процессуального принуждения, не удосужились устранить этот существующий долгие

годы нормативный «ляп», этот «больной зуб» в общем механизме краткосрочного ограничения свободы и неприкосновенности личности.

Хотя ради справедливости следует отметить, что в п. 4 ч. 1 ст. 38 УПК РФ все же содержится некое полномочие следователя давать органу дознания письменное поручение об исполнении постановления о задержании. К слову, некоторые государства, возникшие на постсоветском пространстве, проявили большую добросовестность по отношению к данному вопросу. Например, ст. 110 УПК Беларуси предписывает составление протокола лишь должностным лицом, осуществившим фактическое задержание, тогда как следователь определяет дальнейшую судьбу задержанного посредством постановления.

Многие авторы, упоминая об указанном правовом изъяне, относятся к нему как к некой «аксиоме», связывая причины его возникновения с законодательной традицией, мол, так было всегда³. Однако подобное объяснение является поверхностным, ведь любой обычай (неважно, где: в политике, культуре, праве или где-то еще) не зарождается просто так, а всегда имеет веские основания и условия возникновения. Другое дело, что далеко не в каждом случае ученым удается, проследив динамику развития того или иного явления, проанализировав его генезис, выявить и правильно оценить основания и условия возникновения существующих традиций.

Представляется, что подлинные причины протокольной формы фиксации процессуального решения о задержании подозреваемого имеют куда более глубокие корни, уходящие далеко в прошлое. Они напрямую связаны с развитием отечественного досудебного производства и обусловлены имевшими место в истории разными подходами к понима-

нию (а может быть, и банальным недопониманием) законодателем правовой природы этого акта, неопределенностью в вопросе, чем все-таки является задержание подозреваемого: превентивной «полицейской» мерой или мерой уголовно-процессуального принуждения.

В частности, архаичное дореформенное законодательство Российской империи⁴ полностью отдавало предварительное следствие по уголовным делам в ведение полиции. Поэтому именно за полицией закреплялось исключительное право «брать кого-либо для допроса и исследования в случае, когда улика в преступлении основана на обстоятельствах, возбуждающих сильное подозрение». Устав уголовного судопроизводства Российской империи, несмотря на появление механизмов судебного следствия, полностью сохранил полномочия по задержанию подозреваемого в компетенции полицейских органов. Кстати, и первый «социалистический» УПК РСФСР 1923 г., невзирая на ликвидацию царской полиции, на появление новых органов дознания, по-прежнему позиционировал задержание подозреваемого как сугубо «полицейскую» меру, осуществляемую как бы в «доследственном» правовом поле, т. е. до принятия уголовного дела к производству следователем.

Да и вообще, как имперское, так и раннее советское процессуальное законодательство в принципе не предполагало столь сильной формализации процедуры задержания подозреваемого, подобно тому, как этот вопрос решается сегодня. Захват, доставление и юридическое оформление задержанного осуществлялись в достаточно свободном режиме, определенном не столько законодательными нормами, сколько внутренними регламентами и этическими правилами работы правоохранительных органов. В этой связи один из известных дорево-

люционных процессуалистов Н. Н. Розин отмечал: «Предварительный полицейский арест как мера обеспечения явки обвиняемого к судебному или следственному органу в нашем праве не вылился в отчетливые формы»⁵. Как до-, так и послереволюционные авторы вообще писали о задержании подозреваемого как бы вскользь, игнорируя подробное рассмотрение этих вопросов⁶.

И уж тем более ни у кого и никогда не возникало мысли о каком-либо разделении процедуры применения данной меры на фактическую и процессуальную части. Задержание подозреваемого воспринималось как единый, целостный превентивный «полицейский» акт, обеспечивающий возможность последующего процессуального взаимодействия судебно-следственных органов с человеком, потенциально подлежащим уголовной ответственности. Кстати, впервые протокол как документ, фиксирующий действия по задержанию подозреваемого, был регламентирован в Инструкции об организации милиции 1918 г.⁷ В примечании к п. 2 ст. 28 этого нормативного акта указывалось: «О каждом случае задержания советская милиция составляет протокол с точным обозначением места, дня и часа задержания, а равно основания применения этой меры».

И поэтому *нет ничего удивительного в зарождении традиции, предполагающей оформление акта задержания подозреваемого не постановлением, а именно протоколом – по аналогии со многими другими формами деятельности полиции, милиции или иных правоохранительных органов.*

Однако традиция традиций, а современный Уголовно-процессуальный кодекс РФ достаточно сильно отличается от своих «дедушек» и «прадедушек». Ввиду целого ряда факторов и исторических катаклизмов XX в. в России сформировалась особая, самобытная нацио-

нальная модель уголовного судопроизводства, предполагающая интеграцию «классических» следственных полномочий с «полицейскими», относящая процессуальную функцию предварительного расследования к компетенции «силовых» ведомств. Представляется, что основной «разрыв в цепи» случился в 1928 г., когда народные следователи были выведены из ведения судов и полностью подчинены органам прокуратуры (Наркомату юстиции)⁸. А кардинальный процессуальный «перелом» в этой части произошел во время реформы уголовного судопроизводства конца 1950-х – начала 1960-х гг., формально легализовавшей право следователя на задержание подозреваемого (ст. 32 Основ уголовного судопроизводства СССР⁹, ч. 6 ст. 127 УПК РСФСР 1960 г. и аналогичные положения уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик).

Правда, вначале данные нормы считались как бы факультативными. Например, ст. 122 УПК РСФСР 1960 г. возлагала основное бремя задержаний подозреваемых на органы дознания. Следователю же в этом вопросе отводилась второстепенная роль; по смыслу закона он мог использовать такой правовой рычаг лишь в исключительных случаях, если приступал к расследованию на самом раннем этапе. И тем не менее с учетом сформировавшейся в позднесоветский период правоприменительной практики следователи принимали и продолжают принимать к своему производству большинство уголовных дел (вернее, даже еще не дел, а только лишь материалов) на этапе доследственной проверки сообщения о преступлении. Поэтому в реальности сугубо «следственные» задержания подозреваемых возымели повсеместное распространение. А часть 1 ст. 91 действующего УПК РФ (в изначальной редакции) уже наделяла полномочиями по задержанию

подозреваемых не только органы дознания, дознавателя, следователя, но и прокурора, превращая его (задержание) в полноценный юрисдикционный акт применения уголовно-процессуального права и еще более усиливая недопонимание замыслов законодателя.

О чем же думали авторы действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ, зачем-то сохранив старую протокольную форму решения о задержании подозреваемого при новых подходах к сущности и содержанию уголовной юстиции и допуская, таким образом, очевидный для любого специалиста нормативный «ляп»?

В данном случае (кстати, как и в части иных актуальных проблем уголовно-процессуального права) может возникнуть лишь одна более или менее состоятельная гипотеза. Видимо, стремясь выработать новую демократическую идеологию уголовного процесса, создать безукоризненные с точки зрения либеральных ценностей принципы уголовного судопроизводства, авторы УПК РФ просто не уделили должного внимания сугубо «рабочим», процедурным вопросам. Решая политические, стратегические задачи, они забыли или не успели привести в соответствие с ними детали, т. е. конкретные правила проведения процессуальных действий и принятия процессуальных решений. А может быть, и вообще посчитали подобные детали несущественными.

В этой связи вполне закономерно возникает перспективный вопрос: а надо ли вносить очередные изменения в УПК РФ, заменив протокол задержания подозреваемого постановлением? Или, может быть, сохранить Status Quo, оставить все как есть, понадеявшись, что правоприменительная практика сама все расставит на свои места?

Представляется, что само по себе изменение названия акта-решения о за-

держании не позволит достичь никаких ощутимых практических результатов и оптимизировать следственную практику. Более того, протокол задержания подозреваемого – это уже настолько привычный и расхожий «штамп», что подобные реформы, наоборот, могут привести правоприменителей к еще большей сумятице и только усугубить и без того непростую ситуацию.

Другое дело, что указанная терминологическая неточность тянет за собой целый ворох куда более серьезных проблем. И одна из них заключается в различных процессуальных правилах составления протоколов (актов-действий) и постановлений (актов-решений). Ввиду рассмотренной выше неопределенности по поводу юридической природы задержания подозреваемого законодатель в ст. 92 УПК РФ предъявляет такие требования к протоколу, которые более походят на правила оформления других протоколов, фиксирующих ход и результаты следственных действий (участие защитника при составлении, результаты личного обыска, другие обстоятельства задержания и т. д.).

Но протокол задержания впитал в себя и некоторые требования, свойственные актам-решениям (например, необходимость указания оснований и мотивов задержания), но как-то очень вскользь, без четкого разъяснения их содержания. Подобная законодательная конструкция приводит к весьма негативной практике, выраженной в том, что следователи фактически игнорируют требования ч. 4 ст. 7 УПК РФ об обоснованности и мотивированности процессуальных актов, ограничиваясь лишь указанием одного из предусмотренных ст. 91 УПК оснований для задержания. Да и сами используемые бланки протоколов разработаны таким образом, что правоприменителю вряд ли удастся вписать туда много «авторского»

текста. В этой связи мы полностью разделяем опасения О. Я. Баева и М. О. Баева о возможных нарушениях и злоупотреблениях должностных лиц в силу отсутствия необходимости отражать в протоколе задержания саму «фабулу» преступления и его уголовно-правовую квалификацию¹⁰.

Еще одна проблема возникает из-за дублирования функций по составлению протокола задержания разными должностными лицами. С одной стороны, составление протокола – это прямая обязанность должностного лица правоохранительного органа, осуществившего фактический захват и доставление задержанного. В частности, подобное требование (кстати, обремененное теми же, что и в УПК РФ, гарантиями) четко вытекает из ст. 14–15 Закона «О полиции»¹¹ и конкретизируется в специальном Наставлении для дежурных частей ОВД¹², которое закрепляет эту функцию за оперативным дежурным. Но, с другой стороны, находящиеся в системном единстве положения ч. 1 ст. 91 и 92 УПК РФ указывают на сугубо процессуальный характер данного полномочия, возлагая его на следователя.

Кто же должен на самом деле составлять протокол задержания подозреваемого? К сожалению, законодатель не может дать четкого ответа на данный вопрос. А правоприменительная практика в этой части складывается весьма и весьма разнообразно. В некоторых случаях протоколы задержания составляют оперативные дежурные полиции, позиционируя себя в качестве представителей органов дознания. Где-то протокол составляется лишь следователем, а предусмотренное Законом «О полиции» требование о собственном «полицейском» протоколе просто игнорируется. Иногда используется «двойная» практика: сначала (при доставлении) оформляется «полицейский» протокол, а затем (в течение 3 часов) – «следственный» и т. д.

Поэтому представляется, что *затрагиваемые в настоящей статье вопросы могут быть разрешены только при четком и ясном понимании самой юридической природы акта (решения) о задержании подозреваемого, которая, в свою очередь, методологически обусловлена целями данного правоограничительного механизма.*

Но каковы цели задержания подозреваемого? Анализ абсолютного большинства научных позиций по данному поводу¹³ предопределяет вполне очевидный вывод: *основная цель задержания подозреваемого – это обеспечение нахождения лица «при уголовном деле», т. е. в условиях процессуальной доступности для производства с его участием следственных действий и иных процессуальных процедур, направленных на установление его причастности к совершению преступления и решение вопроса о возможности применения к нему заключения под стражу или домашнего ареста.* В качестве дополнительных, но не менее важных целей задержания подозреваемого следует назвать: *а) воспрепятствование другим формам противодействия расследованию (воздействию на свидетелей, экспертов, уничтожению доказательств и т. д.); б) пресечение иной преступной деятельности.*

Сложный комплексный характер задержания подозреваемого (фактическое задержание → доставление → составление протокола и т. д.), предполагающий его многогранность, неоднородную правовую природу, невольно наводит на закономерный вопрос: *а в какой конкретный момент человек реально оказывается во власти правоохранительных органов и лишается возможности свободно располагать собой?*

Ответ на него очевиден. Это происходит одновременно с так называемым фактическим задержанием (захватом), являющимся самым первым (допроцессуальным) этапом всей процедуры за-

держания подозреваемого в совершении преступления. Именно в этот момент реально ограничивается предусмотренное ст. 22 Конституции РФ право на свободу и личную неприкосновенность; в этот же момент человеку предоставляются основные юридические гарантии, оберегающие статус задержанного и его последующие взаимоотношения с правоохранительными органами. Вспомним хотя бы решения Европейского суда по правам человека, связывающие лишение физической свободы не с формальными, а с сущностными факторами¹⁴. Подобных позиций традиционно придерживался и Конституционный Суд РФ. В одном из самых известных постановлений по вопросам задержания подозреваемого – по делу В. И. Маслова – отмечается, что ч. 2 ст. 48 Конституции РФ определено указывает именно на сущностные признаки, характеризующие фактическое положение лица как нуждающегося в правовой помощи в силу того, что его конституционные права, прежде всего, на свободу и личную неприкосновенность, ограничены, в том числе в связи с уголовным преследованием в целях установления его виновности¹⁵.

Таким образом, система действующего законодательства предполагает весьма интересный правовой феномен. *Основная цель прямо предусмотренного УПК РФ уголовно-процессуального механизма достигается за рамками уголовного судопроизводства* (часто даже до возбуждения уголовного дела), в ходе реализации своих служебных полномочий лицами, не входящими в круг участников предварительного расследования. Органы дознания и предварительного следствия получают в свое ведение задержанного уже после обеспечения необходимых условий нахождения данного лица «при уголовном деле» (а как же иначе!), пресечения возможности попыток воспрепятствовать

их деятельности и продолжить криминальное поведение. Задержание, – пишет Л. В. Головкин, – почти всегда является фактическим, что вытекает из его природы и его оснований, поэтому противопоставлять надо не фактическое и юридическое задержание, а само задержание и его процессуальное оформление, происходящее *post factum*¹⁶.

Но если так, то какую же цель тогда преследует собственно процессуальное решение о задержании подозреваемого, принимаемое в порядке ст. 91–92 УПК РФ? Представляется, что лишь только одну. Посредством составления протокола следователь осуществляет своеобразную процессуальную легализацию принятого ранее полицией или сотрудниками иных «силовых» ведомств акта ограничения конституционного права лица на свободу и личную неприкосновенность.

Исходя из predeterminedенных международно-правовыми стандартами и Конституцией РФ подходов, процессуальное решение о задержании не привносит в уголовное дело ничего нового, не обуславливает ни возникновения, ни изменения, ни прекращения никаких принципиально новых правоотношений. Все основные права (на телефонный звонок, уведомление заинтересованных лиц, защите и т. д.) задержанный получает с момента своего захвата. Кстати, эти права тоже не имеют ярко выраженного процессуального характера и вполне могут быть обеспечены правоохранительными органами, например, в соответствии со ст. 14 Закона «О полиции».

Чтобы окончательно развеять возможные сомнения и заранее ответить на вполне ожидаемую критику оппонентов – мол, подозреваемый имеет куда больше прав – позволим себе немного отвлечься от предмета настоящей статьи, пояснив, что юридическое признание за лицом данного процессуального статуса совсем

не обязательно должно быть привязано к составлению протокола задержания, как это определено в п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Сугубо формально начало осуществления в отношении задержанного уголовного преследования можно увязать с любым иным процессуальным действием или решением, например, с его первым допросом в качестве подозреваемого.

Протокол задержания даже нельзя признать неким «актом приема-передачи» доставленного лица из ведения приведших его сотрудников в распоряжение следователя с переложением на последнего всей полноты ответственности за судьбу данного человека, ведь согласно ч. 1 ст. 92 УПК РФ протокол должен быть составлен не сразу, а в течение 3 часов с момента доставления. Этот срок установлен в целях проведения необходимых для обоснования задержания процессуальных действий, во время которых доставленный уже находится в зоне ответственности органов предварительного расследования.

Таким образом, представляется, что процессуальное решение о задержании не имеет «высокого» правового смысла, который вкладывается в иные резолютивные акты досудебного производства. Протоколу задержания подозреваемого в том виде, в коем он существует в действующей системе уголовно-процессуального регулирования, по существу более подходит роль некоего технического документа, составляемого для «внутреннего» пользования, например, для руководителя следственного органа, в целях более эффективного ведомственного контроля за законностью деятельности своих подчиненных.

Мы, конечно, не уверены, уместно ли здесь приводимое сравнение, но решение о задержании подозреваемого скорее напоминает своеобразный «протокол о намерениях», посредством которого следователь фиксирует свой замысел на дальнейшее применение к лицу меры пресе-

чения арестантского характера. Кстати, в данном контексте процессуальный акт задержания вообще теряет всякий смысл, поскольку ровно те же самые намерения, но уже обличенные в более развернутую и мотивированную форму вытекают из следующего по порядку документа – ходатайства в суд о заключении задержанного под стражу или под домашний арест (ч. 3 ст. 108 УПК РФ).

В одной из своих последних публикаций, проанализировав правовую сущность обвинения как результата дискретных полномочий следователя, основанного на совокупности достаточных доказательств, мы пришли к выводу о поспешности и необоснованности так называемого первоначального обвинения, обусловленного правилом, предполагающим применение к лицу меры пресечения лишь после его привлечения к уголовной ответственности. В этой связи было внесено предложение о возможности избрания меры пресечения в отношении подозреваемого не как исключения (ст. 100 УПК РФ), а как основного правила¹⁷.

И если придерживаться именно такого подхода (он-то и представляется нам единственно верным), то временной интервал между актом процессуального задержания подозреваемого и ходатайством в суд об избрании в отношении него меры пресечения сокращается до минимума. А с учетом того, что на практике эти несколько часов обычно полностью посвящаются формированию и предъявлению обвинения, решение о задержании и ходатайство в суд вообще должны неразрывно следовать одно за другим.

Резюмируя вышеизложенное, мы приходим, может быть, не совсем к «традиционному», своеобразному, но, тем не менее, единственно возможному выводу. *Составляемый следователем/дознавателем в порядке ст. 92 УПК РФ протокол задержания подозреваемого – вообще лишнее*

звено в механизме краткосрочного (внесудебного) ограничения конституционного права человека на свободу и личную неприкосновенность в преддверии его предполагаемого заключения под стражу или домашнего ареста. Этот «больной зуб» не следует лечить; его надо удалять! А для оформления правовых намерений органов предварительного расследования применить к задержанному меры пресечения вполне достаточно иных предусмотренных УПК РФ процессуальных средств, в частности, направляемого в суд ходатайства в порядке ч. 3 ст. 108 УПК РФ.

И поэтому все критические замечания ученых относительно документа, коим необходимо оформлять процессуальное решение о задержании (как его называть: протоколом или постановлением), лишены всякого смысла. *Такое решение, равно как и правила его вынесения, в принципе подлежат исключению из системы уголовно-процессуального регулирования с передачей в административное ведение полиции и иных «силовых» ведомств, осуществляющих фактическое задержание и доставку потенциальных подозреваемых.*

Несмотря на все попытки советского, а затем и российского законодателя ввести задержание подозреваемого в сферу уголовно-процессуального регулирования, оно фактически остается превентивной «полицейской» мерой, применяемой в целях как бы «внешнего», «допроцессуального» обеспечения благоприятного режима досудебного производства по уголовному делу. Такой она представлялась еще дореволюционному законодателю, таковой она, очевидно, останется и впредь.

В этой связи весьма уместно привести позицию Л. В. Головки. Автор пишет, что во всех правопорядках между задержанием кратковременным и задержанием длительным (заключением под стражу)

есть принципиальная разница: задержание является по своей природе полицейской мерой, а заключение под стражу – мерой судебной. Называться эти меры могут по-разному в соответствии с национальной терминологической традицией, более устойчивой в континентальных правовых порядках, например, французское противопоставление *garde à vue* (задержание) и *détention provisoire* (заключение под стражу). Однако само по себе разграничение двух принципиально отличных друг от друга форм ограничения физической свободы лица является объективной и универсальной константой¹⁸. О полицейском характере задержания пишут и другие авторы¹⁹.

Автору настоящей статьи не хотелось бы, чтобы высказанная позиция была истолкована превратно – как полностью исключаящая какое-либо процессуальное участие следователя в процедуре задержания лица по подозрению в совершении преступления. Мы вовсе не ратуем за абсолютное упразднение следственного присутствия в этом механизме. В конце концов, подобные полномочия обусловлены международно-правовыми стандартами; они же вытекают из системы действующего законодательства РФ. Именно следователь как субъект уголовной юрисдикции осуществляет проверку законности и обоснованности «полицейского» задержания, определяя дельнейшее положение подозреваемого и прини-

мая на себя весь груз процессуальной ответственности за его судьбу.

Мы лишь выступаем за упразднение самого процессуального решения о задержании как самостоятельного резолютивного акта, который не имеет никакого юридического смысла и лишь дублирует предшествующие «полицейские» документы. Полагаем, что законность и обоснованность задержания подозреваемого вполне может быть обеспечена не протоколом, оформляемым в порядке ст. 91–92 УПК РФ, а иными процессуальными актами: мотивированным ходатайством в суд об избрании в отношении лица меры пресечения арестантского характера или, наоборот, постановлением о его освобождении из-под стражи, выносимом в порядке ч. 1 ст. 94 УПК РФ.

Предлагая на строгий суд читателей вышеприведенную точку зрения, автор прекрасно понимает вероятность ее скептических оценок со стороны блюстителей «традиционных» подходов к задержанию подозреваемого. И тем не менее мы осознанно идем на подобные исследовательские риски в надежде усовершенствовать существующие законодательные механизмы и оптимизировать сложившуюся правоприменительную практику в контексте поиска разумного баланса между публичными и частными интересами, между полномочиями государства и правами личности как одной из основных задач уголовно-процессуальной науки.

¹ См.: Баев О. Я., Баев М. О. Современный правовой механизм задержания подозреваемого в совершении преступления и проблемы его совершенствования // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2016. № 2. С. 231.

² См.: Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. М., 1999. С. 160.

³ См.: Авдеев В. Н., Богацкий Ф. А. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве России. Калининград, 2006. С. 99–100; Зайцев О. А., Смирнов П. А. Подозреваемый в уголовном процессе. М., 2005. С. 153; Баев О. Я., Баев М. О. Указ. соч. С. 231.

⁴ Имеется в виду 2-я часть 15-го тома Свода законов Российской империи Николая I: «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках».

⁵ Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914. С. 321.

⁶ См., напр.: *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996. С. 334; *Строгович М. С.* Уголовный процесс : учебник для юридических вузов и факультетов. М., 1946. С. 304.

⁷ См.: Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция) : постановление НКВД РСФСР и Наркомюста РСФСР от 13 октября 1918 г.

⁸ См.: Об изменении Положения о судостроительстве РСФСР : постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 г.

⁹ Имеется в виду Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик».

¹⁰ См.: *Баев О. Я., Баев М. О.* Указ. соч. С. 232.

¹¹ Здесь и далее – Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» с последующими изменениями и дополнениями.

¹² Имеется в виду приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан».

¹³ См.: *Лившиц Ю. Д., Гинзбург А. Я.* Меры пресечения и задержание в советском уголовном процессе. Алма-Ата, 1961. С. 30; *Клюков Е. М.* Мера процессуального принуждения. Казань, 1974. С. 21; *Коврига З. Ф.* Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 140; *Березин М. Н., Гуткин И. М., Чувилов А. А.* Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М., 1975; *Муравьев К. В.* Меры уголовно-процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия : доктрина, применение, оптимизация. Омск, 2017. С. 181; и др.

¹⁴ См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 6 ноября 1980 г. по делу «Гуццарди против Италии» (жалоба № 7367/76); Постановление Европейского суда по правам человека от 28 октября 1994 г. по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (жалоба № 14310/88); Постановление Европейского суда по правам человека от 24 ноября 1994 г. по делу «Кеммаш против Франции» (жалобы № 12325/86, 14992/89).

¹⁵ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П.

¹⁶ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 531.

¹⁷ См.: *Россинский С. Б.* Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 30–36.

¹⁸ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. С. 525.

¹⁹ См.: *Муравьев К. В.* Указ. соч. С. 181; *Химичева О. В., Шаров Д. В.* Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 157.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Россинский С. Б., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Moscow State Legal University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Rossinskiy S. B., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminal Procedure Department

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

И. Г. Савицкая

Воронежский институт МВД России

УЧАСТИЕ ПЕДАГОГА И ПСИХОЛОГА НА СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Аннотация: статья посвящена вопросам, связанным с участием таких участников уголовного судопроизводства, как педагог и психолог в судебном разбирательстве по уголовным делам с участием несовершеннолетнего. Автор анализирует целесообразность участия педагога или психолога в стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству, а также непосредственно в нем, освещаются некоторые законодательные проблемы участия педагога или психолога на стадии судебного разбирательства.

Ключевые слова: специальные знания, педагог, психолог, судебное разбирательство, несовершеннолетний.

THE PRESENCE OF A TEACHER AND A PSYCHOLOGIST ON STAGE JUDICIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES INVOLVING MINORS

Abstract: the article is devoted to the issues related to the participation of such participants in criminal proceedings as a teacher and a psychologist in criminal proceedings involving minors. The author analyzes the expediency of the participation of a teacher or psychologist in the preparation of a criminal case for trial, as well as directly in it, highlights some legislative problems of participation of a teacher or psychologist at the trial stage.

Key words: special knowledge, teacher, psychologist, trial, minor.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Необходимость учета возрастных и индивидуальных психологических особенностей подростков обуславливает наличие в УПК РФ ст. 280 и ч. 6 ст. 245, которые предусматривают участие педагога и психолога в судебном разбирательстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Так, участие педагога и психолога направлено на оказание помощи в проведении судебных действий, связанных с дачей несовершеннолетним показаний, а также на установление обстоятельств,

подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 421 УПК РФ¹.

Целью участия педагога и психолога в судебном разбирательстве является учет физиологических, социально-психологических особенностей несовершеннолетнего лица, а также содействие суду при производстве допроса несовершеннолетних подсудимых, потерпевших, свидетелей.

Рассмотрение вопросов, связанных с участием педагога и психолога в суде, следует начать со стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству. Касясь целесообразности судебно-

© Савицкая И. Г., 2019

го участия вышеуказанных лиц, Д. А. Рогозин отмечает, что «на стадии назначения дела к слушанию судьей целесообразно рассматривать вопросы, перечисленные в ст. 228 УПК, совместно с психологом либо педагогом»².

На наш взгляд, когда на стадии подготовки к судебному разбирательству судом решается вопрос об избрании или изменении меры пресечения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого, проведение предварительного слушания с участием педагога или психолога является необходимым. Представляется, что участие педагога или психолога целесообразно на предварительном слушании при решении судом следующих вопросов:

- об изменении меры пресечения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого;
- закрытом характере судебного процесса с участием несовершеннолетнего обвиняемого;
- целесообразности допроса несовершеннолетнего при решении вопросов о признании доказательств недопустимыми или о приобщении новых доказательств.

Полагаем, что педагог может быть приглашен для участия в предварительном слушании по инициативе одной из сторон. В частности, сторона защиты может с помощью педагога или психолога обосновать нецелесообразность применения к несовершеннолетнему меры пресечения в виде заключения под стражу, а сторона обвинения может с помощью приглашенного по ее инициативе педагога или психолога использовать его помощь для опровержения ходатайства стороны защиты об изменении меры пресечения. При этом по собственной инициативе педагог не вправе обратиться в суд с ходатайством об изменении меры пресечения³.

Не утрачивает своей актуальности проблема равнозначности гарантий, предусмотренных для различных несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства на различных стадиях уголовного процесса. Изменения последних лет в сторону повышения процессуальной защиты несовершеннолетних путем возможности приглашения педагога и психолога в уголовный процесс относятся в основном к стадии досудебного производства по уголовному делу. Как верно отмечает Н. В. Софийчук, «права несовершеннолетнего с любым процессуальным статусом и на всех стадиях уголовного процесса должны быть одинаково гарантированы»⁴.

Одной из дополнительных гарантий защиты прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства на стадии судебного разбирательства является возможность его проведения в закрытом порядке. Это отчасти связано с тем, что для несовершеннолетних участников судопроизводства, в том числе потерпевших и свидетелей, участие в суде является серьезным психологическим испытанием, страх вызывает как обстановка судебного заседания, так и поведение окружающих в суде.

Закрытый характер судебных заседаний по уголовным делам с участием несовершеннолетних предусматривается законодательством большинства цивилизованных государств. Это выражается, в частности, в том, что данные, установленные в ходе судебного разбирательства и фиксируемые в судебных документах, носят конфиденциальный характер⁵.

Пункт 2 ч. 2 ст. 241 УПК РФ предусматривает производство закрытого судебного разбирательства только по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими 16 лет. Следовательно, уголовные дела о престу-

плениях, совершенных несовершеннолетними в возрасте от 16 до 18 лет, рассматриваются на открытом судебном заседании. Исключения составляют судебные процессы о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также преступлениях, которые могут привести к разглашению сведений об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства, либо сведений, унижающих их честь и достоинство. Полагаем, что закрытым должно быть любое судебное разбирательство, где участвует несовершеннолетнее лицо. В данном вопросе мы разделяем точку зрения Д. А. Рогозина, который предлагает предоставить суду право решать вопрос о конфиденциальности судебного процесса без ограничения возраста несовершеннолетнего⁶.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о недостатках правового регулирования судебного процесса с участием несовершеннолетних.

В российской судебной практике рассмотрение дел с участием несовершеннолетних можно встретить различные случаи, когда в нарушение ч. 3 ст. 425 УПК допрос несовершеннолетних проводится без педагога и психолога.

Так, например, в судебном заседании Сахалинского областного суда несовершеннолетний К., который на момент рассмотрения дела судом первой инстанции не достиг возраста 16 лет, был допрошен в качестве подозреваемого без участия педагога или психолога⁷.

Другой пример. Президиум Челябинского областного суда отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение в связи с тем, что в нарушение требований ст. 280 УПК РФ судом первой инстанции потерпевшая, которой на момент судебного разбирательства исполнилось 13 лет и у которой, согласно данным судебно-пси-

хиатрической экспертизы, имелись признаки социализированного расстройства личности, была допрошена в отсутствие педагога⁸. Из вышеизложенного очевидно, что приговор подлежит отмене в связи с существенным нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, которое выразилось в том, что участие в деле психолога не было обеспечено, однако следует согласиться с С. В. Тетюевым, что в данном случае было бы более уместно участие психолога, нежели педагога⁹.

Уголовно-процессуальный закон не содержит однозначных требований к педагогу и психологу, а также не конкретизирует случаи, кого из них в каком случае привлекать в судебный процесс. Поэтому судебная практика в различных регионах России складывается по-разному.

Например, Верховный суд Удмуртской Республики дал нижестоящим судам разъяснения, что педагог должен знать детскую психологию, иметь опыт работы с несовершеннолетними, обладать доверием со стороны подростков, располагать их к откровенности. В качестве педагога может быть допущен муниципальный служащий органа управления образованием, у которого имеется педагогическое образование, не работающий с детьми, но имеющий практику работы с несовершеннолетними в образовательном учреждении¹⁰.

Кемеровский областной суд указал на нецелесообразность привлечения в качестве педагогов муниципальных служащих органа управления образованием, имеющих педагогическое образование, но не работающих с детьми, при этом отмечая, что педагог должен не только иметь соответствующее образование, но и обладать достаточным практическим опытом работы с подростками¹¹.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 1 фев-

раля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»¹² особо подчеркнул, что показания подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, полученные без участия педагога или психолога в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 425 УПК РФ, являются недопустимыми доказательствами.

Полагаем, что причины вышеуказанных нарушений связаны с «отсутствием четкого понимания целей и задач участия психолога и педагога в уголовном судопроизводстве, а также неясности их процессуального статуса»¹³. При этом необходимость привлечения педагога или психолога к рассмотрению уголовного дела в суде установлена ст. 425 УПК РФ, в которой указывается, что участие педагога, психолога является обязательным в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии.

Е. В. Марковичева, Л. Г. Татьяна¹⁴ обращают внимание на то, что часть норм, регламентирующих участие педагога или психолога в досудебном производстве, автоматически распространяет свое действие и на стадию судебного разбирательства, что на практике влечет за собой ряд проблем.

Так, например, в законе отсутствуют нормы, определяющие, по инициативе какой из сторон педагог или психолог вовлекаются в уголовный процесс на стадии судебного разбирательства.

Представляется, что такое право есть у судьи, хотя такое ходатайство может быть заявлено и защитником. Считаем целесообразным наделить таким правом несовершеннолетнего подсудимого и его законного представителя. Это вполне вписывается в рамки п. 1 ч. 1 ст. 428 УПК РФ, в соответствии с которым законный представитель вправе заявлять ходатайства на стадии судебного разбирательства.

Таким образом, полагаем необходимым более конкретно сформулировать положения УПК, регулирующие участие педагога или психолога на стадии судебного разбирательства.

¹ См.: Бычков А. С. Участие педагога в российском уголовном судопроизводстве. М., 2011. С. 64.

² *Рогозин Д. А.* Правовые, социальные и психологические основы производства по уголовным делам несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2001. С. 57.

³ См.: Бычков А. С. Указ. соч. С. 64.

⁴ *Софийчук Н. В.* Педагог, психолог в уголовном процессе : некоторые проблемы правовой регламентации процессуального статуса и его реализации // Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. Вологда, 2014. № 3 (27). С. 43.

⁵ См.: Бычков А. С. Указ. соч. С. 66.

⁶ См.: *Рогозин Д. А.* Указ. соч. С. 57.

⁷ Допрос подсудимого, не достигшего возраста 16 лет, в отсутствие педагога или психолога при рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей послужил основанием для отмены приговора : определение Верховного Суда РФ от 2 марта 2010 г. № 64-О10-5СП. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.08.2018).

⁸ Обзор судебной практики Челябинского областного суда за первый квартал 2011 г. URL: <http://www.chel-oblsud.ru> (дата обращения: 27.08.2018).

⁹ *Тетюев С. В.* Участие педагога и психолога в уголовном судопроизводстве // Судья. 2014. № 10. С. 29–32.

¹⁰ См.: Справка по итогам изучения судебной практики применения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» за 2009 г. и первое полугодие 2010 г. URL: http://vs.udm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=493 (дата обращения: 27.08.2018).

¹¹ См.: Справка Кемеровского областного суда от 30 июля 2010 г. № 01–08/26–521 о судебной практике рассмотрения судами Кемеровской области уголовных дел в отношении несовершеннолетних. URL: http://oblsud.kmr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=135 (дата обращения: 27.08.2018).

¹² См.: О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (в ред. от 29.11.2016). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.08.2018).

¹³ *Галдин М. В.* Изменения в УПК РФ о педагоге // Вопросы ювенальной юстиции. М., 2013. № 5 (49). С. 17–19.

¹⁴ См.: *Марковичева Е. В., Татьяна Л. Г.* Проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2017. Вып. 2. С. 133.

*Воронежский институт
МВД России*

Савицкая И. Г., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса

E-mail: arisha_s@list.ru

Tel.: 8 (473) 200-53-47, 8-951-568-98-22

*Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia*

Savitskaya I. G., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Trial Department

E-mail: arisha_s@list.ru

Tel.: 8 (473) 200-53-47, 8-951-568-98-22

В. И. Торговченков

Прокуратура Тамбовской области

ПРОБЛЕМЫ НЕОТВРАТИМОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ

А н н о т а ц и я: в статье проанализированы основные проблемы привлечения к ответственности лиц, совершивших повторно административные правонарушения, за которые предусмотрена уголовная ответственность. Отдельно затронуты вопросы применения мер к управляющим транспортными средствами в состоянии опьянения. Приведены примеры из судебной практики по уголовным делам, свидетельствующие об отсутствии воздействия к указанным лицам, хотя в рамках административного законодательства они должны быть лишены права управлять транспортными средствами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: проблемы ответственности, вождение в состоянии опьянения, лишение права управления транспортными средствами.

PROBLEMS OF INACCEPABILITY OF RESPONSIBILITY FOR THE PERFECTION OF CRIMES AND OFFENSES

Abstract: the article analyzes the main problems of bringing to justice the persons who have repeatedly committed administrative offenses, for which criminal liability is provided. Separately, the issues of application of measures to the driving vehicles while intoxicated. There are examples from judicial practice in criminal cases, indicating a lack of exposure to these persons, although under administrative legislation they should be deprived of the right to drive vehicles.

Key words: responsibility problems, driving while intoxicated, deprivation of the right to drive vehicles.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Анализ действующего зарубежного и отечественного законодательства свидетельствует о том, что уголовная ответственность является самой строгой. Она предусмотрена за совершение преступлений как наиболее общественно опасных деяний по сравнению с административными правонарушениями и гражданско-правовыми деликтами, что выражается в строгости тех мер, которые могут применяться к виновным лицам.

Однако несовершенство законодательства, наличие пробелов и отсутствие

необходимых процедур приводят к тому, что уголовная ответственность может не наступить вовсе, хотя за схожие административные правонарушения она была бы применена и являлась более строгой.

Рассмотрим такие возможные ситуации на примере преступлений и правонарушений в области дорожного движения.

В последние годы органами государственной власти уделяется значительное внимание обеспечению безопасности дорожного движения, в том числе мерам ответственности и предупреждению вождения транспортных средств в состоянии опьянения.

Федеральным законом от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ в ст. 264 УК РФ введены квалифицированные составы данного преступления, предусматривающие ответственность за нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, **совершенное лицами, управлявшими транспортными средствами в состоянии опьянения** (ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ). Обязательным дополнительным видом наказания за совершение данных преступлений является лишение права заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Ответственность за управление транспортными средствами в состоянии опьянения предусмотрена в ст. 12.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях. В части 1 указанной статьи предусмотрено обязательное дополнительное наказание в виде лишения права управлять транспортными средствами на срок от полутора до двух лет.

Административное законодательство в отличие от уголовного содержит узкий круг оснований освобождения лица от ответственности – крайняя необходимость, невменяемость, давность. Уголовный кодекс РФ помимо указанных предусматривает такие основания, как деятельное раскаяние, примирение сторон, судебный штраф (как мера уголовно-правового характера), применение которых зависит от заглаживания обвиняемыми причиненного вреда потерпевшим и мнения последних.

С учетом этого в ряде случаев возникает парадоксальная ситуация, при которой возможно избежать ответственности и сохранить право управления транспортным средством как бы «на законных основаниях».

В пункте 12.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля

2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» содержатся разъяснения о том, что если в ходе судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ч. 2, 4 или 6 ст. 264 либо ст. 264.1 УК РФ, будет установлено, что лицо в связи с этим правонарушением привлечено к административной ответственности по ч. 1 или 3 ст. 12.8 либо по ст. 12.26 КоАП РФ, то суду следует направить уголовное дело прокурору на основании ст. 237 УПК РФ, поскольку вступившее в законную силу и неотменное решение о привлечении к административной ответственности лица за совершение тех же действий, которые вменены ему органами предварительного расследования (управление транспортным средством в состоянии опьянения или невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения), является препятствием для вынесения приговора¹. Указанное положение совершенно обоснованно, поскольку невозможно виновное лицо привлечь к ответственности дважды за одно и то же деяние. Это следует и из конструктивных особенностей диспозиций ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ, согласно которым наступление административной ответственности возможно, если такие действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния.

Но не всегда рассмотрение уголовных дел, предусмотренных ст. 264 УК РФ, заканчивается вынесением приговора. Данные преступления (ч. 2–6 ст. 264 УК РФ) относятся к категории средней тяжести, а значит по ним возможно освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ),

примирением сторон (ст. 76 УК РФ) или применением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) при соблюдении необходимых условий.

Судами Тамбовской области за 2016–2017 гг. прекращено 6 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 264 УК РФ, в 2018 г. – 3 дела². Во всех случаях подсудимые совершили преступление средней тяжести впервые, возместили причиненный вред и примирились с потерпевшими. При таких обстоятельствах у суда не было оснований отказать в удовлетворении ходатайств потерпевших несмотря на то, что прекращение уголовных дел в таких случаях является правом, а не обязанностью суда.

Таким образом, указанные лица на законных основаниях, примирившись с потерпевшими, компенсировав им причиненный вред и моральные страдания, не только избежали осуждения, но и сохранили право управлять транспортными средствами.

При этом стоит отметить, что определенное количество таких дел, с учетом действующего законодательства, ежегодно прекращается и будет прекращаться.

Подобная ситуация, когда за преступление, имеющее несравнимо большую степень общественной опасности, чем административное правонарушение, лицо может не понести никакой ответственности, а за правонарушение такая ответственность будет применена в обязательном порядке, является неприемлемой. В этом случае принцип неотвратимости наказания, по сути, не действует.

Стоит отметить, что Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс РФ введена ст. 105.1, предусматривающая возможность избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий. Одним из таких является запрет управлять автомобилем или иным транспорт-

ным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Избрание такой меры пресечения возможно на основании судебного решения, вынесенного по ходатайству органов предварительного расследования в порядке, предусмотренном ст. 108 УПК РФ.

Таким образом, возможно запретить лицам, подозреваемым (обвиняемым) в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ, управлять транспортными средствами на период проведения предварительного расследования и до вступления приговора в законную силу либо до вынесения иного решения по делу.

Однако подобная новелла не решает вопрос ответственности водителей, совершивших преступления, предусмотренные ст. 264 УК РФ, за управление транспортным средством в состоянии опьянения, поскольку указанный запрет является лишь мерой пресечения, которая может применяться при наличии достаточных оснований и носит обеспечительный характер. Такая мера может быть применена, но не является обязательной. В Тамбовской области в 2018 г. она ни разу не применялась.

Один из основополагающих принципов уголовного закона – принцип справедливости – предусматривает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Факт освобождения виновного лица от всякой ответственности за вождение транспортного средства в состоянии опьянения свидетельствует о несоблюдении как

принципа справедливости, так и неотвратимости наказания.

На наш взгляд, реализация данных принципов может быть обеспечена не только путем уголовного наказания, но и иными мерами уголовно-правового характера.

За основу можно взять опыт применения судебного штрафа как иной меры уголовно-правового характера. Аналогичным путем возможно и применение лишения права управления транспортными средствами по отношению к лицам, совершившим преступления против безопасности дорожного движения в состоянии опьянения, уголовное дело в отношении которых прекращено по основаниям, предусмотренным ст. 75, 76 и 76.2 УК РФ. Для этого видится необходимым ввести в ст. 75 УК РФ часть 3, в ст. 76 УК РФ – часть 2 следующего содержания: «Если лицо, совершившее преступления против безопасности дорожного движения в состоянии опьянения, освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (примирением сторон), к нему применяется лишение права управления транспортными средствами». В статью 76.2 УК РФ ввести часть 2: «Если судебный штраф назначен лицу, совершившему преступления против безопасности дорожного движения в состоянии опьянения, к нему также наравне с судебным штрафом применяется лишение права управления транспортными средствами».

Раздел VI УК РФ необходимо дополнить главой «15.3. Лишение права управления транспортными средствами», а главу 51.2 раздела XVI УПК РФ – соответствующими статьями, в которых будет предусмотрен порядок применения и отмены указанной меры.

Лишение права управления транспортными средствами применяется уже не только в уголовном или администра-

тивном законодательстве, но и как мера воздействия в рамках Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», ст. 67.1 которого предусматривает временные ограничения на пользование должником специальным правом в виде управления транспортными средствами, вводимые при неисполнении должником-гражданином или должником, являющимся индивидуальным предпринимателем, в установленный для добровольного исполнения срок без уважительных причин содержащихся в исполнительном документе требований.

Органами прокуратуры на протяжении длительного времени осуществляется контроль и выявляются лица, состоящие на учете в наркологических диспансерах с диагнозами наркотической или алкогольной зависимости. В таких случаях в порядке гражданского судопроизводства подаются заявления в суд с целью лишения указанных лиц права управления транспортными средствами.

Таким образом, только в уголовном законодательстве еще до конца не предусмотрен механизм, позволяющий применить справедливые и адекватные меры к водителям, грубо нарушающим правила безопасности дорожного движения и ставящим в опасность неопределенный круг лиц ввиду управления транспортными средствами под воздействием алкогольного либо наркотического опьянения.

Поэтому введение в уголовный закон правил о применении лишения права управления транспортными средствами как иной меры уголовно-правового характера будет не только отвечать современным реалиям и принципу неотвратимости наказания, но и позволит разрешить имеющиеся проблемы межотраслевой ответственности за управление транспортными средствами в состоянии опьянения.

Однако проблемы соотношения мер административной и уголовной ответственности не ограничиваются только лишь деяниями, посягающими на безопасность дорожного движения. Ранее поднимались вопросы, касающиеся декриминализации побоев, злостного уклонения от уплаты алиментов и других преступлений³. Отмечалось, что с превентивной точки зрения это окажет положительное воздействие на виновных лиц ввиду неизбежности применения наказания, хоть и более мягкого, чем предусмотрено уголовным законом. Но эти же деяния, имеющие административную преюдицию, которая влечет привлечение к уголовной

ответственности в случае их повторного совершения, могут быть ненаказуемы вовсе в силу возможного прекращения уголовного дела за примирением сторон, деятельного раскаяния и других нереабилитирующих оснований. То есть складывается ситуация, при которой более общественно опасное поведение не влечет никакой ответственности и уголовные меры в таком случае значительно мягче тех, которые предусмотрены административным законодательством. Такое положение вещей также требует осмысления и разработки механизмов, предусматривающих хотя бы минимальное воздействие на виновных лиц с превентивной целью.

¹ См.: О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 22 // Рос. газета. № 117. 2016. 1 июня.

² См.: Постановление Тамбовского районного суда Тамбовской области от 25 мая 2018 г. по делу № 1-90/2018 в отношении С.Е.П. по ч. 2 ст. 264 УК РФ. URL: <http://sud22--tmb.sudrf.ru>; Постановление Жердевского районного суда Тамбовской области от 29 октября 2018 г. по делу № 1-61/2018 в отношении С.А.В. по ч. 2 ст. 264 УК РФ. URL: <http://zherdevsky--tmb.sudrf.ru>; Постановление Мичуринского городского суда Тамбовской области от 2 августа 2018 г. по делу № 1-218/2018 в отношении К.А.Н. по ч. 2 ст. 264 УК РФ. URL: <http://michurinskygs--tmb.sudrf.ru>

³ См.: *Торговченков В. И.* К вопросу о внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации, предложенных Верховным Судом России // *Законы России : опыт, анализ, практика.* 2016. № 1. С. 79–86.

Прокуратура Тамбовской области

Торговченков В. И., кандидат
юридических наук, доцент,
прокурор Тамбовской области

Prosecutor's Office of Tambov Region

Torgovchenkov V. I., Candidate of Legal
Sciences, Associate Professor,
Prosecutor of the Tambov Region

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. К публикации принимаются материалы, которые соответствуют предъявляемым требованиям, в том числе тематической направленности журнала. Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Вопрос о публикации решает редакционная коллегия журнала.

2. Для публикации статьи необходимо представить в редакцию журнала следующие материалы и документы:

2.1. Подписанный автором текст статьи, в который входят:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском языке;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает или занимает соответствующую должность;
- аннотация и ключевые слова на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию журнала;
- текст статьи;
- затекстовые библиографические ссылки;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера телефона (служебного, домашнего или мобильного), адреса электронной почты.

2.2. Электронную версию предоставляемого материала (на USB-флеш-накопителе или оптическом диске).

2.3. Выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения); для аспирантов и соискателей – также отзыв научного руководителя о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале.

3. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

4. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

1. Текст статьи должен быть набран в формате Microsoft Word, шрифт – Times New Roman, размер – 14, через 1,5 интервала; распечатан на белой бумаге с одной стороны листа.

2. Все поля на листе – 2 см.

3. Библиографические ссылки оформляются шрифтом 12 кегля и располагаются в конце статьи. Нумерация ссылок сквозная. Правила оформления ссылок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам

самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

4. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц.

5. Названия учреждений, органов государственной власти, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом упоминании в тексте.

6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

7. Все таблицы и рисунки должны иметь отсылочные упоминания в тексте.

7.1. Таблицы и рисунки должны иметь сплошную порядковую нумерацию (если таблица или рисунок представлены в единственном числе, порядковый номер им не присваивается, и они обозначаются соответственно «Таблица», «Рисунок»). Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в примечании, располагаемом непосредственно после таблицы. Для сноски применяется символ «*». Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

7.2. Иллюстрации – схемы, диаграммы, фотографии и др. – должны быть только черно-белыми, иметь порядковую нумерацию. Каждая иллюстрация должна иметь отсылочное упоминание в тексте статьи, размещаться в общем файле непосредственно после упоминания. Электронная версия каждой иллюстрации должна быть представлена в виде отдельного файла в формате tif или jpg с разрешением не менее 300 dpi.

РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и пояснение всех произведенных в статье изменений.

4. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

THE REQUIREMENTS TO THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

GENERAL PROVISIONS

1. Accepted for publication materials which meet the requirements, including the thematic focus of the journal. The published materials as well as materials submitted for publication in other journals will not be accepted. The publication addresses Editorial board.

2. To publish an article must be submitted to the journal the following materials and documents:

2.1. Signed by the author of the article text, which includes:

- UDC;
- title of the article in Russian and English languages;
- initials and surname of the author (coauthors) in Russian;
- name of educational, scientific or other organization, in which the author (coauthors) operates or holds an appropriate position;
- abstract and key words in Russian and English languages;
- the date of the direction of the material to the editors;
- text of the article;
- endnotes bibliographical references;
- information about the author (coauthors) in Russian and English languages with full indication of the surname, name, patronymic, scientific degree, academic status, main place of work, position, telephone number (office, home or mobile), e-mail addresses.

2.2. The electronic version of the material provided (on the USB-flash-drive or optical drive) or e-mail: tanya@law.vsu.ru.

2.3. Extract from the minutes of the meeting of the department (sector unit); for post-graduate students – is also a review of the supervisor of the recommendations sent by the material for publication in the journal.

3. Articles sent to the editor are subject to peer review in the case of a positive review – scientific and controlling editing.

4. The publication of articles is free of charge.

REQUIREMENTS TO ARRANGEMENT OF THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

1. The text is printed in a text editor of WinWord, font – Times New Roman, size – 14, interval – 1.5; printed on white paper with one side of the sheet.

2. All of the fields in the sheet – 2 cm.

3. References made out font 12 point size, and are located at the end of the article. Reference numbering sequentially. Rules for reference – in accordance with the state standard specification 7.0.5–2008 «The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up». In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

4. The text should not exceed 16–18 pages.

5. Names of institutions, public authorities, international organizations are not reduced. All abbreviations and acronyms should be defined when first mentioned in the text.

6. All manuscripts should be numbered page.

7. All tables and figures should have referential mention in the text.

7.1. Tables and figures should have a continuous serial numbering (if the table or figure presented in the singular, it is not assigned a serial number, and they are denoted by «Table», «Picture»). Each column should have a short heading (it can be used abbreviations and reductions). Explanations of terms, acronyms are placed in a footnote, which is located directly below the table. The symbol «*» is applied for references. If you use data from another published or unpublished source, should be fully incorporated its name.

7.2. Illustration – charts, graphs, pictures, etc. – should only be black and white, have serial numbering. Each illustration should have referential references in the text of the article, placed in the general file immediately after the mentions. The electronic version of each illustration should be submitted as a separate file in format tif or jpg with a resolution of at least 300 dpi.

DECISION ON PUBLICATIONS AND REFUSAL OF PUBLICATION

1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of jurisprudence is necessary to make decision on the publication.

3. In some cases, possible improvements (quality improvement) of the author, on the recommendation of the editorial board. Article directed to the author for revision must be returned in the amended form, together with its original version as soon as possible. By the revised manuscript to the author (co-authors), you must attach a letter containing answers to the comments made by the editorial staff and an explanation of the changes made in the article.

4. Denial of publication is possible in the following cases:

- inconsistencies article profile and specifics of the magazine;
- the rough violations in citing including references to statute rules;
- inconsistencies article criteria of the scientific level and practical utility;
- an unfavorable opinion of the editorial board;
- publication of the article in other publications or article submission for publication of identical materials in other publications.

5. The manuscripts submitted for publication will not be returned.